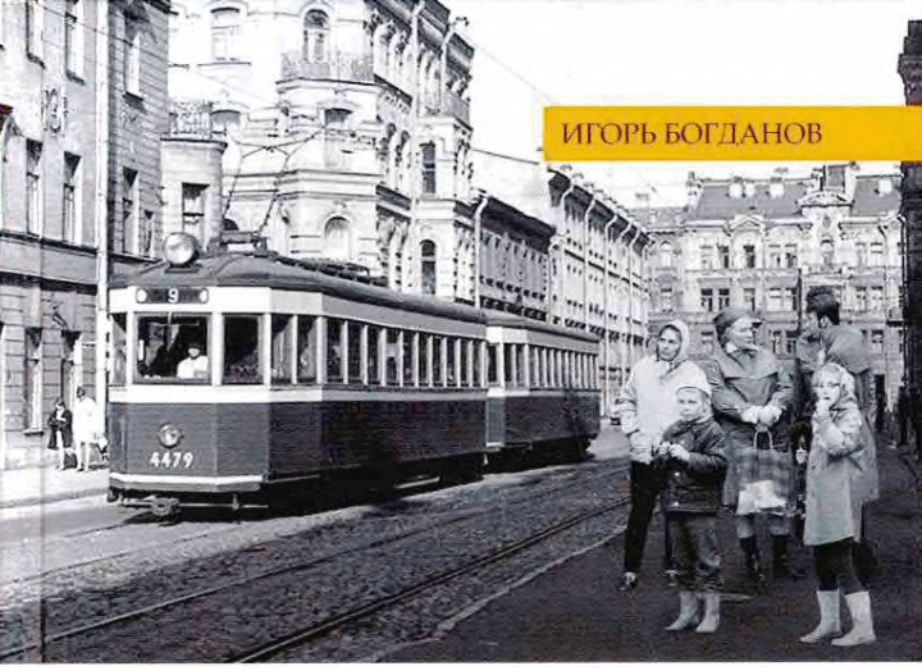


ИГОРЬ БОГДАНОВ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЛЕКСИКОН

1149

ИГОРЬ БОГДАНОВ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ

ЛЕКСИКОН

Издание 2-е, доработанное

Москва — Санкт-Петербург
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
Русская тройка-СПб

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)
Б73

Оформление художника
Я.А. Галеевой

Богданов И.А.
Б73 Ленинградский лексикон. Изд. 2-е, дораб. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. — 351 с.

ISBN 978-5-227-04050-3

Автор делится своими наблюдениями и воспоминаниями, представляя реальную картину жизни Ленинграда конца 1940-х — начала 1990-х годов. Необычна форма изложения воспоминаний — они представлены по словарному принципу. Книга являет собой связующее звено, мостик, соединяющий поколения. Современному читателю, не знакомому с реалиями социалистической действительности, откроются вещи совершенно поразительные. Вы узнаете, что «распашонка» — это не детская кофточка, а планировка квартиры, «андроповка» — это водка, а «живопырка» — это заведение общепита.

Эта книга для тех, кто интересуется жизнью и историей Северной столицы, так стремительно меняющей свой облик.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

© Богданов И.А., 2013
© ООО «Рт-СПб», 2013
© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

ISBN 978-5-227-04050-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

БЕЗ КОМПЛИМЕНТОВ ПРОШЛОМУ

*It's natural for me to prefer my own times *.*
Agatha Christie. «A Murder is Announced».

Проходя как-то по двору дома, в котором живу уже больше сорока лет, я неожиданно остановился, пораженный возникшей в воображении картиной: да ведь вот здесь, на этом самом месте, где стоит мой японский автомобиль, когда-то были деревянные сараи. Я будто сейчас их вижу — двухэтажные, покосившиеся, с навесными замками на дверях, сколоченных из горбылей.

На каждую квартиру — коммунальную или отдельную — тогда, в 1960-е годы, приходился сарай с дровами; имелся такой сарай и у нас с матерью. Мы жили вдвоем в одной из четырех комнат коммунальной квартиры, в которой я живу и сейчас; правда, квартира давно уже не коммунальная, а отдельная, и в ней не четыре комнаты, а две, и топится она давно уже не дровами. Одну из комнат занимает мой сын, родившийся в этом тысячелетии.

Стоит только вспомнить что-то из той, прежней жизни, как тут же воспоминания выстраиваются в цепочку и тянут за собой все новые подробности. Ленинград, где я родился, двор, в котором мы пускали спички по весенним ручьям, гоняли по морщинистому асфальту палками консервную

---

* «Естественно, время моей юности кажется мне самым лучшим». Агата Кристи. «Объявлено убийство» (*англ.*).

банку вместо мяча или шайбы и носили башмаки даже тогда, когда те просили есть. Во дворе играли в «классы» или в фантики на щелбаны и ждали своей очереди прокатиться на единственном на всех велике. Все уважающие себя дети лазали по сараям и деревьям, играли в войну, а ябедам и предателям объявлялся бойкот. Все — да почти все! — собирали марки, или монеты, или спичечные этикетки, зачитывали книги до дыр. Взрослые же ходили в гости «на телевизор» и смотрели все подряд, потому что все было интересно; на весь двор гоняли шлягеры с прилипшими на всю жизнь словами «...потолок ледяной, дверь скрипучая...» или «...на тебе сошелся клином белый свет...» и время от времени звали с балкона или в форточку: «Аня, есть!», «Миша, домой!», а точильщики кричали на весь двор: «Точить ножи!»

На Пасху только во дворах — чтоб очереди не выстраивались на всю улицу — продавали яйца в стружках.

В мясных магазинах продавщицы кричали во весь голос: «Касса, мозги не выбивать!» А в Гостином Дворе время от времени «выбрасывали» что-нибудь модное.

Мой сын-дошкольник в силу своего юного возраста и затянувшегося увлечения динозаврами не знает о той интересной жизни ничего, кроме того, что тогда у меня, по моим рассказам, не было ни одной из тех игрушек, а также компьютера, смешариков и «чупа-чупс» (и правда, как без всего этого жили?), что есть у него. Для сына я и написал эту книгу. Должен же он знать, как трудно, но весело жилось его родителю в городе Ленинграде второй половины XX века. Но если книга покажется интересной и кому-то из взрослых или их детей, значит, я не напрасно извлекал из памяти стародавние подробности, не зря расспрашивал знакомых о том, что им запомнилось из прежней жизни, а также перечитывал мемуары, в очередной раз (и не без удовольствия) смотрел старые советские фильмы и рыскал по просторам всезнающего Интернета.

Свои и чужие воспоминания я распределил по словарному принципу, разбил на статьи и поместил в алфавитном

порядке. Кто-то, конечно же, обратит внимание на то, что статьи-очерки в моем лексиконе не равнозначны, в том числе и по объему. Что делать, не все темы мне одинаково хорошо знакомы, не все прошли через мою жизнь. Я, например, много знаю о табаке (даже книгу написал о нем) и практически ничего не знаю о цеховиках, хотя раньше и слышал о них, правда, краем уха, ибо о них писали только в уголовной хронике, да и то коротко. Кроме того, я иногда старался особенно не «расписываться», как, например, в рассказе о гостинице «Европейская», который мог бы растянуться на десятки страниц, но я привел лишь несколько эпизодов из ее богатой и долгой истории. У меня уже издано несколько книг по истории этого отеля.

Я убежден — современному читателю, незнакомому с реалиями социалистической действительности, откроются вещи совершенно поразительные. Исторический опыт советских людей уникален и неповторим, он далек и вместе с тем так близок нам. Еще живы люди, которые помнят такое, во что сегодня и мне, жившему в Ленинграде, поверить невозможно (многое напрочь забылось), и уже есть те, кто вообще ничего не знает о Ленинграде, городе, который просуществовал под этим названием с 1924 по 1991 год. В своих очерках-воспоминаниях о Ленинграде я постарался обойтись без комплиментов прошлому, хотя «время моей юности и кажется мне самым лучшим», но и без осуждения былого времени, несмотря на то что многое мне тогда и не нравилось. «Лексикон» ограничен временными рамками — конец 1940-х начало 1990-х годов.

В это время и создавалась история, ставшая объектом моего интереса, прежде всего потому, что я жил в ту незабываемую эпоху.

В заключение считаю своим непременным долгом выразить благодарность тем, кто помог мне в работе над этой книгой: В. Я. Айнбиндеру, Н. Б. Ветошниковой, Ю. Н. Кружнову, С. В. Лобковскому, А. А. Морачевскому, Ю. А. Постникову.

Игорь Богданов

АББРЕВИАТУРА. Аббревиатура расцвела буйным цветом в СССР (аббревиатура!) после 1917 года. После Великой Отечественной войны (ВОВ) она продолжала жить и размножаться и прекрасно себя чувствовала в Ленинграде в годы правления КПСС.

Помимо официальных названий предприятий, учреждений, организаций, ведомств и структур — Главрыба, обком, КГБ и пр. — бытовали и народные. ОРС — отдел рабочего снабжения, или, другой вариант, «**о**беспечь **р**аньше **с**ебя». Аббревиатуру ДОСААФ (**Д**обровольное **о**бщество **с**одействия **а**рмии, **а**виации и **ф**лоту) в народе расшифровывали так: «**Д**обровольное **о**бщество **с**одействия **А**ндропову, **А**лиеву, **Ф**едорчуку» (в 1982 году Г. А. Алиев, бывший генерал КГБ, с подачи Ю. В. Андропова стал членом Политбюро; В. В. Федорчук — министр внутренних дел). КГБ — **К**омитет **г**осударственной **б**езопасности — это еще и «**к**онтора **г**лубокого **б**урения»; именно так именовали ленинградцы эту организацию в разговорах между собой. Кстати, сотрудники «кафедры геоботаники» называли свою кафедру тоже КГБ. У КГБ, меж тем, как известно, имелись предшественники, например НКВД — **Н**ародный **к**омиссариат **в**нутренних **д**ел. Вы затрудняетесь, как можно еще расшифровать эти четыре грозные буквы? Да пожалуйста:

Невский кожно-венерологический диспансер. Или вот еще знакомая аббревиатура — ЧК (Чрезвычайная комиссия). Но в этом смысле аббревиатура ЧК употреблялась в довоенное время, к 1970-м же так для краткости ленинградцы называли магазин «Чай-кофе» на Невском пр., 81.

В аббревиатуру в былые, не столь отдаленные времена легко превращалось любое слово. Вот, например, водка — «Экстра». Так, оказывается, это слово, если на него взглянуть как на аббревиатуру, а не на набор букв на этикетке, можно расшифровать как слева направо «Эх, как стало тяжело русскому алкоголику», так и справа налево «А разве так создашь коммунистическую экономику?». А взять ленинградские вузы. ЛЭТИ — Ленинградский электротехнический институт. Однако некоторые из числа учившихся в нем предпочитали расшифровывать эту аббревиатуру так: «Ленинградский эстрадно-танцевальный институт» (с легким электротехническим уклоном — добавляли иногда), и подобная расшифровка имела свой резон, ибо из ЛЭТИ вышло довольно много известных поэтов, композиторов, музыкантов (композитор А. Н. Колкер, поэт К. И. Рыжов, например). Оказывается, будущие инженеры ЛИИЖТа, института железнодорожного транспорта, расшифровывали название своего учебного заведения еще и как «Ленинградский институт исследования женского тела». ЛИИЖТ, как известно, состоял при МПС. Думаете, речь о Министерстве путей сообщения? Возможно. Но кое-кто предпочитал расшифровывать эти три буквы иначе: МПС — «Министерство половых сношений». Ну, разумеется, при каком же еще министерстве и изучать женское тело? Или вот еще одно знакомое на слух учебное заведение — ВТУЗ. Да ведь это Высшее техническое учебное заведение (при Металлическом заводе, ныне — Государственный институт машиностроения), скажете вы. И будете отчасти правы. Однако студенты расшифровали эту аббревиатуру по-своему: «Все тунеядцы учатся здесь». Так ли это на самом деле, о том историку неведомо. Как неведомо, и что заставило кого-то

придумать следующую расшифровку известной аббревиатуры ЛГПИ (Ленинградский государственный педагогический институт) — «Ленинградский государственный приют идиотов». Вообще, у ленинградских абитуриентов выбор был большой: тут тебе, помимо перечисленных выше учебных заведений, и ЛИАП (Ленинградский институт ивиационного приборостроения, он же «Ленинградский институт алкоголиков-профессионалов» — «Лепят инженеров, алкоголики получаются»), и ЛКИ (Ленинградский кораблестроительный институт, он же «Ленинградский клуб импотентов»), и ЛИСИ (Ленинградский инженерно-строительный институт, он же «Ленинградский институт сексуальных извращений», где, как гласила ходившая из уст в уста реклама, «Любого идиота сделаем инженером»), и ЛЭИС (Ленинградский электротехнический институт связи, он же «Ленинградский экспериментальный институт секса» — т. е., по сути, прямой конкурент ЛИИЖТа), и ЛМИ (Ленинградский механический институт, или «Лучше мимо иди»), ВПШК — Высшая профсоюзная школа культуры (ныне это, разумеется, Гуманитарный университет профсоюзов; хотя мог бы быть и еще одной академией) — в народе расшифровывался как «Ваш последний шанс, коллега», ЛИТМО, вуз, который «Лошадь и то может окончить», хотя в нем и «Лентяям и тунеядцам место обеспечено». А ведь ЛИТМО — не только Ленинградский институт точной механики и оптики, а еще и «Ленинградский институт темной магии и оккультизма». Это же какой простор для образования, особенно для настоящих мужчин, ибо ЛИТМО — это ведь еще и «Ленинградский институт тесных мужских отношений». Такого раздолья для студенчества сегодня (правда, с уклоном в определенную сторону), по-моему, нет. Остались одни университеты и академии, и ни одну аббревиатуру расшифровать невозможно (я даже припомнить ни одну не могу — все незапоминающиеся). Я тоже учился в университете, но в единственном университете в Ленинграде, как и должно быть во всяком городе,

даже в Петербурге, где университетов сегодня пруд пруди. Тогда Ленинградский государственный университет при желании сокращали до трех букв — ЛГУ, которые легко и совершенно справедливо расшифровывались так: «Лучшие годы уходят» (о чем мы, студенты, и не подозревали). Ленинград последних десятилетий минувшего столетия — вообще сплошная аббревиатура. Это город ЖСК (жилищно-строительные кооперативы), ЖАКТов (жилищно-арендные кооперативные товарищества), КВНов (первых телевизоров 1949 года выпуска, названных по имени инженеров-изобретателей — В. К. Кенигсона, И. М. Варшавского и И. А. Николаевского, хотя ленинградцы расшифровывали эту аббревиатуру по-своему: «Купил, включил — не работает»), ОБХСС ГУМ НКВД СССР (Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности Главного управления милиции Народного комиссариата внутренних дел* Союза Советских Социалистических Республик), ЭВМ (электронно-вычислительная машина), ДЮСШ (детско-юношеская спортивная школа), ШРМ (школа рабочей молодежи), ПТУ (профессионально-техническое училище), ЖЭКов (жилищно-эксплуатационная контора), ЗАГСов (запись актов гражданского состояния), БОРЗов (лица «без определенного рода занятий», т. е. тунеядцы), ПО (производственное объединение), БДТ, СКА, ФЗУ (фабрично-заводское ученичество), Гороно (Городской отдел народного образования), ОЭВРЗ (Октябрьский экспериментальный вагоноремонтный завод), ГДР (Гражданка дальше Ручья), ФРГ (фешенебельный район Гражданки), КНР (Купчинская Народная Республика), КБ (конструкторское бюро), ЗиМов и ЗиСов (автомобили), ЦПКиО (в народе — «цыпочка», или Центральный парк культуры и отдыха им. С. М. Кирова), ГАИ и — спокойно, передаю по буквам! — ЛОЛОТ-КЗГУ (Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет). Став

* С 1946 года — Министерство внутренних дел (МВД).

Петербургом (или СПб — спецпсихбольницей, по определению провинциальных остроумцев) и вступив в XXI век, город превратился в обиталище или, если угодно, вместилище ООО, НТВ, ЧП, НДС, ИП, ЗАО, БМВ, СКВ, ГИБДД, безнала, УБОПа, WC, PR и VIP. Непосвященным, как и прежде, нелегко (попробуйте, например, расшифровать ГИБДД), а острякам — раздолье (правда, народ острит все меньше и меньше). Многие аббревиатуры уходят из нашей жизни вместе с тем, что за ними стояло, — КАС, например (коллективная автостоянка). Что поделать, таковы веяния времени.

Нынешняя молодежь не знает, что такое БАМ, а ленинградец, доведись ему в 1960-е, например, годы столкнуться с аббревиатурой МТС, расшифровал бы ее так: машинно-тракторная станция. И был бы прав. Как прав и наш современник, утверждающий, что это название телефонного оператора. Что такое СВЧ-печь, ленинградцы не знали, хотя микроволновка была изобретена еще в 1947 году, а американские домохозяйки пользовались этим бытовым прибором уже в 1960-е годы, когда во многих ленинградских домах еще готовили на дровах. Современная петербурженка, напротив, хорошо знает, что такое СВЧ (сверхвысотная частота), но расшифровать эту всем ныне знакомую комбинацию букв может далеко не всякий наш современник. Спросите у любого обладателя БМВ (Baurisch Motor Werke), что означают эти три буквы, то едва ли дождетесь ответа, а вот ленинградцы разные аббревиатуры вроде ЗиМ или ГАЗ щелкали как орешки. Аббревиатура живет и в нынешнем лексиконе, но живет самостоятельной, не расшифровываемой жизнью.

АВТОМОБИЛИ. Чтобы перечислить марки советских автомобилей 1950—1980-х годов, хватит пальцев одной руки (правда, моделей различных марок было несравненно больше).

Автомобили, передвигавшиеся по ленинградским улицам, редко провожали глазами. Машины не стояли в

«Победа»

пробках, владельцы запросто оставляли их во дворах или на улицах — но не на газонах и не на тротуарах!

В июне 1946 года с конвейера Горьковского автозавода сошел автомобиль ГАЗ М-20 — знаменитая «Победа». (Кстати, тогда родился будущий генеральный директор АО «AVVA» — «Всероссийский автомобильный альянс» — Б. А. Березовский.) В этой машине с советским кузовом и немецким нутром при проектировании узлов шасси и силовой конструкции днища использовали элементы конструкции «Опель Капитан», «*Opel Kapitan*» образца 1939 года. «Победе» суждено войти в историю не только отечественного, но и мирового автомобилестроения. ГАЗ М-20 сделался знаменит прежде всего благодаря оригинальной, невиданной дотоле форме кузова, который при движении создавал очень малое аэродинамическое сопротивление. В последующие два-три года разработка дизайна машины использовалась некоторыми мировыми автопроизводителями (наверное, это единственный случай в истории отечественного автопрома). «Победа» стала первым в мире массовым автомобилем с кузовом «бескрылой» формы. У машины была независимая подвеска передних колес, гидравлический привод тормозов. В комфортабельном салоне с отопителем

свободно размещались пять человек, а для удобства в комплект автомобиля входил радиоприемник. Впрочем, наш знаменитый актер и режиссер А. А. Ширвиндт, который когда-то имел «Победу», утверждает, что «*однажды я вез в ней одиннадцать человек, такие тогда были вместительные салоны*». Большинство «Победу» приобрести не могло из-за ее дороговизны. Г. П. Вишневская, когда жила в Ленинграде, купила, как она пишет в своей книге, в 1948 году «Победу» за 1600 рублей. Увы! Память в данном случае подвела нашу великую певицу, а редактор книги «Галина» не удосужился проверить этот факт. На самом деле «Победа» стоила в начале 1950-х годов 16000 рублей, а спустя несколько лет — 25000 (Вишневская ошиблась, таким образом, в десять раз). 16000 рублей — очень большие деньги. Наши футболисты, например, выиграв олимпийский турнир по футболу в Мельбурне в 1956 году, получили по 11000 рублей на брата, и «Победу» никто из них приобрести не мог. (Рабочий получал тогда 1200—1500 рублей, доцент — 3200 рублей, а профессор — более 5000. (Вот он мог приобрести машину, но для этого ему приходилось бы соблюдать многомесячный режим экономии в быту — в 1956 году «Победа» стоила уже 20000 рублей.)

В 1949 году к «Победе»-седану добавился кабриолет. В наши дни московский актер Л. И. Ярмольник владеет двумя отреставрированными «Победами» выпуска 1954 и 1955 годов, одна из которых — кабриолет, окрашенный в два оттенка бежевого с разделением по линии понтона*. Есть ли у кого-нибудь в Петербурге «Победа» на ходу — не знаю, не видел, не слышал...

В 1950-е годы весь ленинградский парк такси оснащался «Победами».

В мае 1948 года Горьковский автозавод имени В. М. Молотова получил правительственное задание на разработку и выпуск шестиместного легкового автомобиля, которому

* Выражаю благодарность Л. И. Ярмольнику за предоставленные сведения.

по комфортабельности, экономичности и динамике предстояло занять промежуточное положение между солидным ЗиС-110 (изготавливался на московском Заводе им. И. В. Сталина* — так с 1931 по 1956 год назывался Завод им. И. А. Лихачева) и «Победой». Первую промышленную партию нового легкового автомобиля большого класса ГАЗ-12 ЗиМ (производился на Заводе им. Молотова, отсюда аббревиатура) выпустили в 1950 году. ЗиМ — один из самых впечатляющих и запоминающихся символов сталинской эпохи. Дизайн этой машины хорош, хотя и не оригинален — ЗиМ подозрительно напоминал американский *Buick Super* 1948 года. В кузове ЗиМа размещалось три ряда сидений. Средние складывались и убирались в спинку переднего сиденья. При этом для ног пассажиров, сидящих сзади, освобождался невиданный прежде простор (расстояние между спинками переднего и заднего диванов превышало полтора метра). А вот переднее сиденье не регулировалось, что, как догадываются сегодняшние автомобилисты, создавало для водителя определенные неудобства. Салон (если не сказать — интерьер) отделали богато для того времени — кожа, дерево. Для удовольствия водителя и пассажиров имелись трехдиапазонный радиоприемник, часы с недельным заводом, электроприкуриватель, пепельницы. Кроме того, на приборной доске имелись лампочки, сигнализирующие о том, затянут ли ручной тормоз и не перевалила ли температура воды в системе охлаждения за отметку 90°.

Капот у ЗиМа открывался в любую сторону, а если возникала надобность, то и вообще снимался. Впервые в отечественном автостроении применили гнутое заднее стекло. И, наконец, именно на передке кузова ЗиМа впервые появилась эмблема с изображением оленя — символа Нижнего Новгорода.

---

* На ЗиСе выпускался велосипед «Прогресс» стоимостью 435 рублей; на этих велосипедах многие ленинградцы ездили сами, а потом передавали их в наследство детям, и велосипеды были на ходу.

В середине 1950-х годов ЗиМ стоил около 40000 рублей — неподъемные деньги для простого (да и не для простого) обывателя (при средней зарплате служащих и неквалифицированных рабочих в 700—800 рублей). ЗиМы встречались на ленинградских дорогах примерно до начала 1990-х годов, но и в 2007 году предлагали купить, быть может, последний экземпляр, который возил на работу лично Л. И. Брежнева в бытность его первым секретарем ЦК КП Молдавии. В одной из газет я недавно (пишу эти строки в 2007 году) прочел объявление о продаже в Петербурге ЗиМа более чем за 30000 евро.

В 1951 году на базе ЗиМа начали сборку машин «скорой помощи» (ГАЗ-12Б), имевших стеклянную перегородку за передним сиденьем, два откидных кресла, расположенных одно за другим, и носилки, которые выдвигались и задвигались в машину через крышку багажника.

Кроме «Побед» и ЗиМов на дорогах Ленинграда в 1960-е и в последующие годы можно было увидеть сиявшую лаком и хромом «Чайку», которая пришла на смену ЗиМу и официально называлась ГАЗ-13. Эта машина выпускалась с 1959 года (производство ЗиМов прекращено в 1960-м). ЗиМы и «Чайки» в народе назывались «членовозами» — эти автомобили практически не продавались частным лицам, в них возили членов высших партийных органов («Чайки» космонавтов Ю. Гагарина и В. Терешковой — подарок правительства). Дизайн машины, безусловно, навеяли американские образцы, тогдашние законодатели автомобильной моды. У «Чайки» были восьмицилиндровый двигатель мощностью 195 лошадиных сил, гидроусилитель руля, гидромеханическая коробка передач, электрические стеклоподъемники, радиоприемник с автоматической настройкой, противотуманные фары и прочие диковины, о существовании которых простые автомобилисты даже не подозревали. Передачи переключались с помощью кнопок, а антенна радиоприемника, к немалому изумлению прохожих, выдвигалась автоматически. Помимо седана, базовой модели, небольшими партиями

выпускались лимузины ГАЗ-13А и кабриолеты ГАЗ-13Б. Эти автомобили народ провожал глазами, но не только потому, что их редко видели на дорогах, а скорее из любопытства — интересовались: кто едет в этих машинах? Темных (тонированных) стекол в те времена не существовало, но задние боковые стекла закрывались занавесочками, так что лица пассажира все равно было не разглядеть, даже если автомобиль останавливался на красный свет.

С 1963 по 1967 год на Заводе им. И. А. Лихачева производился автомобиль «ЗиЛ-111» — еще одно чудо советской техники. Он весил около трех тонн, его длина превышала шесть метров, ширина — более двух метров, а площадь салона составляла около двенадцати квадратных метров — целая комната.

Для народа выпускались автомобили поменьше — тут уместнее сравнение с ванной. Серийный выпуск легкового малолитражного автомобиля «Москвич-400» мощностью в 23 лошадиные силы начался в апреле 1947 года (стоил 9000 рублей). «Москвич» лег в основание новой линии советского автомобилестроения; это копия «Опель-Кадета К-38», и первое время автомобиль собирался на оборудовании, вывезенном с завода в Рюссельсхайме, в Германии. Спустя каких-то семь лет, в феврале 1954 года, освоили выпуск модернизированной модели — «Москвича-401» (стоил 9200 рублей); по выражению уже упоминавшегося А. А. Ширвиндта, это «*машина на редкость удивительная, этакий выносливый зверь с несгибаемым характером*». «Москвич-403», по-видимому, за необычную форму решетки на бампере, называли «стилягой». Разнообразием цветовой гаммы советские автомобили никогда не отличались, разве только, если кто помнит, «Москвич» цвета «баклажан». Первые «Москвичи» выпускались в серых, кофейных и темно-зеленых тонах (как и «Победы»). Будучи новенькой, машина и в самом деле чем-то походила на баклажан (с возрастом машины это сходство увеличивалось). В апреле 1956 года начался выпуск «Москвича-402», а с июля 1958-го — «Москвича-407»

(выпускался до декабря 1963 года, ездил же еще лет двадцать, если не больше). В сентябре 1964 года в СССР приступили к производству марки «Москвич-408». К маю 1967 года выпустили миллион автомобилей, и в октябре того же года с конвейера сошел автомобиль малого класса «Москвич-412», который нет-нет, да и увидишь кое-где и в наши дни — если не едущим, то стоящим где-нибудь во дворе. Иногда его постаревший хозяин (или его внук) колдует над ним, периодически возрождая к жизни. До 1976 года «Москвич-412» выпускался в Москве на заводе АЗЛК (в народе Автомобильный завод им. Ленинского комсомола называли, по первым буквам аббревиатуры, «Автозавод замучил людей качеством»), а потом, до 1997 года, — в Ижевске. Кто хоть раз видел тюнинг автомобиля «Москвич-412», тот не забудет увиденного никогда: меховой руль, эпоксидная ручка коробки передач с розочкой...

В конце 1956 года на Горьковском автозаводе дали жизнь «Волге» ГАЗ-21 со скачущим оленем на капоте (первые «Волги» выпускались голубого цвета). Этот «танк во фраке», или, если угодно, «диван на колесах», стал символом уже другого времени — эпохи «развитого социализма». Наверное, это один из самых прочных и долговечных автомобилей в мире, в чем убедилось не одно поколение ленинградских таксистов и их пассажиров. «Волга» — любимый автомобиль Юрия Деточкина (актер — И. М. Смоктуновский) из кинофильма «Берегись автомобиля» (1966 г.). «Волга» ГАЗ-24 — легковой автомобиль среднего класса с кузовом типа седан или универсал — выпускался с 1970 по 1985 год; отдельные экспонаты также можно еще увидеть на наших дорогах, но крайне редко. До середины 1990-х годов представители городских властей ездили на «Волгах», а в 1994-м пересели на VOLVO-940.

«Запорожец» нужно представить подробнее, потому что среди представителей нынешней молодежи есть и те, кто этой марки советских легковых автомобилей особо малого класса и в глаза не видел, хотя, безусловно, слышал о них

«Волга» ГАЗ-21

«Жигули» ВАЗ-2101

«Запорожец»

анекдоты (в основном про «Запорожец» и «Мерседес»). «Запорожец» производился на заводе «Коммунар» (позже — Запорожский автомобильный завод, входивший в производственное объединение «АвтоЗАЗ») в 1960—1994 годах. Под маркой «Запорожец» (экспортная марка *Yalta*) производили фактически две разные модели: в 1965— 1969 годах — ЗАЗ-965 и -965А (прототипом являлась итальянская модель FIAT 600 1956 года, а базовым образцом послужил «Москвич-444»), и в 1966—1994 годах — ЗАЗ-966В, -966, -968, -968А и -968М (прототипом для кузова которой послужила западногерманская модель *NSU Prinz* IV 1961 г.). Неизвестно, что послужило тому причиной — то ли то обстоятельство, что мотор в этой машине размещался в задней части, где у других машин багажник, то ли малогабаритность «Запорожца», то ли огрехи производства, то ли его непомерно высокая для автомобиля такого класса и такого качества цена, — но автомобили ЗАЗ тотчас после появления становились объектом для шуток. ЗАЗ-965 прозвали «горбатым» за характерную форму кузова, ЗАЗ-966 — «ушастым» за форму боковых воздухозаборников системы охлаждения, а ЗАЗ-968М — «мыльницей» («Запорожец с жабрами») за безликий дизайн. Анекдоты после появления «Запорожца» не заставили себя долго ждать:

«— Что общего между „Запорожцем" и беременной школьницей?

— Ничего, кроме того, что и то, и другое — позор для семьи!»

Сильнее всего обижался владелец «Запорожца», если его автомобиль называли «запором». В фильме «Три плюс два» (1963 г.) этот автомобиль назван «*консервной банкой системы „Запорожец"*». Фраза стала популярной в народе.

Ну и, разумеется, «Жигули», торговая марка семейства автомобилей Волжского автозавода, массово выпускавшихся с 1971 года. Первые «Жигули» сошли с конвейера еще недостроенного завода в Тольятти 19 апреля 1970 года, накануне дня рождения **В. И. Ленина**. За основу первого автомобиля

этого семейства взяли модель FIAT-124. Под торговым названием «Жигули» автомобили семейства ВАЗ-2101 продавались за 5000 рублей (спустя несколько лет после начала производства их назовут «копейкой») на внутреннем и международном рынке. Однако во франкоязычных странах, где слово «Жигули» ассоциировалось с легкомысленным словом «жиголо», такая машина успеха не имела. Поэтому на внешнем рынке довольно быстро торговую марку «Жигули» заменили на LADA (тут уже включились наши остряки: «Лада — то, что даром не надо»). «Жигули-21011» стоили 5500 рублей. Потом автомобильный рынок наводнился «Жигулями» других марок, которые становились все дороже и все страшнее (и в смысле безопасности, и в смысле внешнего вида), а потому, на мой взгляд, не представляют для читателя ни малейшего интереса, так что и сказать о них нечего, кроме того, что стоили «Жигули» в 1970—1980-е годы непомерно дорого (около 9000 рублей при сторублевой месячной зарплате. В фильме «Сумка инкассатора» 1977 года некий кассир задумал купить третью, далеко не самую лучшую модель «Жигулей» за семь с половиной тысяч рублей, с каковой целью записался в **очередь**). В свободную продажу «Жигули» не поступали (наверное, до 1990-х годов), и чтобы приобрести это чудо советской техники, ждали много лет*.

С конца 1954 года на Ульяновском автомобильном заводе стали собирать «зеленых козликов» — ГАЗ-69 и ГАЗ-69-а,

* После загранкомандировки ленинградец мог купить автомобиль только в Москве. Для покупки «Волги», «Жигулей» или «Запорожца» нужно было сделать заявку в командирующей организации, а та направляла ее в автомагазин. Через некоторое время автомагазин направлял вызов по месту жительства, и человек покупал автомобиль за наличный расчет. Сразу после приобретения автомобиль можно было продать через комиссионный магазин за советские рубли, получив за него почти двойную цену. В 1982 году «Волга» стоила более 15000 чеков (**Сертификатные магазины**), «Жигули» — более 9000, т. е. столько же, сколько и за советские рубли, но по номиналу за советские рубли автомобиль нельзя было купить. Нужно было стоять в очереди по месту работы несколько лет.

а 15 декабря 1972 года на том же заводе произвели первый УАЗ-469, прозванный «уазиком». Эта модель разрабатывалась специально для военного ведомства, и в первое время купить «уазик» не представлялось возможным, его по государственной разнарядке направляли прямиком для нужд армии, милиции, сельского хозяйства. В Ленинграде на «козликах» и «уазиках» ездили военные и милиционеры, а также те редкие счастливчики, кому удалось приобрести этот автомобиль **по блату**.

Первыми легковушками-иномарками на ленинградских дорогах стали сильно подержанные автомобили «*Opel Rekord*», которые привозили моряки, ходившие за границу. Отъездив на родине, в ФРГ, лет десять, они потом еще лет двадцать, дымя, бороздили не везде укатанные асфальтом просторы СССР. Удивительное дело — машины этой марки можно и сегодня, хотя крайне редко, увидеть в Петербурге. Эти автомобили уже давно пережили своих хозяев, которые когда-то копили по несколько лет валюту, чтобы привезти на судне подержанный опель, обходившийся во много раз дешевле «Жигулей» и бывший во много раз их надежнее и красивее.

Когда в Ленинград стали приезжать туристы на финских легковых автомобилях, автобусах, мальчишки на каждую машину оглядывались, а к стоявшим подходили, рассматривали, фотографировали. При этом интерес вызывали не интуристы, а именно автомобили и автобусы, да еще проезжающие фуры. Взрослые мужчины посматривали на иномарки с интересом, но без зависти — ведь до того, как в СССР приступили к выпуску «Жигулей», и у нас умели делать хорошие машины.

Владельцы автомобилей в последние десятилетия минувшего столетия были в Ленинграде, в общем-то, несчастными людьми: запчасти отсутствовали, дороги ужасные, держать машину негде. Все машины выпускались без ремней и подушек безопасности. Если на ночь оставляли машину на улице, то нередко с нее снимали колеса. Поэтому, прежде

чем оставить свой автомобиль, хозяин снимал дворники и боковые зеркала, вынимал радиоприемник, некоторые даже уносили с собой домой ключи и инструменты, потому что и их воровали. Радиоприемник владельцы машин вынимали, даже когда оставляли автомобиль ненадолго днем в центре города. Были случаи, когда воры разбивали стекла, чтобы украсть радиоприемник или, например, зонтик, забытый хозяином. Фары владельцы «Жигулей» заточали в специальные решетки, с которыми и ездили. Те, кому удавалось достать милицейскую фуражку, клали ее на видное место в оставленном автомобиле — якобы это останавливало потенциальных воров.

Где же водители заправляли автомобили в Ленинграде? В 1963 году существовало четыре заправки (АЗС — автозаправочные станции), в основном на выезде из города (Клиническая ул., более точный адрес установить не удалось, Московский пр., 100, наб. реки Фонтанки, 156, Рябовское шоссе, 8). Плюс одна в Пушкине, одна в Зеленогорске, одна в Парголово и одна в Выборге. Потом прибавилась заправка на Театральной площади. В 1986 году в Ленинграде насчитывалось 103 АЗС, и 31 обслуживала владельцев частных машин. Станции обслуживания находились: на Лиговском пр., 256, на Большой Зелениной ул., 30, в Старой Деревне, на 3-й линии В. О., 5. В 1980-е годы появились СТО (станции технического обслуживания): ул. Салова, 70, пр. Энергетиков, 65, Стародеревенская ул., 5, пр. Космонавтов, 69, пр. Стачек, 106, и в пригородах. Запчасти покупали только в магазине «Автомобили» — Апраксин двор, корпус 19. А вот где покупали автомобили, для меня осталось загадкой. Таких магазинов в Ленинграде попросту не было — вплоть до 1980-х годов, когда появились первые магазины на пр. Энергетиков, 65, пр. Стачек, 106, на Кингисеппском шоссе, 50, в Красном Селе. В начале 1990-х годов «Жигули» недолго продавали в Доме цветов (он же — «Цветы Болгарии»), на пересечении Кировского, ныне — Каменноостровского проспекта

Инвалидная мотоколяска

Поливальная машина

и улицы Братьев Васильевых, ныне — Малая Посадская. Этот комплекс, известный сегодня под названием «Флора», открылся в 1983 году. Автомобиль «Жигули» примерно в 1991 году выставили в центре зала на первом этаже, и он смотрелся, как консервная банка на клумбе.

В 1960-е годы в Ленинграде автомобили брали напрокат (на Конюшенной пл., 2 / наб. канала Грибоедова, 3). Можно было взять на три часа, а можно — на месяц. В 1970-е годы такой услугой могли воспользоваться только иностранцы. Но вот чтобы кто-то из ленинградцев когда-либо брал машину напрокат — такого я никогда не слышал. Гаишники, если судить по фильму «Авария» (1965 г.), относились к шоферам либерально: в одной из сцен милиционер, увидев подошедшего к пивному ларьку водителя, поинтересовался у него, почему тот неправильно припарковался, а не почему пьет пиво.

По ленинградским дорогам ездили инвалидные мотоколяски, мотороллеры-фургончики, развозившие почту, а также самосвалы, закрытые фургоны с хлебом, грузовики, перевозившие мебель, поливалки, автобусы (Л-1, Л-3, ЗиС-104, вечно дымившие «Икарусы», которые, в соответствии с бравшимися их водителями социалистическими обязательствами, должны были пройти без капремонта — пусть скособочившись, пусть полуразвалившись — миллион двести тысяч километров).

АКАДЕМИЧКА. В 1960-1970-е годы было несколько мест, где мы, студенты университета, могли перекусить, выпить кофе или встретиться с приятелем. Одним из таких мест была академичка, громадная столовая (№ 23), находившаяся в Таможенном переулке, 1/3, в левой части здания Кунсткамеры. В этой столовой питались сотрудники академических институтов, расположенных на стрелке Васильевского острова (отсюда и название). Она открывалась в восемь утра, а закрывалась в шесть вечера. В ней было три зала. Один, большой, — столовая, знаменитая неистребимыми тараканами. В отдельном помещении официантки обслуживали преподавателей университета и сотрудников академических институтов. Студенты же собирались в кафетерии, налево от входа, где стояли два кофейных автомата и часто бывало пиво. На закуску брали яйцо под майонезом

или сметану в граненом стакане. Утром основными посетителями академички являлись студенты-прогульщики. Но главным в академичке оставалось не пиво и не кофе, а общение. Здесь встречались, чтобы передать друг другу книги, пластинки, журналы. Обмен книгами стал местной традицией. Если кому-нибудь попадалась новая интересная книга, он тащил ее в академичку, и через некоторое время она становилась всеобщим достоянием. Если в начале 1960-х годов в академичке собирались преимущественно студенты физического факультета, то после того как в 1970-х годах его перевели в Петродворцовый учебно-научный комплекс (ПУНК), здесь стали собираться будущие биологи, перебиравшиеся к вечеру, после раннего закрытия академички, в «**Сайгон**» или на квартиры. Потом компанию физикам стали составлять филологи, т. е. лирики. Сюда приходили и студенты химфака: рядом находилось здание НИХИ, где они работали, начиная с 4-го курса, и где проходили занятия студентов старших курсов двух кафедр — неорганической химии и радиохимии, и, кроме того, раз в неделю все посещали военную кафедру в здании истфака, после чего шли пить пиво в академичку.

В кафетерии академички иногда устраивались студенческие свадьбы — море водки (организаторы торжества приносили ее с собой ящиками), незамысловатой, но обильной закуски, много гостей, магнитофонная музыка и неподдельная студенческая радость. Когда водка на столе кончалась, ее тотчас доставали из-под стола, а не заказывали официантам. Остатки водки уносили с собой.

Академичка, как и «**Сайгон**», для тогдашних студентов не была простым заведением **общепита**. Это был *клуб по интересам*, только, в отличие от других таких клубов, здесь можно было съесть полстакана сметаны за 17 копеек, столичный салат за 24 копейки и выпить тройного кофе или «Жигулевского» пива. Академичка прославлена в стихах, сочиненных ленинградским поэтом Геннадием Григорьевым об этом клубе:

...Как славно в час душевного отлива,
Забыв, что есть и недруг, и недуг,
Пить медленное мартовское пиво
В столовой Академии Наук.

Академичка! Кладбищем надежд
Мальчишеских осталось для кого-то
Местечко, расположенное меж
Кунсткамерой и клиникою Отто...

...Пусть полный смысла звук —
Залп пушечный — оповестит округу
О том, что время завершило круг
Очередной. И вновь пошло по кругу.

Я здесь, бывало, сиживал с восьми.
А ровно в полдень — двести! — для согрева.
Дверь — на себя! Сильнее, черт возьми!
И если вам — к Неве, то вам — налево.

Сегодня там, где некогда была академичка, находится ресторан. За последние годы в нем отобедали многие знаменитости, приезжавшие в Петербург в минувшие годы, — от принца Чарлза до Патриарха всея Руси Алексия.

Бывшие студенты филфака сюда не заходят, предпочитая заведения попроще, а то и вовсе домашнюю пищу.

«АЛЬБАТРОС». Чековые магазины «Альбатрос» системы «Торгмортранса» Министерства морского флота СССР обслуживали по заработанным за время рейса чекам (а не за рубли) советских моряков, ходивших за границу. Существовали с середины 1960-х до 1992 года в некоторых приморских городах СССР. Остаток валюты, полученной во время рейса, моряки должны были обменивать на отрезные чеки Внешэкономбанка серии «А», за которые могли покупать товары в «Альбатросах». Продажа купленных в этих магазинах вещей иностранного производства приносила морякам выгоду, так как все эти вещи были в городе в дефиците

и в другие общедоступные магазины в торговлю не поступали. Ленинградский магазин «Альбатрос» на Двинской ул., 15, в народе называли «Балатон», от уголовного «балатон» — «пруд», «бассейн», «водохранилище». Словечко из уголовного жаргона к нему приклеилось неспроста: магазин «Альбатрос» стал центром притяжения валютчиков, махинаторов, проституток и мелкого ворья, которое крутилось тут же. Магазин размещался в двух этажах: на первом — продукты, алкоголь, сигареты, на втором — одежда. Американские **джинсы** на чеки в 1970-е годы стоили 10 рублей, тогда как на **галерее Гостиного Двора** — 250. В свободной продаже фирменных джинсов не было, вот и тянулись люди к «Альбатросу» по прозванию «Балатон». С 1980-х до начала 1990-х годов в «Альбатросе» продавали товары и на сертификаты («сертификатные магазины»).

«**АНГЛЕТЕР**». Эта гостиница известна всей стране тем, что в ней, как гласит мемориальная доска, установленная в 1989 году на фасаде «Англетера» со стороны Малой Морской улицы, «...28 декабря 1925 года трагически оборвалась жизнь поэта Сергея Есенина». Об обстоятельствах, приведших к трагедии, написаны книги и сняты фильмы, и, уверен, будет написано еще немало, ибо загадок в этом деле осталось очень много. Я же обращусь к другому периоду из истории этой гостиницы, соседствующей с «**Асторией**», относящемуся к тому времени, которому посвящена эта книга. 30 декабря 1948 года гостиницу «Англетер» переименовали в «Ленинградскую», а спустя какое-то время, в 1960-е годы, и это название заменили на «корпус Б гостиницы „Астория“». В 1960 году в «Ленинградской» гостинице было 152 номера на 371 место. Более трети жилых помещений представляли собой многоместные комнаты на восемь-двенадцать человек («номера-общежития»), хотя существовали одно- и двухместные номера и даже три двухкомнатных люкса. Большинство номеров не имели санитарных удобств (туалеты находились в коридоре). Ресторана не было. В 1963 году

Гостиница «Англетер»

к гостинице присоединили флигели прилегающих домов, и возникла сложная и неудобная система переходов и коридоров. По этим коридорам, натыкаясь друг на друга в полутьме, бродили командированные из СССР и из стран народной демократии — из Чехословакии, Польши, ГДР, Венгрии, Болгарии и т. д. Главным образом это рабочие, стажировавшиеся на одном из заводов и на текстильных фабриках. В одном из архивов я нашел жалобную книгу на 1960 год — в ней не оказалось ни одной жалобы. По-видимому, гости из стран соцлагеря и не ждали особых удобств. Комиссия, обследовавшая «Ленинградскую» в 1960 году, отметила, что санитарно-техническое состояние гостиницы в порядке, помещения проветриваются, полы натираются через день, «чистота ковров осуществляется посредством пылесосов и увлажненных щеток, мягкая мебель и портьеры чистятся через 2 недели, имеются титаны с горячей водой и сосуды с холодной кипяченой водой». А чтобы обслуживающий персонал не скучал, кипятя воду в титанах, между сотрудниками устраивали социалистическое соревнование «за лучшее обслуживание проживающих». Победителя награждали грамотой. Грамоты выдавали, а гостиница тем временем приходила в непригодное для проживания состояние.

Разрушенная гостиница «Англетер»

В 1985 году гостиницу «Англетер» закрыли в связи с угрожающим состоянием здания. Единственное, что, по мнению специалистов, можно было сделать, это разобрать гостиницу и дом 22 по ул. Гоголя (ныне — Малая Морская), а затем возвести новые здания с сохранением первоначальных фасадов. Два года прошли в дискуссиях, согласованиях и размышлениях. 7 апреля 1987 года Министерство культуры РСФСР признало это предложение технически обоснованным и не вступающим в противоречие с охраной памятников. Однако незадолго до принятия этого предложения, 10 марта 1987 года, на площадь перед «Англетером» (тогда-то и вернулось к гостинице ее прежнее название) выплеснулась волна общественного недоумения в виде протестующей толпы. В задуманном властями разрушении гостиницы многие видели оскорбление памяти погибшего в ее стенах Сергея Есенина. За долгие годы коммунистического режима ленинградцы впервые столь открыто, не боясь преследований, в течение нескольких дней выражали свое несогласие с принятым решением. За первыми уличными выступлениями в защиту «Англетера» как исторического памятника последовали статьи в газетах и журналах. 15 марта 1987 года «Англетер» тем не менее разобрали, однако теперь страсти разгорелись вокруг его будущего. Нужно ли сохранять привычный глазу облик Исаакиевской площади или стоит претворить в жизнь нереализованный замысел архитектора «Астории» Ф. И. Лидваля, который будто бы намеревался «поднять» «Англетер» до высоты «Астории»? Споры относительно судьбы старого

здания всколыхнули общественное сознание и пробудили дремавшее на протяжении всех советских лет молчаливое согласие с тем, что решалось в чиновных кабинетах. 28 января 1991 года «Англетер» открылся после капитального ремонта. Реконструкция гостиницы продолжилась и в последующие годы, и теперь в этом пятизвездочном отеле не узнать прежний «Англетер», в одном из мрачных номеров которого декабрьской ночью 1925 года охваченный отчаянием поэт выводил при свете свечи кровью: «До свиданья, друг мой, до свиданья...»

«АНДРОПОВКА». Водка (по начальным буквам слов «**в**от **о**на, **д**оброта **к**оммуниста **А**ндропова»), появившаяся в 1983 году, при коротком (с 1982 по 1984 г.) правлении Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова (1914—1984). Пребывание Андропова у власти ознаменовалось появлением дешевого сорта водки, которую назвали «андроповкой», она же «школьная» (она же «первоклассница»), поскольку появилась 1 сентября (она же «Юркины рассветы», по названию известного в те годы телефильма). На зеленой этикетке писалось просто — «Водка». («Русская» стоила 5 рублей 30 копеек, при М. С. Горбачеве подорожала до 6 рублей 80 копеек; «Пшеничная» — еще дороже). Появлению «андроповки» предшествовал очередной шедевр городского фольклора:

Товарищ, верь, придет она —
на водку старая цена!

И ведь пришла!

В феврале 1984 года Андропова хоронили. По стране в те дни пошла гулять скорбная шутка: «Бедный Юрий Владимирович! Выпустил дешевую водочку, а сам так и не попил...» (в последнем слове ударение обязательно на первом слоге).

Но разве можно ограничиться одним анекдотом, рассказывая об Андропове? Вот другой:

Ю. В. Андропов

«Умирает Андропов. У постели — члены Политбюро. Юрий Владимирович поднимает руку и слабеющим голосом произносит: „Ч... ч... ч". — „Мы знаем, Юрий Владимирович, Черненко будет после вас". Андропов собирается с последними силами и говорит: „Четыре двенадцать сохраните"».

На заре советской власти уже существовала водка, названная в честь государственного деятеля, — в августе 1925 года появилась «рыковка». Этот напиток получил свое народное наименование по фамилии тогдашнего председателя Совета народных комиссаров А. И. Рыкова, разрешившего продажу первой советской водки. Опыт подобного наименования вспомнился спустя полвека — хорошие традиции не забываются.

«АСТОРИЯ». Одна из гостиниц **«Интуриста»** в Ленинграде. Но если в бары и рестораны других гостиниц, например **«Европейской»** или «Октябрьской», запросто ходили даже тогдашние студенты, то в «Астории» мы посещали только **«Щель»**. Об этом баре далее будет рассказано отдельно и подробно, как он того заслуживает.

В саму гостиницу ленинградцев пропускали строго, как на военный объект (сейчас этого уже почти никто не помнит, но «Астория» когда-то, после Первой мировой войны, называлась «Военной гостиницей», так как ее на время передали военным — военные ушли, название осталось). В годы Великой Отечественной войны в «Астории» размещался госпиталь для обессиленных блокадой писателей, композиторов, художников осажденного города

Гостиница «Астория»

(здесь восстанавливали силы архитекторы Л. А. Ильин и А. С. Никольский, директор Эрмитажа И. А. Орбели, дирижер К. И. Элиасберг, драматург А. П. Штейн, автор пьесы «Гостиница „Астория“», скульптор В. В. Исаева, очень многие другие известные люди). После войны гостиницу восстановили и принимали в основном иностранцев, хотя останавливались здесь и популярные в СССР актеры и прочие знаменитости. Обстановка в «Астории» была не столь демократической, как в «Европейской», — к постояльцам гостей пускали дозировано, а после 11 вечера не пускали вообще. Народная артистка СССР, балерина Е. С. Максимова, вспоминала об этом так: «...Пока работали над „Галатеей“ (телебалет 1977 года. — *И. Б.*), а потом и над „Старым танго“ (телебалет 1979 года. — *И. Б.*), я поменяла, кажется, все гостиницы Ленинграда: жила... и в „Астории“, и в „Англетере“... и еще в каких-то гостиницах — и отовсюду сбегала. Дело в том, что наши съемки проходили по ночам (в другое время павильоны на студии не давали), я возвращалась поздно, голодная, а поесть негде. Идти в гостиничный ресторан — значит сидеть и ждать часа три. Никаких ночных магазинов тогда и в помине не было, а включать в

номере электроплитку или кипятильник (чтобы хоть чаю согреть) не разрешалось. Повидаться ни с кем из друзей я в своем номере не могла — после одиннадцати часов вечера в гостиницу посторонние не допускались. Ладно, гостям приходить нельзя, но и массаж сделать невозможно, массажиста в гостиницу вечером тоже не пускают. А мне действительно после целого дня репетиций и съемок необходимо массаж сделать! И вот тогда я в Кировском театре как-то столкнулась с городским начальством и попросила: „Помогите! Мне нужен массажист, а по гостиничным законам ему вечером приходить нельзя..." Из обкома партии позвонили в гостиницу и указали: „Надо пойти навстречу народной артистке!" После чего каждый день повторялась одна и та же история. В гостиничном коридоре у дежурной по этажу на столе под стеклом лежала бумажка, заверяющая, что „Максимовой разрешается иметь в номере мужчину после 23 часов". Но дежурная каждый раз останавливала Володю (театрального массажиста, который согласился мне помочь), подозрительно его оглядывала и спрашивала: „Молодой человек, а вы знаете, что после одиннадцати вечера в номере находиться нельзя?" И только после моего напоминания... говорила: „Ах да, вы Максимова, вам разрешили мужчину..." — и пропускала его. Тут, конечно, открывались двери всех соседних номеров, все выглядывали и смотрели, как „к Максимовой шел мужчина"... История с массажистом стала последней каплей, и я взмолилась: „Поселите меня на улице Зодчего Росси! Дайте хоть какую-нибудь комнату в театральном общежитии!"».

В «Астории» было несколько баров и ресторанов. Один из асторийских буфетов находился со стороны ул. Герцена (ныне — Большая Морская, 39) и назывался «Американка», но в истории Ленинграда он ни составом посетителей, ни сколько-нибудь выдающимся ассортиментом предлагавшихся блюд или напитков следа не оставил — одним лишь названием. Внутри самой гостиницы также находился валютный бар, проникнуть в который считалось особого рода

геройством. Мы, студенты, оказывались в нем только в том случае, если кого-либо из нас приглашал иностранец — своей валюты у нас не предвиделось. Находящиеся в этом баре не испытывали особой радости, так как все посетители пребывали под неусыпным наблюдением людей в штатском, с удовольствием поглощавших иноземные напитки за счет гостиницы. Но находились люди — правда, очень редко и исключительно приехавшие из-за границы, — которые чувствовали себя в этом баре вполне уютно. Евгений Рейн вспоминал: «...А вот Аксенов во все времена невероятно любил красивый разгул. Я помню поразительную историю. Аксенов приехал из Америки (это год, наверное, 1962-й), и ему было невероятно скучно в Ленинграде. И я его познакомил с первой ленинградской красавицей, которая потом была женой Довлатова — Асенькой Корф. И Аксенов задумал дать нам гранд-бал. А у него не было рублей, но было 200 долларов. И он нас повел в валютный бар „Астории", что по тем временам было опасной идеей. Нас долго не пускали и проверяли, но потом почему-то разрешили пройти. И вот первая моя валютная пьянка была в баре „Астории" с Васей и Асей. Мы заказывали джин, тоник, виски, бутерброды с зернистой икрой и неслыханное по тем временам новшество — пепси-колу. А зернистая икра стоила дешевле пепси-колы».

Меж тем гостиница рассчитана прежде всего на постояльцев, и среди них в «Астории» всегда находилось немало знаменитостей, в том числе и из других городов СССР. Так, артистка М.В. Миронова, говоря ее собственными словами, «...всю жизнь, приезжая на гастроли в Ленинград, останавливалась в одном и том же номере гостиницы „Астория"... Из своих семидесяти девяти лет пятьдесят я приезжала сюда каждый год на гастроли. И нынче (в июне 1990 г. — *И. Б.*) — первый раз, когда я вынуждена жить не в „Астории"» («Астория» тогда была закрыта на ремонт, продолжавшийся до февраля 1991 г.). Только в «Астории», по свидетельству режиссера Р. Д. Фурманова, в Ленинграде останавливался

сын Марии Владимировны, артист Андрей Александрович Миронов, который «никогда в жизни не соглашался ночевать в другом месте. Еще с детства, с гастрольной жизни родителей, он привык к „Астории" и хотел жить только там». 8 марта 1978 года Миронов отмечал в «Астории» свой день рождения в кругу друзей, а однажды пригласил Фурманова в гостиничный ресторан, где познакомил его с актрисой Театра сатиры Татьяной Егоровой, с которой у Андрея Александровича был тогда роман. Другая знаменитость, В. С. Высоцкий, по воспоминаниям сводного брата А. А. Миронова К. А. Ласкари, однажды «закатил... банкет в апартаментах гостиницы „Астория". Снял номер, где в свое время любили останавливаться Вертинский и Утесов, накрыл стол. Он все время говорил: „Ты выпьешь водочки, пойдем сейчас в баню!" Любил в финскую сауну в „Астории" ходить. Туда приносили самую изысканную еду...»

Гостиница «Астория» не раз становилось съемочной площадкой. Так, в фильме «Невероятные приключения итальянцев в России» (1973 г.) А. А. Миронов сам спускался, повиснув на ковровой дорожке, с шестого этажа гостиницы. В фильмах «Судьба резидента» (1970 г.), «Дела давно минувших дней» (1972 г.) и «Разные судьбы» (1956 г.) в паре кадров мелькнула телефонная будка возле входа в отель — я сам не раз звонил из этой будки постояльцам гостиницы, ибо внутрь одно время непроживающих не пускали вообще. Во втором из упомянутых фильмов показаны интерьеры одного из номеров. В наши дни гостиница предстает совсем в другом, значительно перестроенном виде — теперь это один из лучших в России отелей, в котором запросто можно столкнуться нос к носу с президентом какой-нибудь страны или даже с самим дедушкой Миком Джаггером из вечно юных *«Rolling Stones»*!

Б

БАНЛОН. Во-первых, банлон — это разновидность полиамидного синтетического волокна, во-вторых, тонкая, легко растягивающаяся ткань из такого волокна (в СССР специалисты называли эту ткань гофрон, за рубежом — банлон, в Ленинграде — тоже банлон), и, наконец, в-третьих, изделие из такой ткани. Это изделие представляло собой тонкий свитер с высоким воротником, который в 1960—1970-е модники носили под пиджаком. Благодаря питерским фарцовщикам, переиначивавшим многие иностранные названия, слово трансформировалось в «баллон» и существовало наряду с «банлоном».

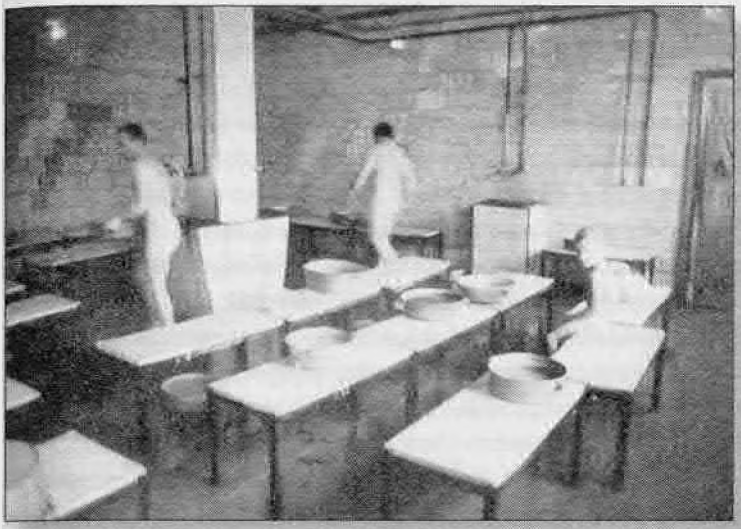
Такие же свитера называли «водолазками», но не в Ленинграде, а в Москве и в других городах, поэтому если кто-то называл банлон водолазкой, то ленинградец сразу делал вывод, что это человек приезжий. Слово «водолазка», безусловно, заимствовано у водолазов; вспомним, например, свитера с высокими воротниками, которые надевали на себя водолазы, герои популярнейшего фильма «Тайна двух океанов» (1956 г.). Аналогии очевидны. В провинции банлоны называли также битловками, но питерские битломаны все равно называли их банлонами, ибо слово «битловка» нам, питерским битломанам, казалось провинциальным.

БАНИ. В отличие от нынешнего времени, в Ленинграде в 1950—1980-е годы в баню ходили все, от мала до велика. Во-первых, далеко не у всех дома были ванны, во-вторых, еще сохранялась традиция «похода» в баню у тогдашнего поколения жителей города. И даже когда ленинградцы стали переселяться в отдельные квартиры с ванными, многие продолжали ходить (или даже ездить на трамвае или в автобусе, а то и на такси!) в баню, ибо посещение ее — не только гигиеническая процедура.

Бань в послевоенное время катастрофически не хватало, и в 1955 году построили баню на Жерновской ул., 48, в 1956-м — на Малой Посадскойул., 26/28, на ул. 1 Мая,4-а (в Рыбацком), в 1957-м — на Российском бульваре, 6 (пос. Володарский), в 1958-м — на Дегтярной ул., 1/9, в 1959-м — в Лахте (Пролетарский пр., 1) и в Лисьем Носу (Морская ул., 17). В конце 1950-х годов в институте «Ленгипрогор» разработали типовой проект бань на 50 и 200 мест для Ленинграда и других городов РСФСР (архитекторы — Л. Ю. Гальперин, В. В. Горбачев и др.). Старые петербургские бани, доставшиеся от «дореволюционного» прошлого, разрушались, оставшись без хозяина.

«Широкий размах получит строительство... бань, прачечных», — обещал в 1962 году в одной из статей главный архитектор города В. А. Каменский. И действительно, в 1961 году появилась баня на ул. Зайцева, 15, в 1962-м — на Большой Озерной ул., 84, в 1963-м — на ул. Гастелло, в 1967-м — на ул. Шкапина, 10, в 1968-м — на Таллинской ул., 11, в 1971-м — на ул. Новоселов, 51, в 1975-м — на пр. Ветеранов, 89. Все эти бани построены по проекту архитектора Т. М. Шапиро.

В 1968 году в Ленинграде работало 95 бань, а к 1973-му несмотря на строительство новых бань, осталось 88 (в 1917 году в Петрограде было 75 бань, многие из которых в инженерном и санитарном смысле считались в стране образцовыми, так что можно смело утверждать, что за полвека большевики практически ничего не сделали в банном



Баня

строительстве). Бани подолгу не ремонтировались, и их закрывали, а то и перепрофилировали, как это уже делали с банями после 1917 года, когда в банях открывали то крематорий (на углу 14-й линии Васильевского острова и Камской улицы), то райком РСДРП (в д. 59/61 на Боровой ул.).

В 1976 году образовали Объединение бань Управления предприятий коммунального обслуживания Ленгорисполкома, нашедшее пристанище, разумеется, в помещении бани, притом не какой-нибудь, а бывшей Петровской (Вознесенский пр., тогда пр. Майорова, 25). В подчинение этому Объединению передали некоторые строительные организации. Прежде ремонт затягивался на долгие годы, а до него бесконечно «шла работа над проектом» с многочисленными согласованиями.

1977 год отмечен очередной вехой в истории бани в Ленинграде — на ул. Марата, 5/7, появились «Невские» бани с бассейном, сауной, детскими комнатами, кабинетами для массажа и пр. Баню построили на месте снесенной в 1964 году церкви Пресвятой Троицы. Век этой бани оказался недолог,

и на ее месте в наше время ударными темпами возводится очередной торгово-деловой развлекательно-досуговый комплекс.

Меж тем к 1980 году число бань в Ленинграде стало приближаться к тому их количеству, которое досталось большевикам от прежней жизни, и составило 77 единиц. А к 1987 году в Ленинграде была уже 51 баня, причем только 15 из них отвечали санитарным требованиям. Нужда же в банях оставалась на прежнем уровне. В 1986 году ленинградские бани посетило около десяти миллионов человек.

Одна из самых характерных примет того времени — очереди в баню (в 1960-е годы особенно длинные — билет в баню стоил 17 копеек). Очередь всегда стояла с улицы (если не с улицы, значит, очередь небольшая, где-то внутри, и, увидев, что народу в баню практически нет, срочно бежали домой за тазом, веником и бельем, ибо появлялась редкая возможность быстро помыться). На улице люди стояли, переминаясь с ноги на ногу, но очередь, если присмотреться со стороны, почти не двигалась — иногда занимали на целую коммунальную квартиру, т. е. на соседей по этой квартире. Подходит кто-то и спрашивает: «Кто последний?» — «Я и со мной еще шесть человек — двое в мужское отделение и четверо в женское», — и таким мог быть ответ. Услышавший подобное не роптал, ибо сам «приводил» с собой жильцов своей квартиры, которые могли пару часов, а то и больше заниматься домашними делами (женщины) или пить пиво (мужчины), прежде чем подойдет их очередь.

В 1960—1970-е годы люди еще помнили прежние названия бань: Карповские, Воронинские, Разночинные... Большевики упразднили исконные названия питерских бань, присвоив им номера. В Воронинских банях, получивших в советское время № 43 (наб. реки Фонтанки, 83), побывал в 1960 году американец финского происхождения М. Оланд, собиравший по всему миру материалы для своей книги «Пот». Любопытно посмотреть на ленинградскую баню того времени глазами иностранца:

«...У входа сидела пожилая женщина, продававшая веники. Я вошел в двойные двери и оказался в большом вестибюле с парикмахерскими и небольшими киосками. Вместе с толпой я направился в дальнюю часть помещения, где женщины сворачивали налево, а мужчины поднимались вверх по лестнице. Не успел я ступить на вторую ступеньку, как толпа застыла, вытянувшись в длинную очередь. Ввиду краткосрочности моей визы я не мог ждать долго, поэтому ринулся вверх по лестнице с видом человека, облеченного специальным заданием. Оказавшись у гардероба, я протянул служителю горсть мелочи, из которой он выудил двадцать копеек. Неплохое вознаграждение. Затем я бросился в раздевальное помещение в надежде, что стоявшие за мной в очереди не узнают меня, когда я разденусь...

Сквозь густой пар, заполнивший помещение парилки, я разглядел около двадцати человек, которые стегали друг друга березовыми вениками. Белые после зимы тела двигались, словно призраки; зрелище было жуткое. Судя по всему, они пытались перекричать шипение воды, которой поливали печь. Она была широкая, как трактор, и вздымалась к потолку на три метра. Внутри нее светилась огромная груда раскаленных докрасна круглых камней, похожих на пушечные ядра... Двое мужчин на верхнем полке поманили меня к себе... Несколько человек помогли мне взобраться под потолок...

А вот и сюрприз — на свет извлечены березовые веники. Я попытался было протестовать, но... березовые веники прошлись по моей спине, вгоняя жгучий пар под кожу... я понял, что мне неделю ходить с рубцами...

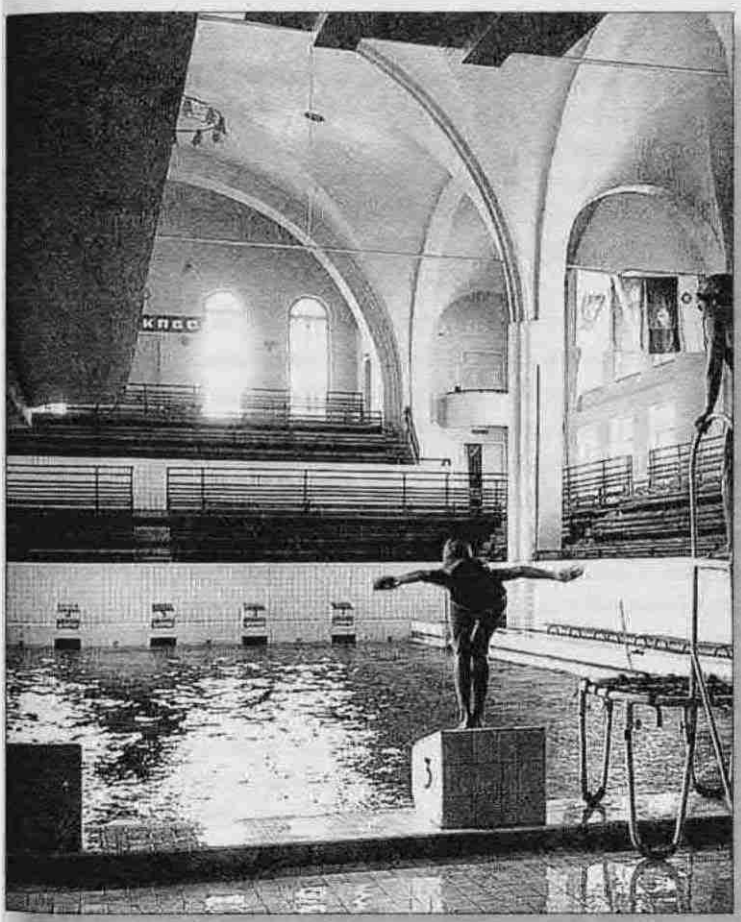
В душевой вокруг нескольких скамеек сгрудилось около 50 моющихся. Пар был не такой густой, как в парилке. У каждого был железный таз с мыльной водой и приспособлениями для мытья, похожими на ощетинившиеся древесные стружки. Каждый мылся сам или мыл соседа; к нескольким душам выстроилась очередь — непременная принадлежность русской жизни...

Вскоре расслабляющее воздействие бани смягчило мои первые впечатления о русских. Их вольный образ действий в бане резко отличался от строгой манеры поведения на улицах».

Я уже давно и не раз высказывал в печати идею: хорошо бы в одной из старинных петербургских бань устроить музей. Экспонатов множество: и фотографии, и картины, и чертежи, и банные принадлежности, и строительные материалы. Можно смело предположить, что все то, что отражает прошлое банного дела, любопытно всякому, интересующемуся бытовой историей нашего города. Подобный музей не затерялся бы в «городе музеев». Но старинные петербургские бани, как и в 1920-е годы, закрываются и «перепрофилируются», и в них не находится даже уголка, который напоминал бы, что здесь когда-то существовала баня. Так, в Белозерских банях (ул. Кропоткина, 1/Кронверкская ул., 10/Широкая ул., 3) несколько лет назад разместился бизнес-центр. Меж тем Белозерские бани — творение выдающегося зодчего П. Ю. Сюзора (построены в 1882 г.), по проектам которого в нашем городе поставлен не один десяток бань. Их число постоянно уменьшается, и скоро, как можно ожидать, не останется ни одной. И ни одной живой души не останется, которая могла бы рассказать молодежи, каково это — простоять в очереди в баню несколько часов, чтобы потом посидеть полчасика на мраморной скамье, предварительно окатив ее кипятком; что значит с готовностью откликнуться на просьбу незнакомого человека потереть ему мочалкой спину, а потом выстоять с новым знакомым, который и тебе спину потер, еще одну очередь — в пивной ларек.

Только в советское время стало возможным создание такого киношедевра, как «Ирония судьбы, или С легким паром!» (1975 г.), ибо посещение бани нередко и в действительности многими воспринималось как хорошая традиция.

БАССЕЙНЫ. В середине 1960-х годов Ленинград не мог похвастаться количеством бассейнов: на Большой Разночинной ул., 20 (существует до сих пор), на ул. Декабристов, 38, на ул. Правды, 11 (в здании бывшей 1-й гимназии), на Литовской ул., 1, на Невском пр., 22/24, — вот, пожалуй, и все. Этот последний бассейн, принадлежавший Балтийскому морскому пароходству и называвшийся «Водник», открылся в здании немецкой евангелическо-лютеранской



Бассейн в церкви Св. Петра. 1970-е гг.

церкви Святого Петра в 1963 году (арх. — А. П. Изоитко, инженер — Л. Ф. Онежский) и просуществовал около четверти века. Между прочим, Изоитко и Онежский приложили руку и к сооружению в 1964 году бассейна СКА на перекрестке Литовской ул. (д. 3) и Лесного проспекта.

При перестройке здания церкви на Невском проспекте, начавшейся в 1956 году (бассейн устраивали шесть лет, сначала хотели сделать концертный зал, да что-то помешало), изменили планировку, полностью переделали интерьер, в результате чего погибли остатки настенных росписей. Зато на стенах появились плакаты, призывавшие к установлению рекордов в спорте вообще и в плавании в частности. А вот сводчатые перекрытия и внешний облик здания после устройства в церкви бассейна остались без изменений. И на том, как говорится, спасибо! В 1992 году здание передано общине Немецкой евангелическо-лютеранской церкви России.

«БЕЛОМОР». Еще во второй половине 1930-х, в эпоху «больших строек», советские курильщики получили марку папирос, затмившую все другие на долгие десятилетия, — «Беломорканал». Если человека — курящего, не курящего, неважно, — спросить, какие ассоциации у него вызывает слово «папиросы», он непременно скажет: «Беломор» (устоявшийся разговорный вариант). Вот это, говоря современным языком, бренд! Беломорканалу, таким образом, посвятили не только книгу, хотя бы подержать в руках которую до сих пор мечтают многие библиофилы («Беломорско-Балтийский канал имени И. В. Сталина». М., 1934), но и лучшую марку папирос. Немало курильщиков отдало за него свою жизнь, ибо курить «Беломор» так же вредно, как и сигареты, несмотря на утверждения любителей папирос обратного.

Художники фабрики им. Урицкого, где впервые в 1937 году начали производить эти папиросы, прочертили на папиросной коробке с изображением географической

части Европы и Средиземноморья трассу сооруженного в 1933 году руками зэков Беломорского канала, помельче обозначив крупнейшие зарубежные каналы, появившиеся намного раньше советского, — Кильский (в Германии, соединяет Балтийское и Северное моря, построен в 1895 г.) и Суэцкий (открыт в 1869 г.). Спустя полтора десятка лет на коробке осталась только карта европейской части СССР, а к Беломорскому каналу прибавился очередной искусственный водный путь — Волго-Донской канал им. В. И. Ленина (открыт в 1952 г.) и канал им. Москвы (до 1947 г. — канал Москва-Волга). На коробке папирос в конечном итоге остались упомянутыми три канала: «Беломорский», «Им. Москвы» и «Волго-Дон». Эта карта изучена не одним поколением курильщиков, да, наверное, и многими некурильщиками, которым случилось «полюбоваться» «замечательной картинкой».

«Беломор»

В дальнейшем производство «Беломорканала» наладили на десятках советских табачных фабрик — от Молдавии до Сибири и Средней Азии. Знатоки добрым словом вспоминают «Беломор» Ростовской фабрики — и табак хороший, и вместо красной краски на коробке использовалась розовая, более приятная на взгляд, а курильщики любят, чтоб пачка оформлялась красиво, ибо знают в красоте толк (некоторые и курят красиво).

Завоевавшие невиданную популярность папиросы пользуются огромным спросом и в наши дни, а изнеженные иноземцы уже не одно десятилетие изумляются, как можно курить такое. Но наших ничто не смущает. По

некоторым источникам, заслуживающим доверия, четыре процента российских курильщиков просто не признают ни легких папирос, ни сигарет с фильтром — по причине дороговизны, по идейным соображениям, в силу принадлежности к старшей возрастной категории, ну и, разумеется, в силу привычки (какой же курильщик без нее, без привычки) — и отдают предпочтение куреву, ставшему в СССР культовым.

«Беломор» фабрики Урицкого, по мнению знатоков, всегда отличался от «Беломора» других фабрик, ибо именно он и считался «настоящим». Говорили: «затянулся урицким» — и все ясно. В общежитиях всей страны на «Беломор» Урицкого играли в карты чаще, чем на деньги. «Беломор» — не просто отражение эпохи великих строек и грандиозных жертв; это отличительная черта, характерная примета, «марка» огромного промежутка времени, известного как «советское». «Беломор» такой же «советский», как полет человека в космос, Чернобыль, как «Столичная» водка, автомат Калашникова, автомобиль «Победа», как все достижения и неудачи страны под названием СССР.

А папирос, между тем, в пачке двадцать пять штук, а не двадцать. Если курить по одной в день, так почти на месяц хватит, особенно если этот месяц — февраль. Но кто же такое удовольствие будет на месяц растягивать? Пачка в день — вот доза настоящего любителя «Беломора»! Даже шоферы-дальнобойщики — большие охотники подержать в зубах беломорину (руки-то заняты).

Поклонников «Беломора» можно смело разделить на две группы: представители первой отрывают уголок пачки и потом как бы скручивают ее в трубочку по мере уменьшения. Другие открывают пачку сразу и извлекают из нее первую попавшуюся папиросу. Кроме того, одни, прежде чем закурить, дуют в мундштук (раньше его называли еще и «куркой»), а другие постукивают по коробке, чтобы вытряхнуть попавший в мундштук табак. Некоторые еще и сжимают пальцами мундштук, делая своего рода фильтр

или создавая помеху дыму, который предстоит запустить в легкие. А есть и такие, кто сжимает мундштук дважды, крест-накрест. Вот сколько возможностей к собственной трансформации таит в себе обыкновенная, на взгляд непосвященного, папироса! Главное для папиросы — попасть в руки настоящего поклонника и ценителя, и крепкий союз — без измен, скандалов, упреков и подозрений — обеспечен на десятилетия. Одно сплошное удовольствие! Или, лучше сказать, кайф!

Оформление пачек «Беломора» было весьма неказистым и не требовало сколько-нибудь значительных затрат. А вот «Казбек», соперник «Беломора», в твердой картонной упаковке выглядел солиднее; эти папиросы курили представители высшего звена советской номенклатуры.

В 1960—1970-е годы «Беломору» отдавало дань большинство курильщиков. Некоторые женщины, научившиеся курить еще в годы войны, не расставались с «Беломором» целые десятилетия, только вкладывали в мундштук ватку, смоченную духами «Красная Москва», — получался своего рода фильтр. Потом, с появлением сигарет с фильтром, число приверженцев «Беломора» поубавилось. Среди студентов, например, считалось курить «Беломор» неприличным, да и сегодня вы практически не увидите молодого человека с «Беломором» во рту, и это несмотря на то, что есть и такие курильщики, которые не расстаются с ним десятилетиями. Долго курил «Беломор» народный артист СССР О. В. Басилашвили, не раз замечен с «Беломором» и музыкант Б. Б. Гребенщиков.

Многие молодые люди во времена не столь отдаленные держали в одном из карманов «Беломор» для «стрелков», а «Космос», например, или болгарские сигареты **(Табак)** курили сами.

О «Беломоре» еще надо сказать, что он всегда будет крепок. «Беломор-лайт» — это то же, что быстрокрылый «Порше» о двадцати лошадиных силах. И не ждите — послабления не будет!

«БЕЛЫЕ НОЧИ». Популярный среди ленинградцев, отдававших предпочтение посещению коньячных, а не рюмочных, коктейль из коньяка и шампанского «Белая ночь». В зависимости от пропорции коктейль назывался «Белая ночь-1» (50 граммов коньяка и 150 граммов шампанского), «Белая ночь-2» (100 и 100) и «Белая ночь-3» (150 и 50). Последний, разумеется, самый убойный. О том, что «Белые ночи» — это еще и природное явление, связанное с широтой, на которой расположен Ленинград, наслышаны все (кстати, за границей об этом почему-то ничего не знают, и мне не раз приходилось рассказывать изумленным иноземцам о питерских белых ночах). А вот о том, что в Ленинграде были приличные столовые под названием «Белые ночи» **(Общепит)**, уже мало кто помнит, как и о том, что курили когда-то такие папиросы, как «Белая ночь» **(Табак)**.

«БЕРЕЗКА». В просторечии «Береза», сеть магазинов, в которых иностранцам продавались товары и продукты питания за иностранную валюту (т. е. за свободно конвертируемую валюту, в частности за доллары США, канадские и австралийские доллары, японские иены, немецкие и финские марки, английские фунты, французские, бельгийские и швейцарские франки, австрийские шиллинги, итальянские лиры, голландские гульдены, норвежские, шведские и датские кроны), а советским загранработникам и членам их семей — те же товары за сертификаты (позже — чеки Внешторгбанка и Внешпосылторга).

Созданные в 1964 году «сертификатные» (с 1974 г. — «чековые») магазины «Березка» принадлежали Всесоюзному объединению «Внешпосылторг» Министерства внешней торговли СССР. В «Березках» продавались преимущественно импортные товары, которых днем с огнем не могли найти в обычных «рублевых» магазинах.

Ленинградцы, впервые волею случая оказавшиеся в «Березке», получали возможность провести сравнительный

анализ несостоятельности советской легкой промышленности. А на ленинградских улицах встречались счастливые обладатели куртки «Аляска», которые даже в не очень холодную погоду, на зависть окружающим, натягивали на головы капюшоны и выглядели инопланетянами. Чтобы стать инопланетянином, всего-то и нужно было иметь родственника (знакомого), побывавшего за границей, который располагал наличной валютой.

Магазины «Березка» находились на Невском, 7, в гостиницах «Европейская» и «Астория», в пристройке к гостинице «Советская».

В «Березке» отоваривали чеки, сертификаты или боны советские граждане, получившие наследство, оставленное им родственниками, умершими за границей. Наследство получали не в валюте и не в советских рублях (по курсу), а в бонах (чеках, сертификатах) Внешторгбанка СССР. Для советских граждан существовала также сеть сертификатных магазинов.

В начале 1990-х годов, когда в Ленинграде существовала талонно-распределительная система (**Талоны**), в магазинах «Березка» иностранцы покупали для своих родственников и знакомых ленинградцев сигареты, консервы, алкоголь, конфеты и пр.

БЛАТ. На иврите слово «балат» означает «тайно, скрытно». Некими тайными, скрытными путями это слово проникло в русский язык, где и расцвело буйным цветом уже в СССР, будучи постоянно востребовано. В эпоху тотального дефицита, составлявшего отличительную черту советской плановой экономики, слово «блат» к криминальному миру не имело никакого отношения.

В период индустриализации 1920—1930-х годов в магазинах для обслуживания иностранцев (главным образом технических специалистов) продавались товары, которых не было в свободной продаже. Чтобы что-то купить в таком магазине, иностранец предъявлял специальную бумагу —

по-немецки «Blatt» — и, таким образом, покупал товар по «блату». Слово «блат», еще тогда не забытое, вновь появилось в русском языке, придя на сей раз из немецкого, и стало использоваться в тех случаях, когда речь шла о покупках товаров посредством неформальных связей, знакомств, а позднее — на черном рынке.

«Блат выше Совнаркома», говорили в 1930-е годы, иными словами, нужные знакомства способны сделать куда больше, чем самое высокое учреждение. Еще перед войной часто употребляли такую присказку: «У маршала на погонах четыре звезды, у блата — пять». Как видим, блат набирал силу, укреплялся в стране, проникая во все структуры и ведомства, включая военное. Постепенно блат стал пониматься в расширенном значении как целая система спецобслуживания, т. е. речь уже шла не только о спецмагазинах, но и о спецбуфетах, спецпрачечных, спецстанциях техобслуживания, спецпарикмахерских, спецшколах, спецбольницах и т. п. Блат вошел в повседневную жизнь и стал подразумевать знакомство, связи, которые можно использовать в личных интересах. О том, что делалось это противозаконно, никто и не задумывался, тем более что за то, что кто-то что-то достал по блату, не привлекали ни к административной, ни к уголовной ответственности, даже не журили по-человечески, а чаще завидовали. Ленинградцы по блату поступали в вузы, в труппы театров, по блату лечились и покупали шоколадные конфеты, по блату ездили за границу и доставали книги. Литератор Анатолий Найман рассказывал, что только по большому блату в Ленинграде шились однобортные костюмы с узкими брюками. Чтобы без блата купить импортную мебель, приходилось по полгода стоять в **очередях,** а чтобы не стоять полгода в очереди, искали возможность приобрести желаемое (а то и просто необходимое) по блату. В советское время у каждой приобретенной вещи была не только цена, но и история. «Ух, ты! Где достал?» — «О, это целая история. Садись, расскажу».

БЛАТНЫЕ ПЕСНИ. Говоря о блате, нельзя не упомянуть блатную песню. Изначально исполняли и слушали такие песни только заключенные, а также лица, близкие к преступному миру. Со временем в жанре блатной музыки стали сочиняться песни и на воле, но обязательно с сохранением характерных особенностей (манера исполнения, тема, жаргон) и инструмента (гитара). Музыкант В. М. Лавров вспоминал о 1960-х годах: «В ресторанах славного города Питера эта музыка (блатная. — *И. Б.)* была достаточно хорошо востребована, и я ее вполне освоил еще на заре своей ресторанной деятельности, когда работал в „бандитском" ресторане „Эльбрус" на Лиговке. Вообще надо заметить, что администрация ресторанов не одобряла блатную музыку, а иногда и прямо запрещала. Однако, когда они организовывали мероприятия для своих, то нам заказывали играть в основном именно блатные песни! На самом деле им это нравилось. Это была обычная советская двойственность — сидя за рюмкой, они сами просили у нас то, что запрещали, сидя в кабинете.

Но иным ресторанным командам, особенно тем, что не подчинялись „Ленконцерту", плевать было на все эти запреты и регламенты. Самым „чернушным" рестораном, конечно, была „Корюшка". Играли блатняк и в „Парусе", и в „Эльбрусе", а уж на „захолустные", не центровые рестораны у „Ленконцерта", видимо, рук не хватало. Там музыканты позволяли себе многое. Такими были „Восток" в Приморском парке Победы, „Спутник" у Сосновки, „Охотничий домик" в парке Челюскинцев (в этом ресторане часто тогда обедала команда «Зенит» в полном составе. — *И. Б.)*... Тот вообще был притонистым местом. Я уж не говорю о кафе и шашлычных, что были раскиданы в районах новостроек. Но, конечно, мало кто ездил специально из центра в такие места, чтоб только послушать блатняк...»

В последнее время блатную песню можно услышать не только в тюрьме, но и по телевидению, в исполнении

осененных наградами и премиями исполнителей, выступающих на концерте, среди зрителей которого — весьма значительные лица. В нынешнем Петербурге даже вывески появились блатные (пивбары «Толстый фраер» и др.).

БОЛОНЬЯ. Короткие (по колено) темные плащи из ткани «болонья» или «болоневой ткани» — капрон, обработанный акрилосодержащим полимерным составом, придающим ткани водоотталкивающие свойства (что хорошо) и делающим ее воздухонепроницаемой (что очень плохо), — назывались «болонья». Носились эти плащи непременно с поднятыми воротниками (довольно, впрочем, куцыми и неустойчивыми) и туго подпоясывались кушаком из той же ткани. Так одевались герои Алена Делона, ставшего кумиром целого поколения после фильма Лукино Висконти «Рокко и его братья» (1960 г.). Так одевались ленинградские модники, когда химизация народного хозяйства совпала с новыми веяниями в моде и горожане и горожанки стали носить капроновые чулки, безразмерные носки, прозрачные кофточки, нейлоновые рубашки, химический каракуль и плащи «болонья». Пристрастие к синтетической одежде стало у некоторых ленинградцев одним из признаков элегантности. В 1964 году на Ново-Измайловском проспекте открылся специализированный магазин «Синтетика», где царило химическое великолепие. Химия стремительно входила в моду, в быт, уже утвердившись за несколько лет до этого в сознании людей.

Искусствовед М. Ю. Герман вспоминал: «А плащ „болонья" стал более нежели модой — эпидемией, мечтой, униформой художественной знати. Шелковисто-синтетические, необычных оттенков — черно-лазурные, темно-коричневые с зеленоватым блеском, угольно-серые со стальным, — дивного и простого покроя, они шуршали и переливались, утверждая высокое положение и стильность владельцев. Мне он так и не достался — его покупали только из-под полы в комиссионных, и стоил он весьма дорого... у нас

„болоньи", настойчиво носившиеся в любую погоду, трескались, портились и выглядели, вероятно, нелепо».

Добавлю к этому, что «болонью» покупали не только в комиссионных, но еще и по блату, с рук (у фарцовщиков, например, ленинградский поэт Е. Б. Рейн, по его воспоминаниям, купил такой плащ цвета «жандарм» у спекулянта); в начале 1970-х годов «болоньи» стоили примерно 60 рублей, а то и больше (при средней зарплате в сто рублей). Выглядели эти дождевики вполне естественно, когда носились весной или осенью, их сворачивали и клали в портфель, например. Весьма удобная вещь, к тому же модная и труднодоступная, вызывавшая у многих неодолимое желание иметь такую же. Где-то к середине 1970-х годов «болоньи» вышли из моды, хотя их продолжали носить еще долго.

Я свою «болонью» коричневого цвета помню до сих пор — она мне недешево и непросто досталась и долго с удовольствием носилась. Ровно до середины 1970-х годов, когда к моему немалому огорчению вышла из моды.

БОРМОТУХА. Дешевое крепленое суррогатное красное вино (редко — белое) появилось в СССР в конце 1950-х годов (само слово — позднее; предлагаю свою версию его происхождения: по-видимому, употребление этого напитка лишало человека способности говорить, и он мог только бормотать). Бутылка стоила обычно 2 руб. 20 коп. (после **денежной реформы** 1961 г.). Термин «бормотуха» — чисто ленинградский, но это не значит, что в других городах СССР бормотухи не было, просто она называлась иначе.

Как ни странно, бормотуху употребляли многие — и студенты, и научные работники, и работяги, и их начальники. Кому-то бормотуха нравилась — ее ценили за то, что она действовала быстро, но чаще ее покупали и пили за неимением денег на более качественный напиток. Бутылки с бормотухой закрывались (правильнее будет сказать — прикрывались) пластмассовыми пробками; достаточно одного движения большим пальцем, чтобы пробка соскочила, что

Этикетка «Портвейн 72»

весьма удобно, ибо бормотуху распивали либо в **парадняке,** либо в садике. У многих на большом пальце правой руки находилась трудовая мозоль от частого открывания бутылок с бормотухой и прочими суррогатами и денатуратами.

Бормотуха в 1970-е годы всегда продавалась, например, в гастрономе на углу Социалистической ул. и ул. Марата. Взяв бутылку, шли через подворотню дома № 69 по улице Марата в садик, где бабушки за пустую посуду давали кому стакан, кому бутерброд с ломтиком яйца или просто хлеб с луком.

Или вот еще точка — железнодорожная станция Сортировочная. Здесь паслась вся Невская застава (речь, разумеется, о наиболее неустойчивой ее части). Сюда прямо цистернами доставляли крепленое вино, которое продавали по смешной цене: рубль за литр. Напиток лился рекой и вполне — по качеству и воздействию — подходил под определение «бормотуха».

Меж тем в начале 1970-х годов бормотуха была не такого уж и плохого качества, раз уж она тут упомянута, во всяком случае летальных исходов после ее употребления (бутылка на двоих или — а, гулять, так гулять! — на одного) не замечалось, хотя рвотный рефлекс она вызывала нередко тотчас после удаления пробки одним своим ароматом или, как выражались тогдашние интеллигенты-алкоголики, амбре. Спустя несколько лет после начала производства этого зелья появился действительно страшный напиток под названием «Южное» — темно-бурая жидкость неизвестного происхождения (наверняка с красителем и продуктами переработки фруктов, с добавлением сахара, спирта и чего-нибудь еще). Другие виды бормотух носили такие названия:

«Плодово-ягодное», вино, которое в народе прозвали «плодово-выгодным», просто «Вино», «Красное», «Вермут», в народе — «вермуть»; популярностью пользовались также «Портвейн 33», «Портвейн 777», в народе — «три семерки», «Агдам», «Розовое крепкое», «Солнцедар», «Золотая осень», «Осенний сад», «Алычовое», «Абрикосовое», «Брусничное», «Сливовое». Немало наших соотечественников полегло в битве с этими семерками и «вермутями».

Этикетка «Мадера»

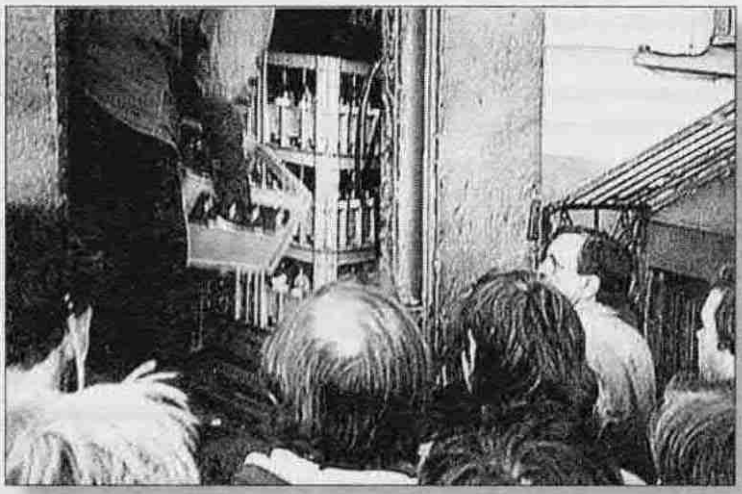
Бормотуху часто выпускали под наименованиями «Анапа» и «Букет Абхазии», хотя существовали и качественные напитки с такими же названиями. Из «Солнцедара», например, даже делали крюшон. Потом названиями стали попросту спекулировать, и под маркой «Красного», например, продавалась обыкновенная бормотуха.

Упомянутое «Южное» вошло в фольклор, когда в брежневское время по воскресеньям перестали продавать водку:

К коммунизму мы идем,
Это дело нужное.
Всю неделю водку пьем,
В воскресенье — «Южное».

Бормотухой называли вообще все дешевые сорта портвейна, вермута и плодово-ягодных вин. Бутылку с бормотухой емкостью 0,7 литра называли «огнетушителем», «чернилами» или «бомбой» (по сути, она на самом деле действовала, как бомба замедленного действия: пристрастившиеся к бормотухе, кончали свой век скоро).

Через год после начала антиалкогольной кампании начала рушиться парфюмерная и фармакологическая



В ожидании счастья

промышленности. И, как следствие, пышно расцвела спекуляция алкоголем, бормотуха стала главным товаром у перекупщиков. Бутылка бормотухи благодаря антиалкогольной кампании возросла в цене до четырех рублей.

В начале 1990-х бормотуху стали продавать в стеклянных банках емкостью в три литра, а также в запаянных полиэтиленовых пакетах. Какое-то время — весьма короткое — существовали разливные автоматы. 100 граммов портвейна «Волжское крепкое» обходились в 22 копейки (столько же стоила кружка пива). Но кто ж портвейн пьет по сто граммов? На пять жетонов наливали пивную кружку этого «Волжского».

В ходе «горбачевской» антиалкогольной кампании приняли решение о свертывании производства бормотухи, скосившей немалую часть мужского населения страны — и это в мирное время! Производство винных суррогатов действительно значительно снизилось, и народ начал отдавать предпочтение водке. Впоследствии, после распада СССР, в продаже появились всевозможные дешевые и низкокачественные спирты и водки импортного производства

(та же бормотуха, только не мутная), а затем — различные «лекарственные» настойки в аптеках крепостью 60—95% (боярышник и пр.). Поскольку стоимость спирта ниже, чем бормотухи в пересчете на спирт, то бормотуха так и не обрела былую популярность в Российской Федерации, тем более что ее производство по-прежнему официально запрещено как «искусственного алкогольного напитка».

БЮСТГАЛЬТЕР. Это в наши дни даже в библиотеке — даже зимой! — можно встретить барышню (и не одну!), у которой вызывающе торчат бретельки (обе), точно она находится не в присутственном месте, а у себя дома. В советское время подобное не допускалось — бюстгальтер, или, в просторечии, лифчик, прятался под одежду так, чтобы ни одна часть его не мелькнула при любом, самом неожиданном изгибе или повороте тела, при любой глубине выреза платья или блузки.

В 2007 году бюстгальтер шумно, во всем мире, отметил столетний юбилей. А началось все с того, что в 1907 году журнал «*Vogue*» посвятил несколько страниц обзору бюстгальтеров. Обзор вызвал небывалый дотоле интерес у лиц обоего пола. В продолжение последующих нескольких десятилетий лифчик совершенствовался, видоизменялись его форма, швы, чашечки, бретельки, то да се. Над ним бились лучшие мужские умы (среди женщин, дизайнеров и портных, подобного рвения не замечено).

Если в 1968 году феминистки в Западной Европе сжигали бюстгальтеры на кострах как символ дискриминации и неравенства полов, то советские женщины никогда не спешили расставаться со своими лифчиками, которые так непросто им доставались. Хороший, удобный бюстгальтер доставали с трудом: то, что выпускала отечественная легкая промышленность, и то, что продавалось в магазинах, было весьма далеко от зарубежных аналогов, проникавших в СССР теми или иными путями. Спасибо мужчинам: матросы, ходившие в загранку, без лифчиков практически не возвращались.

В магазине перед выбором

Рассказывали, что побывавший в Москве в 1950-х годах знаменитый французский актер Жерар Филипп пришел в ужас от белья, увиденного на прилавках ГУМа. Он немедленно скупил весь ассортимент и устроил в Париже выставку советского женского белья, имевшую грандиозный успех. Француженки умирали со смеху.

Нам же смеяться не хотелось. Наконец единственная женщина в руководстве страны, член Политбюро ЦК КПСС Е. А. Фурцева, на очередном заседании этого самого Политбюро произнесла историческую фразу: «Каждая советская женщина имеет право на качественный бюстгальтер». Сила ее слова имела такое значение, что в Москве, в Черемушках, спустя короткое время построили фабрику по производству женского белья. До этого страну обшивали надомницы, и их работа всех устраивала, ибо они шили по размеру на конкретную фигуру, предварительно сняв нужные размеры.

Не сразу, со скрипом ушли в прошлое костяные пуговицы, на которые застегивался лифчик, мало-помалу стихли стоны сотен тысяч женщин, испытывавших муки оттого, что им вечно что-то впивается в тело там, где оно опоясано бюстгальтером.

В 1970-е годы в СССР из ГДР завезли модель бюстгальтера с кружевным покрытием. Не прошло и десяти лет, как наши швейники обзавелись еще одной моделью, с пластмассовой застежкой впереди. Модель называлась

красиво, будто из французского романа — «Анжелика». Атласные лифчики советского производства (по форме напоминающие бронежилеты) с выстроченными чашечками по-прежнему лежали на полках магазинов женского белья, но советские женщины предпочитали с боем брать отделы галантереи, в которых продавались бюстгальтеры, сшитые в ГДР и Югославии, при этом частенько в пылу борьбы брали лифчик не своего размера. Хорошо, если он оказывался великоват, если мал — тогда проблема.

Бюстгальтеры же советского производства были исключительно полотняные (потом стали атласными), объем груди при их пошиве не подразумевался — все шилось усредненного размера, поэтому некоторые лифчики приходилось надставлять или уменьшать в объеме. Бретельки лифчиков в 1970-е годы застегивались на пуговки и расстегивались в неподходящий момент, например если женщина тяжело вздыхала или переедала. Бюстгальтеры передавались в семье от одной женщины к другой — от матери к дочери, от старшей сестры к младшей. Если лифчик оказывался велик, то подкладывали вату. Вата вообще была незаменима в повседневной жизни советской женщины.

Мужчины, повторюсь, никогда не оставляли бюстгальтер без внимания — причем начиная с отроческих лет. В 1960-е годы в школе во время уроков юноши нередко развлекались тем, что проводили по спине сидящей впереди соученицы линейкой по тому месту, где вызывающе выступала пластмассовая застежка от лифчика. Застежка без труда расстегивалась — к удовольствию юноши (и, разумеется, зрителей с задних парт) и к негодованию и немалому неудобству барышни.

Наш современник, поэт Вл. Вишневский, двумя строками нарисовал портрет мужчины, которого бюстгальтер не оставляет равнодушным:

Приучен он самой судьбой
Застегивать бюстгальтер за собой...

В

ВЕРТУШКА. В Ленинграде (да и в других городах СССР) так называли четырехзначный телефон (например, 62 41), по которому быстро, или, грамотно говоря, оперативно, связывались с городским начальством. Естественно, аппараты, по которым вели переговоры с этим самым начальством, находились исключительно в кабинетах руководителей предприятий и учреждений, и простые работники к ним доступа не имели. Были вертушки и с тремя цифрами. Аппараты белые, на диске — герб. Такие телефоны стояли у главных редакторов партийных газет, у боссов телевидения и радио, членов обкома и горкома.

Впервые вертушки появились в Кремле как внутренняя связь; инициатива их появления принадлежит **В. И. Ленину.** В отличие от обычной телефонной сети, где в то время соединение происходило через оператора (который вольно или невольно слушал разговор), «вертушечная» связь осуществлялась автоматически, т. е. номер набирался с помощью наборного диска-вертушки, а не путем вращения ручки сбоку аппарата. В редких случаях вертушки устанавливались не только в кабинетах. Так, в спальной С. М. Кирова в доме 26/28 по Каменноостровскому проспекту (в наши дни здесь музей-квартира С. М. Кирова) до сих пор стоит канцелярский столик фабрики «Древтрест», а на нем — телефонный аппарат.

В ночное время достаточно было протянуть руку, снять трубку и услышать по вертушке голос «хозяина». Вертушка являлась статусным символом советской номенклатуры.

Обладатель вертушки раз в год получал книжечку карманного формата — список абонентов. В списке в алфавитном порядке стояли фамилии, имена и отчества, в некоторых случаях указывалось название ведомства (если, например, встречались однофамильцы). Должности и адреса не указывались. Теоретически номеров могло быть 9999, но в действительности столько не требовалось

Согласно неписаному правилу, на звонок по вертушке обязательно отвечал только хозяин кабинета, при этом он говорил не «алло», а называл свою фамилию. Это правило относилось даже к членам обкома КПСС (если тот не переключал свою вертушку на секретаря). Если хозяин отсутствовал, то секретарь отвечал: «Приемная такого-то».

Обладатели вертушек перезванивались между собой только по «смольнинской связи», даже если просто договаривались, допустим, вместе пойти в буфет или на футбол. Если же начальник звонил начальнику по обычному телефону, то это, в соответствии с номенклатурным этикетом, могло вызвать у его коллеги подозрение в показной скромности или, что еще хуже, в демонстративном пренебрежении предоставленным благом.

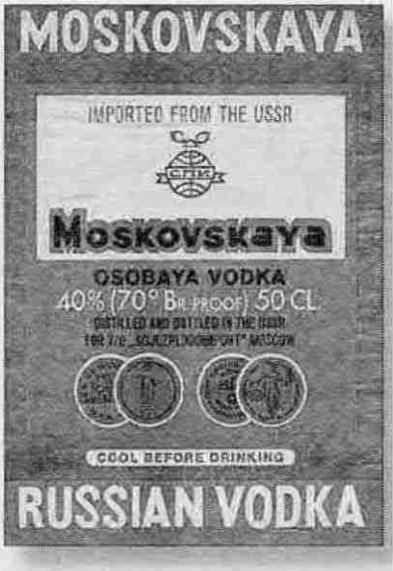
Вертушками в то время, когда существовали эти телефоны, на молодежном сленге называли электропроигрыватели и радиолы (радиоприемник и проигрыватель в одном): «Феникс-001», «Ригонда», «Корвет», «Мелодия»; это лучшие модели из доступных простым гражданам электропроигрывающих устройств, однако продавались и другие, гораздо ниже классом. Главное в вертушке — граммофонная игла, корундовая (срок службы около 150 часов) или алмазная (в 10 раз больше). Вертушка с этой последней иглой более всего подходила для проигрывания фирменных **пластов.** Сменные иглы крепились с помощью винтика к граммофонным мембранам в звукоснимателях старых конструкций.

Они изготавливались из стали и использовались для воспроизведения записи с пластинок только при скорости вращения 78 оборотов в минуту. Срок службы этих игл ограничивался примерно пятью минутами.

Вертушкой называли (и называют) и вращающуюся блесну, но число тех, кто употребляет слово именно в этом значении, столь же ничтожно, как и число тех, кто наслышан о галактике Вертушка *(Whirlpool)*, находящейся на расстоянии 31 миллиона световых лет от нас в созвездии Гончих Псов. А еще вертушками называли вращающееся кресло, звонок в квартиру (который поворачивали, чтобы позвонил), вертолет. Но спросите у старого ленинградца, что он понимает под словом «вертушка», и он ответит, что это либо смольнинский телефон, либо проигрыватель. Все зависит от того, с чем он имел дело в дни молодости.

ВОДЯРА. Так ласкательно-презрительно называли водку. Услада и беда поколения 1950—1980-х (как и любого другого, но этот период имел свои нюансы), вдохновительница творческих натур, она же — их губительница. Насущная потребность. Для многих, очень многих — смысл жизни. Неизменная спутница свадеб и похорон, получения диплома или провала на экзамене, свободного вечера или перерыва на обед. Повод для знакомства. Разлучница и то, без чего не обойтись при воссоединении любящих сердец, родственных душ или совершенно незнакомых людей. Спутница побед и поражений. Лекарство от скуки и от простуды, от живота, от головы, от всего, что временно вышло из строя или не работает хронически. Единственное, на что всегда находились (и находятся) деньги, время и место. Цены на это удовольствие были в 1950-е годы такие: пол-литра «Московской» — 23 рубля 70 копеек, бутылка «Ленинградской» — 21 рубль 20 копеек (в народе эту водку называли «табуретовка» — очевидно, за качество напитка), бутылка «Столичной» — 25 рублей 20 копеек, маленькая **(Малек)** — 14 рублей 90 копеек.

К концу 1950-х годов в СССР коренным образом изменился способ потребления крепких алкогольных напитков (а пили преимущественно крепкие напитки — водку и коньяк, что повелось со времен войны, когда пили и мужчины, и женщины почти исключительно спирт). В 1958 году советское руководство запретило продавать водку в розлив во всех предприятиях общественного питания, кроме ресторанов. Народ стал пить на улице, в парадных, в скверах и пр. Так возник типично советский обычай — распитие бутылки на троих (примерно по 150 граммов на человека). Если не удавалось найти третьего, мог случиться «перебор», ибо 250 граммов могли оказать нежелательное, хотя и предсказуемое, ожидаемое воздействие. С введением **пятидневки** у людей появилось больше времени для подобного рода досуга.



Этикетка «Московская»

Бывало, на водку не хватало — особенно когда подбиралась компания, и одной бутылкой не ограничивались. Тогда приходили в магазин с чайником: покупали водку, выливали ее в чайник, сдавали бутылки и покупали недостающее. Это типичный прием, а отнюдь не частный случай.

В противовес любителям такого времяпрепровождения создавались агитбригады для пропаганды здорового образа жизни, проводились «дни здоровья» — коллективные, подчас принудительные выезды за город, лыжные и грибные походы (за грибами ездили автобусами, целыми цехами или отделами, но все равно кто-то умудрялся прихватить

Этикетка «Сибирская»

свою водяру, чтобы «сообразить на троих» — одно из самых популярных выражений советского времени). Энтузиасты здорового образа жизни пытались привить выпивохам интерес к музеям или библиотекам, но посещение очагов культуры неизменно заканчивалось, как в известной миниатюре А. И. Райкина «В греческом зале» (автор — М. М. Жванецкий), вызывавшей смех и понимание зрителей, а отнюдь не осуждение.

С 1960 года потребление алкоголя в СССР возросло на 2,8 литра и к 1970-м годам достигло 6,7 литра на человека в год (в пересчете на чистый спирт). Между тем цифры показывают, что руководство страны заинтересовано в поддержании таких темпов: при советской власти доход от торговли алкоголем составлял от 15 до 29% доходной части госбюджета.

Умные люди рассчитали, что месячная зарплата советского человека должна состоять из стоимости тридцати бутылок водки. В 1970-е работающий человек получал в среднем сто рублей в месяц, бутылка водки стоила три (2 рубля 87 копеек). Если выпивать по бутылке в день со скромным **закусоном**, сумма затрат будет равна месячному жалованью. Те, кто зарабатывал больше ста рублей в месяц, пили более дорогую водку или коньяк.

Водка в те годы выпускалась двух-трех наименований, лучшей по праву считалась «Столичная», стоила 3 рубля 07 копеек. Ее пивали люди, занимающие хорошую должность (полковники, например; они все чем-то руководили

на каких-то кафедрах и неизменно имели хорошую зарплату в дополнение к военной пенсии), т. е. здесь важное значение имел ранг, положение в советском обществе. Второе место занимала «Московская», она-то и стоила 2 рубля 87 копеек. Средняя норма на человека — **малек,** хотя крепкие здоровые мужчины под хорошую закуску выпивали и по пол-литра, а то и больше (водка женского рода, потому и чувствует себя уютно в мужском обществе). Что интересно, о «паленой» водке в те годы даже не знали. Покупали водку в любом магазине без опасения за собственное здоровье, даже если пробка не всегда внушала доверие — винтовых пробок тогда еще не изобрели. Бутылка запечатывалась в 1950-е годы картонной пробкой, залитой сургучом, а в 1960-е картонную пробку стали опечатывать жестяной пробкой с хвостиком (с «кепкой» или «козырьком» — **малек**). Пробки были ненадежны, иногда водка проливалась по дороге домой или в гости, если ее неровно ставили, например, в портфеле.

Водка в розлив продавалась в **рюмочных,** бутылками — в винных отделах продовольственных магазинов или в специализированных винно-водочных магазинах. Бутылка водки служила единицей системы взаиморасчетов. Водка долгое время служила своего рода валютой при оплате работы, например, сантехников. Особенно в этом качестве она ценилась в сельской местности или в садоводческих товариществах, где за любую работу частного характера платили исключительно водкой. За бутылку водки односельчанин мог залатать крышу, вскопать участок земли под картошку, починить электричество и пр.

На подорожание цен на водку в 1980-е годы народ откликнулся поэтическим образом:

Скоро водка будет восемь,
Все равно мы пить не бросим.
Передайте Ильичу,
Нам и десять по плечу!

Ну а если будет больше,
Мы устроим то, что в Польше *.

Ильичу (т. е. Л. И. Брежневу) едва ли успели передать эту угрозу — в 1982 году генеральный секретарь ЦК КПСС умер. С водкой начались перебои, а потом она пропала. Когда водки не стало, многие перешли на коктейль «Александр III» — смесь одеколона «Саша» и «Тройного» одеколона.

«То, что в Польше», устраивать не пришлось, ибо весной 1992 года в магазинах появились иноземные бутылки с красно-белыми этикетками. 96-процентный *«Finespirit Prima»* («рафинированный спирт „Прима“») под названием *«Royal* (что по-английски значит «королевский») скоро превратился в едва ли не самый распространенный напиток из числа сбивающих с ног и затуманивающих мозги. Его употребляли в парадняках и на танцах, за праздничными и конторскими столами, на свадьбах и похоронах, разбавив предварительно «инвайтом» (был такой порошок, который, будучи растворен в простой воде, превращался в тошнотворно-сладкий «лимонад», и не дай Бог запачкать им руки — не отмоешь несколько дней!).

В 1992 году литровая бутылка «рояля», как в народе прозвали «королевский» заморский спирт, стоила 60—70 рублей (пол-литра водки, которая не всегда в том году оказывалась в постоянной продаже, обходилась в 40—50 рублей). «Рояль» разливали даже в рюмочных и в закусочных.

Постсоветские бизнесмены, закладывавшие в ту пору всеми способами основы своего нынешнего состояния, быстро сообразили, что за «рояль» может сойти и технический спирт, чуть-чуть переработанный и разлитый по бутылкам. Тогда и появилось слово «паленый» — некачественный продукт. Любопытно, что в тогдашних газетах стали появляться статьи, как отличить настоящий спирт от поддельного.

---

* Был и такой вариант концовки: *«Если будет двадцать пять, // Будем Смольный брать опять»*.

В 1993 году в Ленинграде появилась водка в жестяных банках. Продавалась она свободно в ларьках вместе с банками с пивом. Импортная водка отличалась неплохим качеством (особенно любили «Смородиновую»), но потом вдруг пошли слухи о том, что происхождение ее неизвестно, и она исчезла.

ВРАЖЬИ ГОЛОСА. Так советские люди называли радиостанции «Би-би-си», «Свобода», «Свободная Европа», «Голос Америки», «Немецкая волна», «Голос Израиля». Вопреки распространенному на Западе мнению, слушали их далеко не все, кроме того, далеко не все обладали качественными транзисторными приемниками, которые могли принимать эти станции. В 1950-е годы радиоприемник купить в Ленинграде было непросто (поэтому, чтобы купить «Ригу-10», например, ездили в Ригу). В магазин с вечера занимали очередь, и когда он открывался утром, те, кто нуждался в приемнике, бежали к прилавку едва ли не первыми.

Многие ленинградцы, справедливости ради надо сказать, испытывали настоящую вражду к этим станциям и клеймили их в письмах в газеты, на партийных собраниях и пр. Но «вражьи голоса» имели и немало поклонников. Особой популярностью у немногочисленных (в процентном отношении ко всему населению СССР) слушателей пользовались джазовые передачи «Голоса Америки» Уиллиса Коновера, программа о поп-музыке Севы Новгородцева на русской службе «Би-би-си» («Севооборот»), комментарии А. М. Гольдберга по «Би-би-си», политические программы радиостанции «Свобода», чтение актером Ю. А. Паничем произведений А. И. Солженицына.

По прошествии времени можно с известной долей уверенности сказать, что те советские люди, которые чувствовали, что «сидят на голодном информационном пайке», с интересом слушали передачи «из-за бугра», ждали их, включая свои «спидолы» и «вэфы» по расписанию. Реакция властей была предсказуемой: репрессии для тех, кто

Ю. А. Панич

изобличался в непозволительном, преступном любопытстве, и попытки при помощи специальных передатчиков — так называемых «глушилок» — забивать голоса зарубежных дикторов и «горлопанов». (Замечу в скобках, что у представителей номенклатуры имелись приемники, которые позволяли пробиваться сквозь глушилки.) Одна из таких глушилок находилась на Приморском шоссе, в районе Лахты, в бывшем имении Стенбок-Ферморов, так называемом Охотничьем замке. У Гренадерского моста на двух телевышках имелись растяжки с кольцами — приспособления для глушения. После начала перестройки эти растяжки ликвидировали.

Но очень многие так или иначе исхитрялись слушать «вражьи голоса», и недаром большой популярностью пользовалась шутка про потерявшегося мальчика: нужно было объявить о нем по «Голосу Америки», и родители услышали бы о своем чаде. Благодаря самому популярному в СССР (единственному на русском языке) юмористическому журналу «Крокодил» появился неологизм — «обибессиленный» (о человеке, наслушавшемся антисоветских передач «Би-би-си»).

Советские «глушилки», вместо того чтобы подавлять «вражьи голоса», искоренять их, своим монотонным жужжанием лишь усиливали к ним интерес, придавая передачам из-за рубежа ореол полузапретного романтизма. По воспоминаниям композитора А. Журбина, «вражьи голоса» являлись «единственным деликатесом среди безвкусной и безвитаминной коммунистической еды». И, добавлю, нередко только «из-за

бутра» люди узнавали то, что следовало бы узнавать из советских источников информации. Так, о смерти О. Ф. Бергольц ленинградцы услышали из передач «Голоса Америки», а не прочитали в советских газетах. А вот еще более потрясающий факт: о назначении К. У. Черненко генсеком западные станции сообщили раньше, чем советские газеты!!!

«Вражьи голоса» «открывали» советским людям глаза на проблемы, существовавшие в СССР, и по-своему объясняли причины этих проблем. Поэт И. Губерман в своем четверостишии под названием «На подступах к изобилию» выразил эту просветительскую миссию в следующих строках:

Вражий голос ругает отчизну,
Что я мясом стал хуже питаться:
Мы так быстро идем к коммунизму,
Что скотине за мной не угнаться.

Некоторые любители «голосов» специально уезжали подальше от города, чтобы без помех послушать любимую программу на самом обыкновенном транзисторе. Например, на «Гиале». Он выпускался Грозненским радиотехническим заводом с 1977 года и, как многие с удовольствием для себя выясняли, мог утолить информационный голод советских людей. Упомянутая выше «Спидола» выпускалась на рижском заводе VEF с 1962 года; именно такой приемник был у меня в 1970-е годы. А еще в продажу поступал «Альпинист», который с 1964 года производили на Воронежском и все том же Грозненском радиозаводах.

Питерский журналист А. А. Морачевский рассказывал мне: «В 1960—1970-е годы у нас в квартире на Васильевском острове по вечерам одновременно работали три радиоприемника в трех комнатах. „Голоса“ слушали мой отец (любил „Би-би-си“, профессор, беспартийный), мой дядя („Голос Америки“, профессор, секретарь партбюро факультета, член парткома Университета) и я, начинающий научный работник-диссидент, слушавший все подряд. Потом

встречались на кухне и обсуждали услышанные новости. Иногда звонил мой второй дядя (профессор, партийный, жил отдельно) и спрашивал: «А вы слышали по „Би-би-си..."?».

В основном «вражьи голоса» ленинградцы слушали по ночам, что породило шутку: «Есть обычай на Руси слушать ночью «Би-би-си»». Моя «Спидола» отлично ловила «вражьи голоса» ночью; днем она отдыхала.

...24 февраля 1942 года служащий Информационного агентства США Уильям Харлан Хейл начал 15-минутную передачу на немецком языке словами: «Говорит „Голос Америки". Мы расскажем вам правду». Сначала правду рассказывали нацистской Германии, потом другим странам. 17 февраля 1947 года из Западной Европы на СССР по-русски начал вещать «Голос Америки» (редакция находилась в Вашингтоне); в Москве распечатки программ делали для «отца народов». 1 марта 1953 года в эфир впервые на русском языке вышла «Радиостанция Освобождение», спустя шесть лет превратившаяся в «Радио Свобода». Впоследствии появились другие радиостанции. Потом, спустя десятилетия, мир изменился, и «вражьи голоса» прекратили свое существование, оставив вместе с тем заметный след не только в истории информационного вещания, но и сыграв свою роль в умонастроениях советских людей, что точно подметил Владимир Высоцкий:

Мишка Шифман сообщил по дороге в Мневники:
*«Голду Меир * я „словил" в радиоприемнике!»*
И такое наболтал, ну до того красиво,
Что я чуть было не попал в лапы Тель-Авива.

---

* Г. Меир (1898—1978), премьер-министр Израиля в 1969—1974 годах.

Г

ГАВАНА. В честь столицы дружественной СССР Кубы Гаваны в Ленинграде назвали табачный магазин в доме № 2 по Каменноостровскому (тогда — Кировскому) проспекту **(Табак)**, просуществовавший примерно два десятка лет в 1970—1980-е годы (раньше в этом помещении находилось заведение, в котором разливали коньяк и шампанское, теперь здесь обувной магазин).

В 1960-е годы «гаваной» ленинградцы неофициально называли совмещенный санузел в малогабаритной квартире (от слова «г...о», а может, от слов «гальюн» и «ванна»). Здесь размещались сидячая ванна и унитаз (раковины не было), но с трудом помещался обитатель квартиры, отличавшийся крупными габаритами. Нелегко приходилось и тому жильцу, которому приспичивало попасть в туалет, когда кто-то в это время сидел в ванной. Нелегко приходится и историку петербургского быта — что-либо добавить к описанию «гаваны» едва ли возможно, но в памяти она осталась навсегда.

ГАЛОШИ. Галоши имели такую популярность среди всех слоев советского населения, что детская поэтесса З. Петрова даже стихи о них написала, которые на слуху у многих до сих пор:

Купила мама Леше
Отличные галоши.
Галоши настоящие,
Красивые, блестящие,
Теперь хоть и захочешь,
А ноги не промочишь!

В стихотворной сказке для детей Корнея Чуковского «Телефон» («У меня зазвонил телефон...») Крокодил со слезами просил прислать галоши ему, а также его жене и Тотоше.

Прошли десятилетия после этих стихов, написанных в 1920-х годах, а галоши по-прежнему оказывались востребованными не только сказочными героями. Сейчас в это трудно поверить, но в 1970-е годы некоторые студенты Университета ходили в галошах. Удобно, комфортно, гигиенично... Да и обувь сберегали с помощью галош, тем более что выбор ее был тогда небольшой и стоила она недешево.

Галоши сдавали в гардероб — в 1960-е годы на филологическом факультете ЛГУ находилось две раздевалки: правая, где сегодня книжный магазин, для барышень, левая — для юношей. Гардеробщик, дядя Фима, помечал галоши мелком, и весь день ходили по университетским помещениям и аудиториям в сухой обуви! А как удобно приходить в галошах в гости! Снял галоши в прихожей и ходи в ботинках, а не в носках или в чужих рваных тапках (хорошие, неношеные, не дадут), как это принято сегодня. Галоши выпускали с красной байковой подкладкой. Металлические буквы своих инициалов (буквы продавали отдельно) хозяин вдавливал в подкладку, чтобы свои галоши не перепутать с чужими.

От галош многие ленинградцы отказывались потому, что у некоторых они ассоциировались со сталинской эпохой, но здесь не нужно искать политический подтекст. Резиновая обувь (галоши и женские боты) пользовалась большой популярностью у советских людей. В 1947 году в течение первого месяца после отмены карточек торговые работники определили группу товаров повышенного спроса,

Галоши

и среди промтоваров первенствовали галоши! В некоторых районах Москвы даже ввели лимит на их продажу, а продавцы предлагали уменьшить спрос за счет повышения цен на резиновую обувь. Она продолжала быть образцом если не моды, то комфорта и в начале 1950-х годов.

На 1950—1960-е годы пришелся последний взлет резиновой обуви. Широкий ассортимент охватил все слои населения: выпускались галоши и боты мужские, женские, мальчиковые, девичьи и детские; формовые без подкладки (так называемые чуни); типа босоножек с ремешком вместо задника и т. д. Вскоре они стали выходить из моды.

Первыми против галош в 1960-е годы выступили **стиляги.** Им больше по душе, или по ноге, приходилась так называемая «манная каша», или микропора (толстая каучуковая подошва светлого цвета). На микропоре и впрямь смело ходили по улицам в сырую погоду. Ходили слухи, что стиляги кустарным способом наваривали на отечественную обувь каучуковую «манную кашу». Меж тем в 1960-е годы советская обувная промышленность еще только приступала, неторопливо и неумело, к производству мужских ботинок на синтетической подошве, и галоши продолжали носить многие — и не только старики, что помню из собственного опыта.

После того как вошли в моду остроносые ботинки, стало трудно подобрать к ним галоши, и они скоро вышли из употребления. Правда, в осенне-зимний сезон 1961/62 года

Войлочные ботинки «Прощай молодость»

появились ботинки из прорезиненного войлока на толстой резиновой подошве, получившие в народе название «Прощай, молодость» (они выпускались и в последующие десятилетия). К серийному производству этих ботинок приступили в 1963 году, но изредка стала появляться обувь из «стран народной демократии», потом и из капиталистических стран, и о галошах и резиновой обуви вообще забыли. А жаль! Я и сегодня, в 2007 году, чувствую себя вполне комфортно в галошах, когда хожу по своему дачному участку (зимой — в валенках и галошах, летом, в сырую погоду, — в толстых шерстяных носках и галошах), и жалею, что не могу их надеть, когда отправляюсь в город, чтобы зайти к кому-то в гости или посетить издательство.

ГОСТИНЫЙ ДВОР. Старейший торговый центр Петербурга, функционирующий без перерывов (даже в блокаду отдельные магазины работали) с 1785 года. В послевоенное время реконструирован (1955 г.), и из множества магазинов, разделенных каменными стенами, устроили анфиладу больших торговых залов единого универмага. В 1960 году в универмаге работало около 900 продавцов, ежедневно ленинградцы делали более 45 тысяч покупок, несмотря на небольшой выбор. Вот если б в «Голубой зал» пустили... (так назывался секретный отдел, где отоваривалась партийная номенклатура). К концу 1980-х годов Гостиный Двор оказался в плачевном состоянии: плохая вентиляция, невысокие потолки, отсюда духота, вечная суета и давка, атмосфера всеобщего неудовольствия и раздражительности.

Гостиный двор. 1960-е гг.

Соответствующим образом вели себя в подобных условиях и продавщицы: одетые в одинаковые синие халаты (зимой — в валенки и ватники), они крутили любимые пластинки, перекрикивались с коллегами из соседних отделов, всеми способами, спрятавшись за глухими прилавками, старались отвязаться от назойливых покупателей, многократно превосходивших их числом, и явно тяготились своей работой. Да и покупатели всем своим видом показывали, что оказались здесь как бы не по собственной воле, а в силу обстоятельств. Часто покупателей обижали тем или иным способом, но они не оставались в долгу, пустив в оборот выражение «гостиный вор». В начале 1990-х годов в Гостином Дворе наблюдался невиданный дотоле покупательский бум: люди часами стояли в **очередях** за всем, что только можно купить. Причина проста — рубль рухнул вместе со страной, и все стремились как можно быстрее потратить деньги, пока они совсем не обесценились. За один только день 19 марта 1991 года (**денежная реформа 1991 г.**) Гостиный Двор выручил 2 420 000 рублей вместо запланированных 1 700 000.

Но и в жизни Гостиного Двора миновали трудные времена. Сегодня он, судя по внешнему облику и обилию товаров, процветает, хотя залы по большей части пусты, а некоторые экспонаты дороги, как в Эрмитаже, особенно на Невской линии, где в основном встречаются продавцы, редко — покупатели. Для многих горожан Гостиный Двор, как и в прежние времена, остается местом встреч, а его название стало своего рода лакмусовой бумажкой: если вы говорите «встретимся у Гостиного Двора» (или просто у «Гостиного»), значит, с вами все в порядке, но если вы предлагаете знакомому (знакомой) встретиться у «Гостинки», значит, вы не петербуржец, ибо настоящие петербуржцы так не говорят.

ГОСТИНОГО ДВОРА ГАЛЕРЕИ. Истории Большого Гостиного двора (Невский пр., 35), крупнейшего торгового центра старого Петербурга и самого большого ленинградского универмага, я посвятил книгу, вышедшую двумя изданиями (в 1988 и в 2001 гг.). Между тем достойны целой публикации и галереи (или, как они назывались в последней трети прошлого века, галёры или галёрки) Гостиного Двора, жившие самостоятельной жизнью и при царях, и в годы правления КПСС. Галёры первого этажа Ломоносовской или второго этажа Садовой и Перинной линий считались местом сбора перекупщиков и спекулянтов.

В 1970-е на галёрах вечно толкались **фарцовщики,** здесь приезжих по накатанной и без сбоев работавшей схеме обманывали разномастные мошенники: «У меня сестра (мать, теща и т. д.) работает в отделе, могу купить вам плащ (стереопроигрыватель, велосипед, кофеварку и пр.)». Предлагались и товары, которых в Гостином Дворе вообще не существовало: долгоиграющие пластинки с поп- и рок-музыкой, фирменные джинсы или обувь. На галере торговали из-под полы (правда, недолго) и книгами, пользовавшимися особым спросом.

Выбросив какой-нибудь дефицитный товар на галёру, советские продавцы за пару дней выполняли месячный

Галереи Гостиного двора. 1980-е гг.

план. Здесь всегда находились люди, жаждавшие чего-нибудь купить, хотя частями галёра была перекрыта и завалена стройматериалом и пустыми коробками. Обойти всю галерею Гостиного Двора по кругу в советское время покупатели не могли.

В 1970-е годы **фарцовщики** с галеры орудовали в туалете на Садовой ул., 13/15, а кабинки этого туалета служили еще и примерочными. В конце 1990-х годов этот туалет переоборудовали под зал игровых автоматов.

Ушли в прошлое времена, когда продавцы тянули жребий, кому в десять утра открывать двери — чтобы не быть сбитым толпой покупателей, приходилось ловко отскакивать в сторону. Гостиный брали с боем и на первом этаже, и на втором.

ДАЧА. Первые дачи как места летнего отдыха петербуржцев появились в России в эпоху Петра Первого. Это были усадьбы под Петербургом (и на территории современного Петербурга, и очень далеко от города), которые царь даровал своим приближенным за особые заслуги. Тогда и вошло в обиход слово «дача» — от глагола «давать». На дачах не просто отдыхали: там устраивали балы, открывали салоны. На дачи приглашали поэтов, художников, композиторов.

После установления советской власти дачи экспроприировали в пользу рабочего класса. Уже в июне 1920 года на Каменном острове, где до 1917 года находились дачи «царских сановников», открылись первые в СССР дома отдыха для рабочих. Однако места на всех рабочих не хватало, поэтому на одной буржуйской даче одновременно отдыхало несколько семей, представителей трудового большинства. На дачах также размещались пионерские лагеря, дома отдыха.

В самом начале сталинской эпохи личные дачи полагались лишь высшему советскому руководству. Исключения делались для известных ученых, писателей, композиторов, знатных доярок и шахтеров. Впоследствии власти разрешили создавать так называемые садоводческие товарищества.

С началом хрущевской оттепели дачное строительство начало бурно развиваться, поскольку, несмотря на обширную программу освоения целины в СССР, сохранялись проблемы с продовольствием, так что дачи строились отнюдь не для «удовлетворения потребности в отдыхе и лечении» граждан, как заявили в разрешительном партийном документе о дачном строительстве. 14 сентября 1970 года правительство приняло постановление о коллективном садоводстве и огородничестве, потом приняли новую редакцию Земельного кодекса РСФСР, согласно которому те, кто хотел, получали участки для ведения личного подсобного хозяйства. Миллионы советских людей тут же обзавелись наделами земли под огороды и стали строиться.

Классический размер дачного участка составлял 0,06 гектара (в просторечии — шесть соток), или 600 квадратных метров, в то же время для номенклатуры, профессоров, писателей участки могли составлять гектар и более. В силу подобного разделения на «простых» людей и номенклатуру начали формироваться престижные и непрестижные дачные районы вокруг Ленинграда. Например, поселок Келломяки, получивший в 1948 году название Комарово в честь ученого-ботаника В. Л. Комарова, жившего здесь некоторое время, стал в советские годы приютом в летнее время для Д. Д. Шостаковича, А. А. Ахматовой, Е. Л. Шварца, для многих других, не столь известных, но влиятельных или нужных советской власти персон (тогда здесь появились так называемые «дома творчества»), тогда как поселки Лахта и Ольгино, расположенные вдоль того же Приморского шоссе и бывшие до войны местом отдыха многих знаменитых ленинградцев, с годами утрачивали былую притягательность. О Комарово в 1980-х вся страна пела вместе с И. Скляром (*«На недельку до второго /Я уеду в Комарово»*), что сообщало дополнительную популярность этому и без того популярному месту, где жизнь и так как песня. В Лахте и Ольгино, если уж вспомнились эти ленинградские пригороды,

царила упорядоченно-гарнизонная атмосфера садоводческих товариществ, существовавших по типу коммунальных квартир. В этих поселках получали наделы рабочие заводов им. Климова, им. Карла Маркса. Они знали, на что идут, когда начинали лопатами вскапывать целину, на коленях ползать, пропалывая грядки, но действительность превосходила ожидания многих.

Заборы (даже низкую изгородь!) между участками возводить не разрешалось. А вот грядки обрабатывать нужно было обязательно, иначе собиралась комиссия и ставился вопрос об исключении лентяя из товарищества. А ведь строили здесь летние домики из подручного, списанного или оброненного проходившим мимо грузовиком материала и обрабатывали грядки люди, как правило, предпенсионного и пенсионного возрастов.

Молодежь все менее охотно посещала своих родителей в садоводческих товариществах, предпочитая проводить время летом в покинутых «предками» городских квартирах, и лишь изредка наезжала на дачу, чтобы поесть клубники (в советские магазины ягоды не поступали), или просто поесть чего-нибудь, или забрать закатанные на зиму банки с вареньем, огурцами или грибами.

Размеры дачных построек в садоводческих товариществах жестко регламентировали. Жилая площадь дачного домика (прозванного после показа по телевидению бразильского сериала «фазендой») не могла превышать тридцати квадратных метров. Возводить дома из кирпича запрещалось, как запрещалось строить их выше установленной нормы (например, двухэтажные — непозволительная роскошь). Не дозволялось иметь печь (деревянные дома стояли близко друг от друга). Даже самодельные и ненадежные отопительные устройства вроде буржуйки, которая, будучи оставленной без внимания, могла стать причиной грандиозного пожара, объявили вне закона. Это и понятно, ведь между большинством домов садоводческого товарищества нет проезда для пожарных машин.

Дачный участок. 1980-е гг.

В садоводческих товариществах все ставили примитивно скроенные, залатанные, шатающиеся на ветру парники (в советских магазинах не было не только ягод, но и овощей). Водопровода дачники не имели. Для душа обычно делали вышку, там ставили бочку, она наполнялась дождевой водой, под ней и мылись. Урожай, благодаря каторжному, хотя отнюдь и не принудительному труду, иногда превосходил все ожидания. Излишки же реализовывались с трудом — пунктов приема ягод, фруктов и овощей, грибов в основном не существовало. Информация о двух или трех имеющихся в городе пунктах отсутствовала. На рынок отваживался поехать далеко не всякий, да и не свезешь много на собственном горбу. Любимый праздник бабушек из садоводческих товариществ — День знаний, 1 сентября. Они специально к этому дню выращивали гладиолусы, и всю их продукцию неизменно раскупали.

Я, как человек, проживший в садоводческом товариществе несколько лет (и, разумеется, ни одной зимы), могу свидетельствовать: загорающих или играющих в бадминтон дачников практически не встречалось (речь о 1970—1980-х годах), зато по огородам часто ходили страховщики, члены разных проверяющих комиссий, строго следившие за тем, все ли как велено, нет ли самодеятельности по части строительства или огородничества. Поскольку одно время запрещалось пристраивать веранды, а владельцы их уже имели (и все об этом знали), то хозяева перед приходом комиссии (о чем по цепочке передавали соседи) вынимали рамы, державшиеся на загнутых гвоздиках, и говорили: работы по разборке веранды уже начались.

Вспоминаю и такую незабываемую и наверняка не уникальную подробность: у одной женщины умер муж. Вскоре к ней пришла комиссия, и бедную женщину заставили перегородить фанерой половину большой комнаты, чтобы не образовалось у одинокой вдовы излишков площади. Я лично участвовал в приколачивании той фанеры (которая, кстати, в те времена так просто не продавалась — комиссия помогла и с покупкой, и с доставкой).

Когда возвели дамбу от Горской до Кронштадта, заговорили об экологии, и поселки, расположенные к северу от Горской, возле которой берет начало дамба, стали еще престижнее, а те, что находятся к югу от нее, еще более потеряли в своем и без того шатком статусе.

Я так и не смог понять, почему на шестой части суши человек должен беспрестанно ютиться — в квартирах с **гаванами,** на дачных участках под боком у окруживших плотным кольцом соседей с их яблонями, затеняющими твои грядки, с их сорняками, нагло, днем и ночью ползущими к тебе на участок, с их то кричащими, то плачущими детьми... И вместе с тем никогда не слышал, чтобы кто-то добровольно сдал участок, сказав: все, хватит, больше сил моих нет! Большинство из тех, кто проводил летние месяцы на садоводческом участке, остальное время года жили в коммунальной квартире или

со взрослыми детьми, имевшими своих детей (что, в общем, тоже коммунальная квартира). Дача, таким образом, становилась улучшенным вариантом коммунальной квартиры. Со свежим воздухом и своей зеленью.

Разумеется, существовали и такие дачи, на которых жили круглый год, — с печками, с заборами, и стояли те дачи не на шести сотках в окружении грядок, меж которых ходят боком, на цыпочках. О местностях, где стояли подобные дачи, как уже говорилось, слагали песни. Другие же поселки вдруг оказались в зоне очистных сооружений, и получается, что воду пить нельзя и детей лучше вывезти, как в тех же Ольгино и Лахте. Это, собственно, и вся палитра советских дачников — либо те, либо другие. Меж тем так повелось, что ленинградцы в подавляющем большинстве своем дачники, либо дети дачников, либо друзья дачников, и пригласи ныне питерца летом на дачу — обязательно приедет, хоть у вас шесть соток где-то в сторону Ладоги, хоть два гектара, да еще на берегу Финского залива. Потому как истинный ленинградец-петербуржец без дачи не мыслит своего существования. Это он, ленинградец, промыкавшийся всю жизнь в коммуналке, окружил город зеленым поясом и накормил свою семью ягодами и фруктами, запасся продовольствием на зиму, угостил (и не раз!) соседа наливкой собственного сочинения и вывел новый сорт груши там, где груши, как утверждали и до сих пор утверждают ученые, не растут.

ДВОРЦЫ БРАКОСОЧЕТАНИЙ. В октябре 1958 года комсомольцы ленинградского завода «Светлана» предложили создавать специальные дворцы для торжественной регистрации бракосочетаний. Предложение поддержали городские власти, и спустя год, 1 ноября 1959 года, в Ленинграде, на наб. Красного Флота (ныне — Английская наб.), 28 (бывший особняк П. П. фон Дервиза, архитектор — А. Ф. Красовский, 1890 год), открылся первый в стране Дворец бракосочетаний и регистрации новорожденных. Первым во дворце зарегистрировали брак инженера-технолога

Дворец бракосочетаний на наб. Красного Флота. 1979 г.

Михаила Назарова и фрезеровщицы Любови Федоровой. Спустя два года, 10 февраля 1963 года, на ул. Петра Лаврова (ныне — ул. Фурштатская), 52 (бывший особняк К. А. Варгунина, архитектор — А. А. фон Гоген, 1899 год), открылся второй дворец. Согласно официальной советской статистике, к 1972 году количество венчаний в церквах по стране составило менее половины процента от всех бракосочетаний*, потому следовало ожидать, что дворцы для этих церемоний будут открываться и дальше. Правда, как и все в советское время, дело шло медленно, существовавших дворцов явно не хватало, и в них всегда велась предварительная запись.

Во дворце великого князя Николая Николаевича, возведенном в 1910 году на Петровской наб., 2, по проекту архитектора А. С. Хренова (постройки этого зодчего

* Вот еще кое-что из тогдашней статистики: с 1960 по 1980 год в Ленинграде «число случаев» (выражение автора) крещения детей сократилось в 2,5 раза, венчаний — в 3, а отпевания умерших — в 2,5 раза (Руднев В. А. Жизненность гражданских обрядов // Ленинградская панорама. 1984. № 12. С. 18).

называются в нашем городе «хреновы дома», но это не значит, что они плохие, — напротив, очень даже хорошие), с 1985 года находился дворец бракосочетаний, известный своими нарядными и изысканными интерьерами. Летом 2000 года администрация Петербурга предоставила дворец для использования в качестве официальной резиденции полномочного представителя президента России в Северо-Западном федеральном округе, по каковому поводу одна из газет писала: «Генерал-прокуратор превращается в свадебного генерала». Дворец бракосочетаний, таким образом, просуществовал пятнадцать лет как дворец бракосочетаний, но именно в таковом качестве и запомнился — как тем, кто сочетался узами брака в этом «хреновом доме», так и тем (вроде меня), кто полагает, что в этом здании только и должен быть дворец бракосочетаний.

Дворцом бракосочетаний называли в 1960-е годы и Дом работников искусств им. К. С. Станиславского (Невский пр., 86, ныне — Дом актера), где тогда собиралась молодежь на танцевальные вечера. Когда-то здесь помещался Английский клуб, в котором игрывал в картишки Н. А. Некрасов, потом устраивались выставки передвижников, потом тут Э. Ласкер играл с М. И. Чигориным в шахматы и, наконец, открылся музей восковых фигур. И вот надо же — в советское уже время здесь проводились танцевальные вечеринки. Открыли б уж сразу, т. е. в те же 1960-е годы, еще один дворец бракосочетаний. Правда, неизвестно, просуществовал бы он до нашего времени.

ДЕМОНСТРАЦИИ. Демонстрации в недавнюю старину, в отличие от нынешних, проводились всенародно, в любую погоду, регулярно, 1 мая и 7 ноября, и притом с полного одобрения властей.

На демонстрации выходили коллективами целых заводов, учебных заведений, ресторанов, научно-исследовательских институтов и жилконтор. Фамилии отлынивавших от участия в демонстрациях записывали, дабы потом

Демонстрация. 1970-е гг.

принять к ним административные меры (меры, впрочем, принимались не всегда, ибо у отказавшегося обыкновенно находились более чем убедительные оттоворки: болел, теща приехала, в лифте застрял и пр.). На заводах перед демонстрацией распределяли, кому что нести. Отсюда выражение «член на палочке» (т. е. портрет члена Политбюро). Эта «работа» оплачивалась — от одного до трех рублей, в зависимости от ноши.

О советских демонстрациях есть такой анекдот.

Один человек, проходя в рядах первомайской (или ноябрьской) демонстрации, принялся размахивать руками и кричать:

— Пламенный привет! Пламенный привет!

— С каких это пор ты их полюбил? — спрашивает его приятель, идущий рядом.

— Ну не могу же я прямо им крикнуть: «Чтобы вы сгорели!»

На демонстрации ходили семьями. Ходил и я. Все что-нибудь несли в руках, давали и мне понести — шарик, флажок, искусственный цветок. Взрослые дяди придерживали

Демонстрация. 1970 г.

тот карман пальто, где стояла бутылка (бутылку всегда держали открытой, потому и стояла). Взрослые тети, их жены, строго следили за тем, чтобы мужья ни под каким предлогом из рядов демонстрантов не отлучались, обещая море винегрета дома и прочего замечательного **закусона.** Но пьяных во время демонстраций не было, хотя многие находились под градусом. Демонстрация естественным образом перетекала в гуляние с танцами и песнями по ходу шествия.

Александр Городницкий вспоминал об одном из таких шествий-гуляний послевоенного времени: «На углу Восьмой линии, где на набережную, мерцая тусклой сталью, выскакивали скользкие, как змеи, трамвайные рельсы, колонна обычно останавливалась. Здесь в ряд стояли „полуторки", открытые грузовики и фургоны с бортами, украшенными красным кумачом и словами „Сталину — слава". С них шла бойкая торговля водкой и нехитрой, но зато и недорогой закуской. Наиболее популярным видом бутербродов считались так называемые „сестры Федоровы" — три кильки (на самом деле сестер Федоровых было

После демонстрации. 1970-е гг.

четыре. — *И. Б.)*, положенные на ломоть черного хлеба. Через борта машин в наши протянутые руки легко вылетали баснословно дешевые в те времена „маленькие" и „мерзавчики". Если же в колонну попадала „поллитровка", то она передавалась по шеренге слева направо. При этом каждый на ходу делал по глотку, а правофланговый выкидывал пустую бутылку. Еще вполне здравствующий тогда Верховный Главнокомандующий, „наш лучший друг", с огромного портрета, заслонявшего окна трех этажей на „Доме академиков" напротив въезда на мост Лейтенанта Шмидта, зорко смотрел прямо в глаза и в рот каждому из нас, чтобы никто не смел увернуться от обжигающего глотка водки и бодрого маршевого припева».

Если под словом «демонстрация», таким распространенным в советское время, понимать еще и неподдельную демонстрацию или проявление единения, хорошего настроения, охватывавшего ленинградцев в ходе этих шествий и гуляний, то надо признать, что «активность масс», проявлявшаяся в том числе и в сочинении нетленных анекдотов, не только инспирировалась сверху, но и исходила из души.

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1947 г. («сталинская»).

Это вторая денежная реформа в СССР (первую осуществили в 1922—1924 годах). Необходимость проведения очередной денежной реформы заключалась в том, что за годы Великой Отечественной войны значительно возросли военные расходы, а производство потребительских товаров резко сократилось. Кроме того, на временно оккупированной советской территории гитлеровцы выпускали фальшивые деньги, что увеличивало и без того большую их массу, находившуюся в обращении. Реформа — еще и способ борьбы со спекулянтами, умудрившимися накопить много бумажных денег (в результате реформы пострадали, правда, не только спекулянты, но и простые граждане, не имевшие вкладов в сберкассах и жившие от зарплаты до зарплаты, но разве ж знаешь заранее, как дело обернется). Попутно планировалось отменить карточную систему, что не удалось сделать в 1946 году.

Несмотря на то что все подготовительные мероприятия по проведению денежной реформы готовились в обстановке строжайшей секретности, в Ленинграде задолго до ее начала вовсю свирепствовала предреформенная лихорадка, распространялись слухи о грядущей денежной реформе, шли разговоры о том, будет она или не будет: одни говорили, что скоро отменят хлебные карточки и установят средние цены между коммерческими и карточными, другие — что обмен коснется всех денег с заменой одного нового рубля за два старых, и т. д. Те, у кого хранились сбережения в сберкассах, бросились забирать деньги по вкладам. За последние пять дней ноября на счета положили 72 млн рублей, а сняли 114 млн рублей. Пытаясь сохранить свою наличность, ленинградцы ринулись скупать мебель, музыкальные инструменты, охотничьи ружья, золотые и серебряные ювелирные украшения, люстры, ковры, часы. Резко возросли обороты магазинов. При среднем ежемесячном обороте универмагов (77 млн рублей) только за последние пять дней ноября продано товаров на 39 млн рублей. При

этом все товары, которые раньше продавались ни шатко ни валко, были распроданы в считаные дни. Если раньше за месяц уходило ювелирных изделий на четыре с лишним миллиона рублей, то за три ноябрьских дня их продали на два с лишним миллиона. В продовольственных магазинах в больших количествах скупали продукты длительного срока хранения — консервы, копченые колбасы, масло, сгущенное молоко, вино, водку, шоколад, конфеты, сахар, икру, сыры. Люди понесли вещи в ломбард под залог, надеясь, что стоимость сдаваемых вещей будет определена в новых ценах. Существенно возросли и обороты в ресторанах, где гуляли, не считая денег, те, кто мог себе это позволить (вообще, в стране есть такая примета: увеличилось число посетителей ресторанов — жди денежной реформы или денежного кризиса).

Наконец, в декабре 1947 года вышло постановление «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Вслед за тем стал осуществляться обмен имевшихся у населения дензнаков на новые в соотношении 10 : 1. Следующий шаг — переоценка банковских накоплений населения: мелкие вклады в сберкассах (до 3000 рублей, а это почти 80% всех вкладов) не подвергались переоценке; вклады, превышавшие 3000 рублей, переоценивались сверх этой суммы в соотношении 3 : 2 (до 10000 рублей), а вклады сверх 10000 рублей — в соотношении 2 :1 (мелочь осталась в обращении). К этому надо добавить, что в 1947 году на счетах находилось всего около 15% всех денежных накоплений населения. Надо было любыми способами «убрать» наличность, а о том, как это аукнется на простом человеке, никто всерьез и не думал — инициаторы реформ мыслили «в масштабе страны». Деревенские жители, не имевшие обыкновения держать деньги в сберкассе, просто-напросто обклеивали старыми деньгами внутренние стены своих домов. Что же до отмены карточек, то переход к бескарточной системе более или менее подготовили только в Москве и в Ленинграде (29 ноября

Дензнаки образца 1947 г.

1947 года приняли специальное постановление Совмина СССР «О создании неснижаемых запасов для торговли без карточек в городах Москве и Ленинграде»). Во всех других городах ситуация была кардинально другой: поскольку товарных запасов не существовало, цены на продукты стали выше, чем при карточной системе, и появились условия для спекуляции.

О реформе 1947 года ходил такой анекдот.

«Пришел мужик из деревни в Ленинград менять старые деньги на новые. Целый мешок денег с собой принес. Зашел в сберкассу, смотрит — народу тьма. Бросил мужик мешок с деньгами в угол и пошел искать последнего в очереди. И нашел. Вернулся — деньги на месте, а вот мешок кто-то украл...»

Современник событий того времени В. Я. Айнбиндер рассказывал мне: «В сберкассах, в очереди, люди стояли и спорили. Одни вкладывали деньги, другие забирали. Отец говорил, что надо верить государству и положить деньги на книжку. Мать, вспоминая пропавшие сбережения, когда началась война, считала: надо все забрать из сберкассы, что и сделала. Многие тогда покупали вещи, но многие и продавали их, считая, что после реформы вещи подешевеют».

В конце декабря 1947 года при зарплате в Ленинграде, которая колебалась в пределах 500—1000 рублей, буханка хлеба стоила 3 рубля, бутылка «Жигулевского» пива — 7 рублей, пол-литра «Московской» водки — 60 рублей. И, опять же, выходит, если рассчитать, сколько бутылок водки можно купить на одну зарплату, что реформа — для тех, чья зарплата составляла в районе тысячи рублей, — удалась!

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1961 г. («хрущевская»).

4 мая 1960 года в Кремле подписали постановление Совета министров СССР «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами». На следующий день его опубликовали. Что тут началось! Народ принялся срочно закупать товары повседневного спроса, а также шерстяные ткани, шубы. В ювелирных магазинах выручка подскочила в два-три раза. Но мало-помалу паника улеглась. В октябре 1960 года начался перерасчет вкладов в сберегательных кассах, однако вкладчикам не требовалось бежать в сберкассу: все вклады пересчитывались в соотношении 10 : 1. С 1 января 1961 года начали выпускать банкноты нового образца достоинством 1, 3, 5, 10,

Дензнаки образца 1961 г.

25, 50 и 100 рублей. Монеты нового образца чеканились достоинством 1, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 50 копеек и 1 рубль (медные деньги достоинством в одну, две и три копейки не менялись. Кассирши в магазинах наотрез отказывались давать на сдачу мелочь, ожидая, что монеты подорожают в десять раз, — и не ошиблись). Курс рубля с 1961 года определялся

90 копеек за доллар. Впрочем, для ленинградцев, как и для жителей всего СССР, эта информация не имела никакого значения, ибо большинство советских граждан жизнь прожили, так в глаза и не увидев американскую валюту, а если бы доллары у кого-то вдруг оказались, то они не смогли бы ни обменять их, ни на что-то потратить. Герой фильма «Ночной патруль» (1957 г.) говорит: «Поди, сунься с этой валютой, от тебя один дым останется». Сколько я помню (по публикациям в газете «Известия»), курс доллара в продолжение многих лет сколько-нибудь заметно не менялся.

Достать газету «Труд» (№ 81) за 1 апреля 1961 года, где публиковались новые цены на товары, помню, стремился каждый, да не каждому удалось. Вот этот исторический перечень:

Швейная машина ручная (марка и модель не указаны) — 58-30
Швейная машина ножная (марка и модель не указаны) — 58-30
Мотороллер «Тула-200» — 500-00
Велосипед мужской (марка и модель не указаны) — 49-80
Велосипед женский (марка и модель не указаны) — 53-50
Дорожка ковровая (длина 3 м) — 32-40
Часы наручные «Эра» в анодированном корпусе — 53-50
Часы наручные «Эра» в золотом корпусе — 95-00
Часы наручные «Победа» — 25-00
Часы наручные мужские в золотом корпусе — 130-00
Радиола «Рекорд-59» — 53-00
Бритва электрическая «Нева» — 14-00
Пианино (марка не указана) — 526-00
Холодильник «Саратов-2» — 150-00
Баян с футляром (марка не указана) — 138-50
Собрание сочинений Н. С. Лескова в 11 томах — 10-10
Фотоаппарат «Мир» — 60-00
Ковер размером 1,7 × 2,5 м — 127-50
Ковер размером 1,4 × 2 м — 84-00
Утюг электрический (марка не указана) — 14-00
Пылесос «Чайка» — 42-50

Мясорубка — 4-47
Будильник (марка не указана) — 4-50
Автомобиль «Москвич» (модель не указана) — 2500-00
Туристская путевка по Черноморскому побережью Кавказа — 75-00

С каким интересом вчитывались советские люди в эти строки, сейчас и не передать. Две с половиной тысячи рублей — а ведь сумасшедшие деньги, — и «Москвич» ваш!

Еще накануне все эти замечательные вещи можно было купить в десять раз дороже — и вот на тебе: желая увеличить покупательную способность рубля и покончить с «черным рынком», правительство СССР взяло и деноминировало рубль посредством изъятия старых денег и заменой их на новые в соотношении 10 : 1.

Изменило ли это как-то жизнь советских людей? Стали ли товары доступнее? Всякий ли смог обзавестись собранием сочинений Н. С. Лескова в 11 томах по цене 10 руб. 10 коп. или баяном в футляре за 138 руб. 50 коп.?

Увы! Это далеко не так. В результате реформы лишь исчезли лишние нули на ценниках — и в расчетных ведомостях при получении зарплаты.

С 1 января 1961 года десять «старых» рублей приравнивались к одному «новому». Как обычно в таких случаях, перед реформой в магазинах смели все, что только можно.

Особенно повезло тем, у кого наличность хранилась в виде 1-, 2- и 3-копеечных монет. Эти монеты остались в обращении по номиналу, и их владельцы стали сразу в десять раз богаче.

Деньги образца 1961 года оказались наиболее долговечными за всю историю СССР: в неизменном виде они просуществовали вплоть до **«павловской реформы»** 23 января 1991 года.

В народе о реформе 1961 года говорили так: «До реформы на 25 рублей можно было день прожить. А теперь и два можно!»

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1991 г. («павловская»).

В 1990 году, когда в стране сложилась очередная кризисная ситуация, Совет Министров СССР принял решение о предстоящем пересмотре цен. Под словом «пересмотр» народ понимал повышение цен, и правильно понимал. Буквально за несколько дней с полок смели все товары, и в стране воцарился тотальный **дефицит.** Пересмотр цен отложили, но поздно — магазины опустели. В конце 1990 года главой правительства стал бывший министр финансов В. С. Павлов. В результате некоторых предпринятых им действий резко сократилась инвестиционная и торговая активность иностранного капитала на территории СССР, но впереди предстояла реформа, прославившая его имя. 23 января 1991 года Павлов провел изъятие из обращения 50- и 100-рублевых купюр, поскольку по его, Павлова, подсчетам, около ста миллиардов рублей в крупных купюрах оказались

Дензнаки образца 1991 г.

за границей. Однако обмен крупных купюр, производившийся свободно только в размере месячного оклада и сопровождавшийся замораживанием значительной части вкладов, весьма существенно задел интересы рядовых граждан. Как нарочно, накануне обмена многие предприятия и учреждения получили деньги для выплаты заработной платы почти исключительно крупными купюрами. Поскольку мелких купюр в сберкассах не оказалось, то и пенсионеры пострадали — не было денег для обмена. За выделенные правительством три дня обменять деньги могли далеко не все, поэтому сроки обмена крупных купюр пришлось пересматривать дважды.

ДЕФИЦИТ. Массовый недостаток потребительских товаров на внутреннем рынке СССР (особенно в последние лет тридцать его существования) привел к тому, что это слово стало едва ли не самым распространенным, самым востребованным («я достал дефицит», «стоял в очереди за дефицитом»). Дефицит (от латинского *deficit* — «не хватает») в экономике — превышение спроса над предложением.

Дефицит в СССР привел к ощутимому повышению социального статуса работников торговли, которые получали привилегированный доступ к разного рода товарам и потому могли приобретать их не столько для собственного потребления, сколько для перепродажи. Для отдельных категорий потребителей (так называемой «номенклатуры» — партийных, советских и хозяйственных чиновников, профессоров, знаменитых актеров, художников, писателей, старых большевиков, генералов, героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, директоров заводов и пр.) ввели привилегии в снабжении, в том числе дефицитными товарами.

«Дефицит специфический» — термин, ставший популярным после того, как по телевидению показали миниатюру А. И. Райкина. Под это определение подходило в СССР в целом и в Ленинграде в частности в последние десятилетия минувшего столетия все. Если сегодня что-то находилось в

Дефицит. 1980-е гг.

Елисеевский магазин. Очередь под дождем. 1980-е гг.

свободной продаже, то это не значило, что то же можно будет купить завтра. Дефицит порождал **фарцовщиков,** спекулянтов, перекупщиков, приводил к расслоению общества на две неравные группы — представители одной жирели, имея доступ к дефициту, тогда как вся остальная часть населения переплачивала с трудом заработанные деньги подчас за самое необходимое, чего не существовало в свободной продаже.

Использовали разные способы для получения дефицита. Например, когда художники брались оформлять обувной магазин, то ставили администрации требование: дать им возможность купить за свои деньги импортные ботинки или женские зимние сапоги. Иногда в ажиотаже покупатели расхватывали вещи, которые им, в принципе, и не нужны, но все равно покупали их — для подарка, про запас.

ДЖИНСЫ. После окончания Великой Отечественной войны многие донашивали военные брюки, кители, ватники, подпоясанные армейскими кожаными ремнями с бляхой со звездой, но потом молодежь (а она к началу 1960-х составляла 2/3 населения страны) пожелала одеваться модно.

О джинсах в Ленинграде узнали в конце 1950-х годов, а поскольку купить их было невозможно, быстренько расплодились местные умельцы, которые распарывали фирменные джинсы и делали по ним лекала, шили широченные клеши (с «клиньями»), настолько узкие в бедрах, что в карман не помещались даже три копейки — стоимость билета на проезд в трамвае после денежной реформы 1961 года. Надевали джинсы выдохнув и только лежа, а перед этим намазывали ткань изнутри мылом.

О, незнакомец! Странный вид:
Ты без джинсы как инвалид!

Это из раннего Б. Гребенщикова. Многие и впрямь чувствовали себя как инвалиды, не имея возможности натянуть на себя настоящие, фирменные джинсы. Понятно, отсутствие в гардеробе джинсов отнюдь не делало молодого человека социально увечным, но страна, где джинсы являлись недоступной роскошью, пределом мечтаний и материальных возможностей, — это нездоровая страна, страна-инвалид. Справедливости ради скажу, что так думали тогда далеко не все — это сейчас так думается. Тогда многие *боялись* надеть джинсы из опасения быть подвергнутым социальному остракизму.

Сначала в продаже появились брюки, похожие на джинсы, чехословацкого производства; их называли «техасами». Потом все больше стало появляться фирменных джинсов — но не в магазинах.

В названиях фирм-изготовителей наши люди разобрались быстро и каждому дали свое имя: *Levi Strauss* превратился в «Леву Штрауса», *Wrangler* стал «Врангелем». В магазинах же первыми появились индийские джинсы «Милтонс»; прямо скажем, на любителя.

Женские джинсы появились позже мужских (наши женщины вообще долгое время не решались носить брюки). В Ленинграде пользовался популярностью «тертый»

деним (от французского de Nimes, т. е. «из Нима», города, в котором эту ткань изобрели), который редко появлялся в продаже. Модницы нашли выход: в новых джинсах они принимали горячие ванны (чтоб штаны «сели» по фигуре), а затем активно терли их пемзой.

«ДОМА-КОРАБЛИ». Так назывались дома серии 1-ЛГ-600, строившиеся в 1970-е годы в Ленинграде и его пригородах Автовским ДСК (домостроительным комбинатом) по переработанному ЛенНИИпроектом польскому проекту. Обычно «дома-корабли» строились высотой от 9 до 15 этажей, но поселок Кипень (в Ломоносовском районе, в 10 километрах от Красного Села) застроен пятиэтажными «кораблями» 434-й серии. Что интересно, «дома-корабли» строили не только под жилье, но и для «гашения» сильного морского ветра в прибрежных районах. В Ульянке и Сосновой Поляне встречаются «дома-корабли» с навесными утеплительными панелями.

Наиболее массовая серия 1970-х годов в Ленинграде — 600-я серия. «Кораблями» дома этой серии назвали за внешнее сходство с океанскими лайнерами: сплошные линии окон напоминают палубы. Кроме того, распространенным цветом окраски «домов-кораблей» стал белый.

В 1970—1980-х годах на базе 600-й серии создали более современные 602-ю и 606-ю серии. Дома 606-й серии строятся до сих пор.

В отличие от **хрущевок,** в «кораблях» есть лифт и мусоропровод, но, как и в хрущевках, плохая тепло- и звукоизоляция. В квартирах «домов-кораблей» кухни маленькие (около 6 кв. м). В поздних «домах-кораблях» кухни в трехкомнатных квартирах стали делать уже значительно бóльших размеров, памятуя о том, что ленинградцы всегда любили собираться на кухнях — и в блокаду, чтобы согреться, и в 1960-е годы, чтобы бардов послушать и о политике поговорить, и в последующие годы, чтобы телевизор посмотреть.

Е

«ЕВРОПЕЙСКАЯ» ГОСТИНИЦА. В первый год блокады Ленинграда в этой гостинице (ул. Бродского, ныне — Михайловская, 1/7) размещался эвакогоспиталь, потом ее законсервировали на несколько лет и уже в 1946 году снова открыли для гостей. Главным образом, из других городов СССР. И прежде всего для музыкантов, писателей, артистов.

Поздней осенью 1946 года в одном из номеров «Европейской» как-то раз живо шла карточная игра. В игре не задействована была лишь пишущая машинка. Композитор И. И. Дзержинский (в том году в Ленинграде состоялась премьера его музыкальной комедии «В зимнюю ночь») вышел из игры, подсел к машинке и, вообразив, будто это рояль, «сыграл постановление»:

«*Акт.*

Составлен настоящий акт в номере гостиницы „Европа", принадлежащем гражданину Фатьянову (поэт-песенник А. И. Фатьянов — „Вставай, страна огромная!", „Враги сожгли родную хату", „Соловьи" и др. — *И. Б.*), в том, что в данном номере была обнаружена азартная игра в азартную игру „девятка", причем установлено, что владелец номера затеял эту игру с целью увода или отъема наличных денег у участвующих в этом противозаконном деянии.

Гостиница «Европейская». Старая открытка

Присутствовали и принимали непосредственное и не по средствам участие следующие нарушители:

1. Супруга означенного шулера Фатьянова Галина (подросток) (Галина Николаевна. — *И. Б.*).
2. Представитель народов СССР Аванов (нацмен).
3. Жена Ивана Ивановича Дзержинского Женя (женщина).
4. Московский гость Коля (простодушный).
5. Айрапетянс (однополчанин, художник и историк, без денег).

На основании изложенного, руководствуясь советским законодательством, установлено, что Фатьянов занимался обманным грабежом не ответственных за свои поступки товарищей.

М.З. Швидлер

Единственный свидетель, могущий изобличить мошенничество комбинаций вышеуказанного Фатьянова, товарищ Дзержинский, бильярдист, был уложен спать, для чего, очевидно, ему было дано снотворное. О чем и составлен настоящий акт на предмет привлечения товарища Фатьянова к уголовной ответственности, что с него причитается»*.

Прошло четыре года без сколько-нибудь примечательных событий, и вот в «Европейской» произошла очередная история, которая, как и предыдущая, стала достоянием широкой общественности лишь спустя более чем полвека, т. е. уже в нынешнем тысячелетии.

В 1950 году знаменитая в то время украинская артистка-красавица Мальвина Зиновьевна Швидлер приехала на гастроли в Ленинград. Ей дали шикарный одноместный номер рядом с Яхонтовым — артистом эстрады, тоже остановившимся в «Европейской». Как Мальвина не без оснований думала, здесь не обошлось без участия знаменитого чтеца Владимира Яхонтова, родственника Хрущева, который не привык встречать на своем пути препятствия. Будучи директором театра, где служила Мальвина, он глаз с нее не спускал. Однако, опасаясь последствий («Мне ни к чему было охмурять зятя Хрущева», — думала актриса), она пригласила двух молодых актрис жить вместе с нею в номере. Швидлер вспоминала: «Он часто хватал меня за руку, как солдат, тащил к себе. Но сил у меня тогда хватало, и в номер к нему я не шла. Наконец он выпалил: „Мальвина, я к вам приду вечером". Я говорю: „Девочки будут дома". — „Сегодня девочки заняты. Ждите меня!" Зная его невероятную брезгливость, я намазала морду большим слоем крема,

---

* Я было не поверил в существование этого документа и попросил автора книги «Фатьянов» (М., 2004) писательницу из Минска Т. Н. Дашкевич подтвердить или опровергнуть этот факт. Вот что написала мне Татьяна Николаевна: «*„Акт" (напечатанный на машинке во время игры в карты) видела своими глазами, его мне показывала вдова Фатьянова, на пожелтевшей бумаге...*»

нацепила бигуди. Для общего вида надорвала ночную рубашку. И легла на стулья, на которых спала одна из девочек, приглашенных мной в номер. В условленное время раздался стук в дверь. Я услышала голос: „Мальвина, это я". Он вошел, увидел мой вид и остолбенел. Через паузу пробормотал: „Да..." Потом сказал: „Так я пойду?" — и удалился обескураженный».

Ленинградцы и думать не могли, что в стенах этой гостиницы происходят столь животрепещущие театральные постановки, не рассчитанные, правда, на зрительскую аудиторию. Их эта гостиница привлекала отнюдь не номерами, в которые жителей города и не пускали, так как все советские гостиницы существовали только для иностранных или иногородних гостей, а своими ресторанами.

Уже в конце 1940-х рестораны «Европейской» открылись для публики. Каждый вечер здесь звучала живая музыка. Мемуарист С. Беленький, курсант Высшего военно-морского инженерного училища им. Ф. Э. Дзержинского в Ленинграде (1946 г.), вспоминал: «На последних курсах училища моим основным и, пожалуй, единственным увлечением были танцы. Да, танцы. Думаю, что через это увлечение прошли все или почти все молодые люди. У меня, может быть, оно проявлялось сильнее, чем у других, в связи с тем, что я три года, — а в юности это огромный срок, — встречался с воспитанницей хореографического училища Ритой, моей первой любовью.

Повышенная стипендия и регулярная материальная помощь отца позволили мне выбрать в качестве постоянной танцплощадки зимний сад гостиницы „Европейская" на улице Бродского. Народу там бывало немного: входной билет стоил дорого — двадцать пять рублей, вдвоем, стало быть, пятьдесят. Сумма по тем временам немалая. Зато там было великолепно! Играл чудесный джаз-оркестр, да и публика выглядела приятно.

Однако самым большим наслаждением, или, как сейчас говорят, кайфом, был ужин после танцев в ресторане

второго этажа гостиницы. Я приходил туда часов в десять вечера, садился за постоянный столик у эстрады и заказывал всегда одно и то же: куриную котлету с зеленым горошком, рюмку „Старки" и кофе, который подавали на горящей спиртовке. Это выглядело романтично и стоило относительно недорого. Ресторан гостиницы „Европейская" не был излюбленным местом шумных компаний, веселых женщин, преуспевающих цеховиков и хулиганистых парней. Общество такого рода собиралось в те годы в „Метрополе", а в „Европейской" постоянным посетителем считался, например, Зяма Гердт — в то время артист кукольного театра Сергея Образцова, что был на улице Рубинштейна у Пяти углов. Поверьте, в те годы Зяма, светлая ему память, не был еще образцово-показательным Зиновием Гердтом — совестью своего поколения. Нет, он любил общаться с красивыми девушками и остроумными парнями. Часто за его столом я видел писателя Финна (К. Я. Финн, советский писатель, автор более 40 пьес. — *И. Б.*), Эльмара Грина, да и многих других, кого я, увы, уже и не вспомню. Ресторан посещала в основном интеллигентная публика, разбавленная большой долей морских офицеров.

Однако главной достопримечательностью этого ресторана был небольшой оркестр и его солистка Ольга Склауни. Она пела, как правило, романсы, танго и другие спокойные мелодии с четко выраженным танцевальным ритмом. Без преувеличения — все были влюблены в эту стройную, темноволосую, смуглую молодую женщину с чувственными губами и несколько крупноватым породистым носом. Я съедал свой ужин, выпивал свой кофе, прослушивал второе и третье отделение концерта и вполне успевал к 23.45 (к концу увольнения) в Адмиралтейство, где располагалось училище. Бегом по Невскому, с докладом дежурному офицеру — двадцать минут. Мне это место казалось земным раем...

...Когда в 1961 году, через двенадцать лет, после всех лагерей, ссылок, тяжелой работы и учебы я снова попал в

„Европейскую", никакого земного рая я там не обнаружил. Яркий свет, громкий, развязный смех, явное преобладание командированного люда и размалеванных девиц удивили и огорчили меня. Правда, посуда и столовые приборы оставались еще прежними, еще подавалась красная икра на подставках со льдом, еще встречались знакомые лица среди официантов и все еще к каждому гостю неизменно подходил метрдотель.

— Добрый вечер! Что-то вы нас давно не посещали. Служите? На каком флоте?

Метрдотель узнал меня. Я был не только обрадован, но и польщен. Нахлынули воспоминания юности.

— Что-то у вас стало как-то по-другому. Не так, как раньше. Проще, что ли... Нет того оркестра, нет Ольги Склауни. Люди другие. Шум. Яркий свет...

— Она у нас уже давно не поет. А что стало по-другому, то, думаю, вы не правы. У нас так было всегда. Просто вы изменились.

Я был обескуражен. Рушился мир моих грез и восхитительных воспоминаний, согревавших меня в самые лютые времена. Мой лагерный друг, петербуржец Саша Рафалович, в трудные минуты говаривал:

— Мы еще посидим в „Европейке", мы еще потанцуем с мировыми девочками!»

С 1960-х годов рестораны и кафе «Европейской» являлись — что бы там ни говорили — лучшими в Ленинграде. Взять ресторан «Европа»: вполне демократическое заведение, повидавшее на своем веку многих знаменитостей — от В. В. Маяковского до И. Ф. Стравинского, включая и безвестных ленинградцев, среди которых находились и мы, студенты Ленинградского университета конца 1960-х годов.

Писатель В. Г. Попов вспоминал о минувшем более чем тридцатилетней давности: «Мы все студенческие годы провели в «Европейской», со своей стипендией туда приходили, спокойно садились за стол. Мы там два раза в неделю бывали, и мы там были господа. Там такой шикарный модерн,

вазы, друзья-музыканты, Саша Колпашников — замечательный джазист того времени. Сливки Петербурга и должны быть в таком месте, как нам казалось... Поколение врожденных аристократов... Все в белых костюмах. Художники, бизнесмены...»

А. Колпашников, добавлю, снимался в фильме «Соломенная шляпка» и пользовался известностью. В состав его ансамбля входили кларнетист Геннадий Лахман и клавишник Владимир Лавров.

Насчет других ресторанов «Европейской» Попов заметил: «..Все знали, где найти себе подобных. Был такой узел, что, когда совсем уже денег нет, приходишь в ресторан „Восточный", там, где теперь „Садко", тебя сажают, поят из жалости. Я помню, сидит Симонов (Н. К. Симонов, актер. — *И. Б.*), который играл Петра Первого, обнимает двух женщин. А когда хочешь парада, надо идти в „Европейскую" (т. е. в ресторан „Европа". — *И. Б.*). Для легкого общения — „Крыша". Интерьер Лидваля — модерн, изогнутые линии. До сих пор любимая архитектура. В Смольном хочется как-то поджаться. А это именно русский стиль, архитектура вольности. Это нас тоже подогревало.

Куда потом все это поколение исчезло? Казалось, что мы уже пришли к победе, вот ощущение этих „европейских" вечеров. Все — талантливые, красивые, нашли свое место в жизни, посидим в „Европейской", утром пойдем делать открытия, писать романы... Другое дело, что экономически было неверно, что студенты могли ходить в рестораны... Кончилось все это в 70-е».

Для кого-то кончилось, а для кого-то только начиналось. На «Крыше» (триста мест летом, двести зимой) собирался цвет ленинградской интеллигенции, тогдашняя элита — художники, «технари», будущие писатели. Здесь часто видели будущего композитора Александра Колкера, знаменитых баскетболистов Кутузова, Мамонтова и Лившица (тогда весь Ленинград болел за баскетбольный «Спартак», так же,

как нынче весь Петербург болеет за футбольный «Зенит».). Юрий Ефимович Лившиц слыл плейбоем и королем питерской «золотой» молодежи. Закончив играть в баскетбол, Лившиц стал хорошим детским тренером, и я тоже обучался азам этой замечательной игры у такого известного в свое время человека, с которым (после того как закончил играть) не однажды дегустировал коньяк в одном из баров «Европейской».

Нужно сказать, что в «Европейской» не только бывали местные знаменитости, но и всегда останавливались спортсмены с мировой известностью. Вот история, которую недавно вспомнила заслуженный тренер СССР Т. А. Тарасова: «Для Джейн и Криса (Дж. Торвилл и К. Дин, англичане, олимпийские чемпионы в танцах на льду 1994 года. — *И. Б.*) мы заказали номера в дорогущей „Европейской", а сами жили в дешевой „Октябрьской", но, по-моему... тоже перебрались в „Европейскую", чтобы не опускать планку. Нам никто не оплачивал интуристовскую гостиницу, денег больших у нас с Овчинниковым (Ю. Овчинников, советский фигурист. — *И. Б.*) не водилось...

Они приехали в Ленинград в такой день, что смешнее не придумаешь. Прямо на первомайскую демонстрацию. А у меня из головы вон, что завтра демонстрация пойдет по Невскому проспекту. И только когда я утром-то вышла из гостиницы, до меня дошло, что весь центр оцеплен, что придется от „Европейской" на вокзал идти пешком, а главное, англичан придется встречать без машины!

На вокзал я бежала, расталкивая праздничные колонны трудящихся.

Из поезда они вышли какие-то маленькие, совсем не такие великие и гордые, какими я их знала много лет. С переводчицей... Приехали-то приехали, а выйти с вокзала — куда? Стоит оцепление — машины военные, милиция. И объясняют, что нужно ждать три-четыре часа, пока пройдет демонстрация. Но как же ждать три-четыре часа, когда ко мне приехали Торвилл и Дин!.. Я — к военным в

оцеплении. Прошу: „Пропустите нас, товарищ командир, пропустите, товарищ майор. Я — Тарасова Татьяна Анатольевна". А он отвечает: «В «Европейскую» можешь попасть только с демонстрацией».

...Мы пролезли под грузовиками оцепления, и олимпийские чемпионы, англичане Торвилл — Дин слились с первомайской демонстрацией ликующих трудящихся города-героя Ленинграда... Мы погрузили чемоданы в машину... а сами уже с одними сумками, где главная ценность любых фигуристов — коньки... прошли с колоннами до „Европейской". Хохотали до упаду, для них это все экзотика: идет толпа, песни поет, с красными флагами. Народ у нас, понятно, с утра выпивши, ну как же — праздник ведь. С цветами, с детьми на закорках...

Дошли до „Европейской", с трудом откололись от народа, потому что тяжело выйти из колонны, вокруг нее оцепление, людей не выпускают, поскольку они не совсем сами на демонстрацию от радости попали, а некоторым образом добровольно-принудительно. Поэтому, чтобы демонстранты не рассасывались до главного места — трибуны партии и правительства, на всякий случай оцепление и вдоль Невского стояло. Я опять: „Товарищ милиционер, пропустите, я — Тарасова Татьяна Анатольевна, вот со мной спортсмены, мы тут живем". Вынырнули из толпы».

Если вернуться к ресторанам, то огромной популярностью как у ленинградцев, так и у гостей города пользовался ресторан «Садко» (такое название в 1967 году получил ресторан «Восточный», открытый в 1946 году в числе первых ленинградских ресторанов послевоенного времени). В его центральном зале, рассчитанном на триста мест (а еще там были антресоли, банкетный и «красный» залы) и всегда переполненном, как мне казалось, царила по-советски чинная, если не сказать скованная атмосфера, которую создавали участники проводившихся там свадеб, юбилеев и прочих торжественных мероприятий. Слух собравшихся услаждал балалаечный оркестр, что являлось диковинкой и для

иностранцев, которых пускали в «Садко» без предварительной записи, и для ленинградцев. Где еще услышишь такое? По правую руку от входа в «Садко» находился более демократичный бар «Казимировка», получивший свое название от отчества одного из завсегдатаев. В бар «Пингвин» (располагался направо от главной лестницы, где теперь проход в кафе «Мезонин») заходили, чтобы выпить рюмку-другую коньяку, стаканчик великолепного сока манго и съесть бутерброд с тающей во рту рыбкой.

Вот еще цитата из воспоминаний В. Г. Попова: «Вот, например, такой сюжет я помню... Позвал я в гости Горина, Арканова и Розовского. Пошел на „Крышу" купить соку. И там сидел Аксенов Василий с Асей Пекуровской, такая была знаменитая красавица, бывшая жена Довлатова. В это время она жила с Васей Аксеновым. Пришли ко мне на Саперный, и на следующее утро снова оказались в „Европейской", то есть это был в полном смысле штаб, клуб, все что угодно».

Мы, тогдашние студенты, предпочитали ресторан «Европа», куда ходили часто и запросто, что «экономически», быть может, и «неверно», но весьма недурно. На пять-шесть рублей с копейками получали отличный ужин (университетская стипендия составляла в конце 1960-х годов 35 рублей) — взять, например, котлету по-киевски и бутылку красного шампанского или 150 граммов водки. Главная трудность заключалась для горожан в том, чтобы пройти в ресторан. Пускали в гостиницу не всех, поэтому стремившимися попасть в гостиницу предпринимались разного рода уловки и применялись всевозможные приемы, призванные обмануть бдительность швейцара, который — тоже ведь человек! — то отлучался, то закрывал на что-то глаза, то просто пропускал в ресторан, выслушав сбивчивое и нудное объяснение, которое он уже не раз слышал, то пожимал кому-то руку. Еще в гостиницу проходили через служебный вход со стороны площади Искусств; в обиходе он слыл «Свободной Европой».

Ресторан гостиницы «Европейская». 1980-е гг.

В 1963 году под Невским проспектом к улице Бродского сделали один из первых в Ленинграде подземных переходов, существующий до сих пор. Тогда этот переход назывался неофициально «конурой» или «теплой трубой». Вот еще кое-что из области тогдашних названий. Зал ресторана «Крыша», где собирались по вечерам музыканты филармонических оркестров и актеры близлежащих театров, именовался в кругу питерской интеллигенции «средним залом филармонии». В самом деле, географически «Европейская» расположена между Большим и Малым залами филармонии, и название «средний» отнюдь не говорит об уровне собиравшихся здесь музыкантов.

Известный писатель М. Веллер писал в рассказе «Танец с саблями»: «История советской музыки создавалась на пятом этаже гостиницы „Европейская", в буфете. Это — самый музыкальный буфет в мире. Филармония находится прямо напротив, через улицу, и музыканты забегали в этот буфет до репетиции, после репетиции, а иногда и вместо репетиции. Для большей беглости пальцев и бодрости духа. А также после концерта, перед концертом, и просто так, по

привычке. И свои, и заезжие — это стало почти как ритуал. Любая буфетчица с „Крыши" знала о музыкантской жизни города больше, чем директор Ленфилармонии или секретарь Союза композиторов. Музыкантов здесь знали, уважали и прощали им многие артистические выходки — творческие натуры... слава города! Здесь не спрашивали, что надо посетителям. Их считали по головам и наливали по сто коньяку, если до работы, а если после — то по сто пятьдесят. А сто граммов коньяка стоили в те времена рубль».

Среди постояльцев гостиницы встречались музыканты мировой величины. Не раз в «Европейской» останавливался М. Л. Ростропович. Один из его ранних приездов в Ленинград запомнился маэстро надолго. Узнав 2 августа 1959 года, что Д. Д. Шостакович закончил в Комарове Первый виолончельный концерт, Ростропович из Москвы примчался к Шостаковичу. Тот, сыграв ему на фортепиано концерт, спросил: «Слава, скажите честно, нравится вам эта музыка?» И, услышав восторженный ответ, добавил: «Слава богу. Значит, я могу вписать вам посвящение». Взяв партитуру, Ростропович в тот же день начал ее разучивание в номере гостиницы «Европейская», в котором он жил. 21 сентября в Москве в Доме композиторов состоялось официальное прослушивание. А премьера первого виолончельного концерта состоялась в Ленинграде с оркестром Ленинградской филармонии под управлением Е. А. Мравинского.

Но и в стенах «Европейской», если повезет, слушали музыку знаменитостей в живом исполнении. Ровно тридцать лет назад, в октябре 1977 года, я, оказавшись в «Европейской» гостинице, стал свидетелем поистине выдающегося события. Перед самым закрытием ресторана «Европа», около половины двенадцатого (в полночь ресторан закрывался), в него зашел гастролировавший тогда в Ленинграде Элтон Джон. Состоялось первое в истории выступление западной рок-звезды в СССР (он выступал в тот день в зале «Октябрьский», где я тоже присутствовал, заплатив за билет 100 рублей). Войдя в ресторан, Элтон Джон направился

прямо к сцене и, поднявшись на нее, уселся за рояль. Около часа он играл свои всемирно известные композиции. Публика поднялась со своих мест и окружила сцену. Никто не аплодировал, не кричал, не свистел — боялись, придет милиция и разгонит собравшихся. Накануне Элтон Джон дал еще один концерт в «Европейской» — для сотрудников гостиницы. В ресторане «Крыша» он исполнил несколько своих композиций.

В «Европейской» гостинице не раз останавливался В. Высоцкий. М. Влади писала в своих воспоминаниях: «В холле гостиницы „Европейская" в Ленинграде возвышается расшитый золотом портье. Всюду — остатки былой роскоши: красные ковры, хрустальные люстры, бронза, изуродованная электрическими лампочками, рассеивающими желтоватый свет. И, к сожалению, по всей гостинице — неоны, ослепляющие и мрачные, режут глаз на фоне остального великолепия. В довершение картины то здесь, то там попадается чуть ли не кухонная мебель с пластиковым покрытием. Зато вдруг увидишь иногда какое-нибудь очень красивое трюмо, обычно — в стиле ампир, дающее представление о том, что представляла собой эта гостиница в свое время. Мы с удовольствием останавливаемся здесь. В гостинице хорошая кухня, и потом она очень удачно расположена: в самом центре города...»

Имя Высоцкого осталось в истории «Европейской» и в связи со следующим происшествием: однажды актриса Людмила Абрамова отдала у входа в гостиницу фамильный золотой перстень с аметистом незнакомому молодому человеку, попросившему у нее до утра денег. Так она познакомилась с Владимиром Высоцким, вскоре ставшим ее мужем. Вот как об этом случае рассказывала сама Абрамова: «Поздно вечером я поехала в гостиницу, ребята меня провожали. У каждого оставалось по три копейки, чтобы успеть до развода мостов доехать на трамвае на ту сторону Невы. А я, уже буквально без единой копейки, подошла к гостинице — и встретила Володю.

Я его не знала в лицо, не знала, что он актер. Увидела перед собой выпившего человека. И пока я думала, как обойти его стороной, он попросил у меня денег. У Володи была ссадина на голове, и, несмотря на холодный дождливый ленинградский вечер, он был в расстегнутой рубашке с оторванными пуговицами. Я как-то сразу поняла, что этому человеку надо помочь. Попросила денег у администратора — та отказала. Потом обошла несколько знакомых, которые жили в гостинице, — безрезультатно». И тогда Людмила Владимировна сняла с руки золотой перстень с аметистом — фамильный, старинный, доставшийся по наследству от бабушки, — и отдала совершенно незнакомому человеку. Оказалось, что с Высоцким произошла неприятная история в ресторане — возник скандал, он разбил посуду. Ему грозили вызовом милиции, выселением из гостиницы и даже жалобой на «Ленфильм». Он отнес перстень в ресторан с условием, что утром его выкупит, после чего поднялся в номер к Людмиле Владимировне, где они, собственно, и познакомились.

Когда Высоцкий снимался в фильме И. Е. Хейфица «Плохой хороший человек» (1971 г.), он снова жил в «Европейской». Обеды для одной из сцен этого фильма привозились тогда из ресторана гостиницы. По воспоминаниям Е. М. Татарского, «не просто какой-нибудь супчонок из ленфильмовской столовки — а из „Европейской". Все это актеры действительно ели — вкусный, хорошо приготовленный „исходящий реквизит". К тому же поварам говорилось: „Ребята, вы уж постарайтесь — это для Высоцкого, Папанова (А. Д. Папанов, актер. — *И. Б.*), Даля (О. И. Даль, актер. — *И. Б.*)". И ребята, конечно, старались. Приезжал официант, накрывал стол, сервировал, чтобы все было «как надо».

«Европейская», по воспоминаниям В. Г. Попова, значилась «заведением... важным в литературной жизни» Ленинграда: «Недавно журналистка спросила меня: „И вас пускали туда?" А как же! Я истратил там свой первый гонорар — сорок рублей за маленький детский рассказ.

И как истратил! Был взят отдельный кабинет в бельэтаже над большим залом, там, где летит на витраже Аполлон на тройке по розовым облакам. Были Андрей Битов, будущий русский классик, Миша Петров, будущий дважды лауреат Госпремии в области физики — и пять манекенщиц. И нам хватило денег! Счастье поколения шестидесятников в том, что мы застали уникальную эпоху, которая не повторится больше никогда: полная свобода духа неотразимо сочеталась тогда с тоталитарной жесткостью цен, и мы могли — тогда еще могли — эту свободу духа как следует отметить».

Это эпизод из литературной жизни Ленинграда, а вот эпизод из жизни музыкальной. Еще один мемуарист, Г. Поляк, рассказал такую историю: «...мне довелось познакомиться с Александром Николаевичем Вертинским. Мы даже жили с ним рядом в соседних номерах, в гостинице „Европейская", в Ленинграде, месяца полтора. Я работал тогда на киностудии „Ленфильм", делал сценарий, а у Вертинского были концерты. Он выступал в саду „Аквариум". И вот по вечерам, после концерта, он входил со своим стаканом чая. Он неизменно носил свой стакан чая с лимоном, садился и говорил мне: „Ну, давайте. Читайте стихи". Я читал ему Мандельштама, Пастернака, Заболоцкого, Сельвинского, Ахматову, Хармса. Читал совсем ему уже не известных даже по именам Бориса Корнилова и Павла Васильева, читал все то, что он, долгие годы оторванный от России, не мог знать. Он был не только исполнителем, не только замечательным мастером, он был поразительным слушателем...

У меня с ним был еще один забавный вечер. Мы решили не сидеть в номере, а пойти поужинать в „Европейскую". Летом ресторан работает на крыше, и туда ходят с удовольствием ленинградцы. Я не знаю, как сейчас, но в мое время, — я уже говорю, „в мое время", как говорят старики, — так вот в мое время это было довольно любимым местом ленинградцев. И вот мы пошли с Александром Николаевичем поужинать. Мы сидели вдвоем за столиком, и вдруг к нам подбежала какая-то необыкновенно восторженная, сильно

в годах уже дама, сказала: „Боже мой, Александр Николаевич Вертинский!" Он встал, я, естественно, встал следом за ним (он был человеком чрезвычайно воспитанным и галантным) и сказал: „Ради бога, прошу вас, садитесь к нам". Она сказала: „Нет, нет, там у нас большая компания, просто я увидела вас. Я была, конечно, на вашем концерте, но я не рискнула зайти к вам за кулисы, а здесь я воспользовалась таким радостным случаем и просто хотела сказать вам, как мы счастливы, что вы вернулись на родину"».

А вот эпизод и из театральной жизни «Европейской», по воспоминаниям Льва Додина: «Его (О. Н. Ефремова. — *И. Б.*) способность быть органичным и благородным в самых невероятных обстоятельствах удивительна. Я позволю себе одно воспоминание, если оно покажется лишним, пусть его изымут. В Ленинграде начались гастроли „Современника", и Зиновий Яковлевич Корогодский говорит: „Звонил Олег Николаевич и приглашал к себе. Пойдем?" Я, конечно, согласился. И мы втроем, пригласив еще Веню Фильштинского (В. М. Фильштинский, режиссер. — *И. Б.*), пошли в гостиницу „Европейская", в которой я никогда не был. Пришли в роскошную по тем временам гостиницу, в шикарный номер, где были большие, белые с золотом залы, гостиная. Встретила нас в вечернем платье Алла Покровская (А. Б. Покровская, народная артистка России. — *И. Б.*), которую я боготворил как актрису. И простит меня Алла, дверь в следующую комнату, видимо, спальню, была открыта, и там на большой белой, императорского стиля кровати сидел в длинных семейных черных трусах Ефремов. Вероятно, он чуть-чуть больше, чем надо, уже выпил. Не голый король, а голый Ефремов. Эта пара: она — в вечернем туалете и он — в домашних трусах, конечно, меня поразила. Я потерял дар речи, старался смотреть на Аллу в вечернем платье, но глаз тянулся к Ефремову в домашних трусах. Надо отдать должное Покровской, она вела себя королевой, будто там, на кровати, сидел сам Людовик в камзоле. Начался разговор, вела его Покровская, Ефремов подавал реплики,

вначале односложные. А потом, видимо, хмель стал отходить, и Олег Николаевич вышел, как ни в чем не бывало, в тех же домашних трусах в гостиную, стал прохаживаться, потом уселся в кресло, снова стал ходить — и возник интереснейший в моей жизни разговор о театре, о системе Станиславского, о современном состоянии государства. Я просто забыл, что он в трусах, что не вполне был трезв, что я смущен. Увлекательный разговор перешел в полноценный, вкусный и трезвый со стороны Ефремова ужин. Никто не рискнул подсказать, чтобы он оделся, а он сам словно забыл это сделать. Ему было хорошо, и нам с ним было хорошо. Поверьте, в этом не чувствовалось ни грамма унижения и небрежения к нам».

Знаменитые артисты жили в «Европейской» всегда, и всегда с ними что-то здесь происходило, что навевало на них потом разного рода воспоминания о пребывании в этой ленинградской гостинице. Именно в «Европейской» приходилось искать актера, который вдруг перестал ходить на репетиции, — слишком уж много тут было соблазнов, и кулинарных, и по женской части. Так случилось однажды с Павлом Луспекаевым, который три дня подряд пропускал репетиции. Т. А. Товстоногов велел навести справки, не объявился ли часом в Ленинграде закадычный друг Луспекаева Евгений Весник. Оказалось, что Луспекаев простонапросто влюбился в гастролировавшую тогда в Ленинграде А. Д. Ларионову. Она еще несколькими годами раньше сразила его, начинающего актера, своей красотой в Тбилиси, когда приезжала туда на гастроли. Но пришли другие времена, и Павел взял да и завалился к избраннице в гостиницу «Европейская» и не выходил из ее номера целых три дня. Кому-то из знакомых Луспекаев потом рассказал: «Я по сто раз перецеловал каждый пальчик на ее ногах».

Это далеко не единственная история любви, приключившаяся в стенах «Европейской». Вот еще одна, не менее впечатляющая: однажды народный артист СССР и режиссер В. Басов отважился на решительный шаг. В один из

дней он накрыл роскошный стол в номере гостиницы «Европейская» и пригласил туда артистку В. А. Титову и всех ее однокурсников. Во время застолья он произнес тост и официально попросил руки у своей возлюбленной. Все это так растрогало собравшихся, что друзья посоветовали Титовой не отказываться от этого предложения, все-таки не кто-нибудь — известный режиссер! И она согласилась. Да и могла ли она поступить иначе, если к тому времени уже была беременна?

Н. Бурляеву запомнилась другая сцена из его пребывания в «Европейской»: «В 1963 году на гастролях театра (им. Моссовета. — *И. Б.*) в Ленинграде все актеры жили в роскошной гостинице „Европейская". Причем мы с Николаем Дмитриевичем (Н. М. Мордвиновым, народным артистом СССР. — *И. Б.*) располагались на одном этаже и часто могли видеться на завтраке в буфете. Помню, я до костей продрог, прокатившись в промозглую майскую ленинградскую погоду в одной курточке на мотороллере до Гатчины и обратно. Увидев меня, посиневшего, в буфете и узнав, в чем дело, он купил мне, бедному артисту, 50 граммов коньяку и приказал выпить».

В эту гостиницу мы, студенты 1960-х годов, ходили не только затем, чтобы выпить 50 граммов коньяку «с мороза», а еще и потому, что здесь была доступная (хотя за пределами отеля и неразрекламированная) и вполне приличная сауна (3 рубля за одного человека), куда можно было заказать из ресторана «Европа», например, цыпленка-табака за 2 рубля 50 копеек или чешское пиво, которого в магазины города не завозили. Направо от входа в 1970—1980-е годы располагалось отличное кафе с превосходным кофе и пирожными. Правда, приходилось выстаивать приличную очередь. Кроме того, нам, студентам филологического факультета ЛГУ, удавалось здесь купить газету на английском языке — англоязычные газеты продавались только в «Европейской», сначала в киоске внутри гостиницы, а с конца 1970-х — в киоске на углу улицы Бродского и Невского проспекта.

Еще «Европейская» славилась потрясающей дореволюционной библиотекой — с полным Брокгаузом и Ефроном, полным комплектом «Столицы и усадьбы», «Живописной России» и со многими другими раритетами, названий которых уже и не помню. Эта библиотека занимала два помещения со сводчатыми потолками со стороны улицы Ракова (ныне — Итальянской). Библиотека сгинула после закрытия гостиницы на ремонт 5 января 1989 года, но благодарные читатели, среди которых и автор этой книги, с удовольствием ее вспоминают.

Предметы, украшавшие интерьеры гостиницы, не однажды становились объектами внимания нечистых помыслом граждан, и нередко иностранных. Так, в 1966 году, в самый разгар времен «железного занавеса», два американских военных летчика, завершив службу в Западной Германии, решили перед отъездом домой попутешествовать. Купили в Бонне «фольксваген» и отправились в путешествие по Европе. После посещения Финляндии прибыли в Ленинград и остановились в гостинице «Европейская». Один из офицеров оказался бакалавром искусства, другой — бакалавром по журналистике, т. е. оба — люди любознательные. Поселившись в гостиничном номере, стилизованном под охотничий домик, они приметили на камине полуметровую фигуру чугунного медведя. Недолго думая, бакалавры завернули статуэтку в «Ленинградскую правду» и уложили в багажник «фольксвагена», где ему предстояло пересечь советско-финскую границу. Однако в Выборге воришкам попался не менее любознательный таможенник, которого насторожил инвентарный номер, выведенный белой масляной краской на спине литой фигурки. Американцев судили, медведь благополучно вернулся в гостиницу.

В «Европейской» второй половины минувшего столетия обращали на себя внимание гостей не только предметы антиквариата, но и живые твари. Польский режиссер Эрвин Аксер, живший в «Европейской» весной 1978 года, как-то (29 марта), рассказывая артистке БДТ З. М. Шарко о том,

какой у него уютный и красивый номер, добавил, что в ванной бегают «*милые желтенькие тараканы*». Заметив, что Зинаида Максимовна поежилась (ага! боится тараканов!), Аксер продолжил рассказ, уже обращаясь только к ней:

«— Они есть, но их опыляют. Два дня их нету. Но личинки остаются. Личинки там есть. Два дня прошло, они появляются, такие маленькие, такие миленькие, такие хорошенькие...»

Композитор Никита Богословский, человек с большим чувством юмора, вспоминал такую забавную историю: «Я жил в Ленинграде в „Европейской" гостинице и работал над музыкой к кинофильму „Разные судьбы". И из Москвы приехал поэт, Бахнов Владик. И я ему сказал: „Давайте, Владик, Вы на два дня приехали. У меня большой номер, поселитесь у меня". И потом он мне рассказывал такую историю. Что, значит, я пошел по каким-то делам, он оставался в номере. В это время горничная убирала номер. А он заиграл на пианино „Цыганочку", единственное, что он знал. Поскольку он был не музыкант совершенно. И горничная тогда сказала: „Хорошо играете. Хоть хорошую музыку послушаешь. А это б..." И махнула рукой».

«Европейская» гостиница давно уже не та, что прежде. Нынче она не принадлежит к числу мест, куда зайдет простой петербуржец, чтобы провести вечер в дружеском кругу, тем более студент. Теперь у нее и название другое — Гранд Отель «Европа» (иностранному уху так приятнее*,

---

* Вообще я до какого-то времени думал, что склонностью к переименованиям страдают только большевики. Но нет — командировочные предприниматели из-за границы, люди поголовно несведущие по части русской истории, просто обожают переозвучивать все на свой лад. А ведь в истории Петербурга немало классических примеров сохранения исторических названий; приведу лишь два. В 1882 году умер основатель знаменитой кондитерской фабрики Г. М. Ландрин. В начале 1890-х годов вдова вышла замуж за В. А. Максимовича и взяла его фамилию, но фамилия ее покойного мужа в названии

и гостиница является звеном в цепи международной сети отелей, она утратила свою уникальность и свободу, будучи повенчана пятью звездами с другими отелями, с которыми у нее нет ничего общего. Она вся обставлена самоварами (в номерах даже настольные лампы сделаны из самоваров), стены увешаны разномастными картинами, сменяющие друг друга немецкие управляющие по-русски говорят куда хуже, чем даже Амалия Людвиговна Липпевехзель из «Преступления и наказания», хотя, как и она, подолгу живут в России.

Я написал несколько книг по истории гостиницы, две из них изданы в Вене, а с третьего издания австрийский издатель взял и убрал, меня не спрашивая, мою фамилию (стоявшую на двух предыдущих) и поставил свою. В Гранд Отеле «Европа» теперь другие нравы, другие герои, другие постояльцы, другая атмосфера. А ресторан «Садко» («Восточный»), бывший одной из достопримечательностей Ленинграда в продолжение нескольких десятков лет, в 2007 году прекратил существование: теперь в его помещении торгуют одеждой.

Весной 2007 года я встретился в изменившемся до неузнаваемости отеле со старейшим постояльцем гостиницы Э. А. Рязановым. Впервые Эльдар Александрович поселился здесь в 1956 году, т. е. полвека назад! Знаменитый режиссер

предприятия осталась: «Шоколадная фабрика фирмы „Ландрин"». В 1886 году скончался знаменитый петербургский ресторатор К. П. Палкин. Его ресторан на Невском пр., 47, взял в аренду купец 1-й гильдии, владелец бакалейных магазинов, ресторанов и гостиниц В. И. Соловьев и сумел приумножить славу заведения. При этом новый хозяин, владевший рестораном «Палкинъ» до 1917 года, благоразумно сохранил историческое название, или, говоря современным языком, «бренд». «Европейская» гостиница, в которой останавливались И. С. Тургенев и П. И. Чайковский, благополучно существовала под своим названием более века, пока с молчаливого согласия городских властей не произошло ее переименование. Ни Тургенев, ни Чайковский в Гранд Отеле «Европа» не жили.

рассказал мне, что побывал в «Европейской» в 1947 году, когда в гостинице жил Г. М. Козинцев. В 1956 году в Доме кино, недалеко от «Европейской», прошла премьера фильма «Карнавальная ночь». Рязанов жил тогда в этой гостинице и с тех пор останавливался в ней почти в каждый свой приезд в Ленинград, а потом и в Петербург.

Не знаю, много ли на свете гостиниц, которые могут похвастаться таким постоянным постояльцем. Неуверен, что в мире есть другие гостиницы, у которых столь же богатая история. Я рассказал лишь несколько эпизодов из ее более чем столетней биографии, вот еще один. Как рассказывал мне Э. А. Рязанов, будущая актриса Мария Миронова (дочь А. А. Миронова) появилась на свет во время съемок «Невероятных приключений итальянцев в России». Когда Андрею Миронову, находившемуся в то время в Ленинграде, сообщили о рождении дочери, он ужинал в ресторане «Садко» гостиницы «Европейская». От счастья молодой отец тогда чуть не съел бутафорскую загипсованную ногу Евгения Евстигнеева.

Кому-то — наверняка тому, кто не знаком с историей «Европейской», полной событий, легенд и разного рода происшествий, — пришло в голову превратить старейшую гостиницу Ленинграда—Петрограда—Петербурга в молодящуюся неприветливую барышню, не помнящую родства, которую петербуржцу хочется обойти стороной.

Гранд Отель «Европа» — стационар закрытого типа. Гостиницу «Европейская» все помнят как гостеприимный дом, в котором прекрасно себя чувствовали и люди, и легенды.

Кто бывал и в той гостинице, и в этой, меня поймет.

Ж, З

ЖИВОПЫРКА. Так в Ленинграде называли места или заведения общепита: чайные, столовые, клубы, где постоянно толкался народ, стоял шум, возникали скандалы. В книге И. Грековой «На испытаниях» (1967 г.) читаем: «Пока не достроен Дом офицеров (речь не о ленинградском Доме офицеров. — *И. Б.*), — а, судя по замыслу, это будет дворец, — я вынужден кормить вас в предприятии общественного питания, которое лучше всего характеризуется русским термином „живопырка"».

Когда ленинградцы стали получать (или покупать) квартиры в хрущобах, некоторые однокомнатные квартиры по причине их небольших размеров, да еще с маленькими **«гаванами»,** стали называть «живопырками».

В наши дни «живопыркой» называют компанию или фирму для прогона денежных средств, или подставную компанию. И правильно делают! Слово хорошее, испытанное, звучит красиво, жаль бросать. Уверен — оно пригодится в будущем.

ЗАКУСОН. То, чем закусывали (да и закусывают до сих пор) выпивку, называли закусоном или закусью. Закусон — частый спутник выпивки, но вовсе не обязательный; нередки ситуации, когда выпивка есть, а закусона в силу каких-то

причин нет, тогда — если напиток крепкий (водка, коньяк, разбавленный спирт) — обходятся и **запивкой,** когда же пьют вино, то и запивка не нужна.

Качество, количество закусона в полной мере зависит от экономического состояния страны, от времени года (летом можно закусить огурцом, зимой — колбасой), от платежеспособности выпивающих. А в последней трети минувшего столетия наличие закусона зависело еще и от того, есть ли поблизости продуктовый магазин, нет ли длинной очереди (стоять в которой выпивающие никогда не любили) и — главное — имеется ли там что-нибудь на закусь? Гражданам выпивающим приходилось брать в расчет, что к концу дня колбасы могло уже и не быть, но в магазинах почти всегда оставались плавленые сырки или бычки в томате. До самого закрытия магазина на прилавке держался студень, иронически прозванный «Барсиком». Отличная, между прочим, закусь. (Еще его называли «собачьей радостью».)

В незабвенные 1960—1970-е годы, если обряд распития спиртных напитков совершался в **парадняке** или в сквере (самых популярных для этих целей местах), в качестве закусона обыкновенно выставлялись хлеб, плавленые сырки, вареные яйца, сыр (редко) или колбаса, взятые утром на работу, но так и не съеденные в обеденный перерыв ввиду предстоящего вечернего «застолья» (или в расчете на него), конфеты, печенье. Иногда закусон покупали в магазине — это все те же хлеб или колбаса, которую в последней трети минувшего тысячелетия в СССР не продавали в нарезке, но продавщица в редких случаях ее неохотно резала, поддавшись настоятельным просьбам покупателей; хлеба в нарезке в СССР не продавали, приходилось резать его перочинным ножом или ломать.

В 1960-е годы в качестве закусона нередко выступала обмотанная бумажной веревкой треска горячего копчения, которая почему-то бесперебойно продавалась во всех продовольственных магазинах и пользовалась спросом преимущественно у любителей выпить. Семидесятые годы

наверняка запомнились кому-то изобилием скумбрии и ставриды.

В советское время мало кто из мужчин ходил с сумками на плече (тем более с дамскими сумочками, именуемыми непонятным словом «барсетки»), поэтому снедь доставлялась к месту распития в карманах или в чемоданчиках (очень модны в 1950—1960-е годы), реже — в портфелях, с которыми в 1970-е годы ходили многие сотрудники НИИ (научно-исследовательских институтов), студенты, преподаватели, работники исполкомов, военкоматов и разного рода комитетов и служб. В этих же 1970-х годах появились первые «дипломаты», в которых носили и закусон, и выпивку, и стаканы, и открывашки, и перочинные ножи, и даже бумажные салфетки; в хорошем «дипломате» помещалось ровно 5 бутылок шампанского, в плохом — 5 **«мальков»**. Закусон раскладывали на прихваченной для этой цели газете; по окончании трапезы остатки пищи (скорлупа и пр.) заворачивали в ту же газету и выбрасывали в урну или на помойку вместе с бутылками, которые использовали в качестве пепельниц после опорожнения, а не бросали себе под ноги, что — хотите верьте, хотите нет — почиталось неприличным (не всегда, разумеется, но в подавляющем большинстве случаев). Эта традиция не гадить повсеместно и убирать за собой давно утрачена, и нынче *принято* оставлять, например, банку пива там, где она выпита, вместе с упаковкой из-под чипсов (нынешний стандартный и весьма, по-моему, примитивный вариант закусона), причем так поступают представители обоего пола, решившие провести досуг в сквере или в парадняке, а заодно выпить и закусить, оставив о себе хоть какую-то память.

Закусоном называли (и называют) и накрытый по какому-нибудь случаю стол, отсюда выражение «соорудить закусь» (или «накрыть поляну»). Нередко можно было услышать: *«Вчера в гостях был... Закусон был отличный, выпивка — что надо...»*

ЗАПИВКА. Так (или еще запивон) называлась любая безалкогольная жидкость, которой запивали крепкие напитки. Готовясь к выпивке в **парадняке** или в городском саду, вместе с бутылкой покупали и что-нибудь на запивку — лимонад, крем-соду, минеральную воду («Полюстрово» или, реже, «Нарзан»; «Боржоми» и другие в продажу не поступали). Запивкой запасались и если уже был **закусон**. Бытовало выражение: «А что на запивку возьмем?» В редких случаях, если выпивка происходила в парадняке, звонили в дверь, просили стакан воды, и сердобольные жильцы, бывало, не отказывали в просьбе, хотя и знали, для каких целей нужна эта вода. Даже в ленинградских рюмочных стоял графин с водой из-под крана, которую желающие наливали себе, чтобы запивать ею водку.

Запивку ставили на стол и когда приглашали гостей на день рождения или другие праздники к себе домой. Обычно это самостоятельно приготовленный клюквенный морс, разлитый по стеклянным кувшинам. Соков в советское время в упаковке не продавалось (был томатный сок в трехлитровых банках), **квас** продавали почти исключительно в розлив (но, правда, весьма редко, появлялся и в бутылках), поэтому эти напитки в качестве запивки практически не употреблялись, зато многие запивали водку пивом, справедливо полагая, что водка без пива — деньги на ветер. Эта точка зрения распространена среди знающих людей и ныне.

Неплохой запивкой считалась газировка, но автоматы с газированной водой были не везде, во всяком случае не там, где выпивали. Поэтому сначала выпивали, скажем, в сквере, а потом шли пропустить по стаканчику газировки: три копейки с сиропом, одна копейка — без. В каждом автомате стоял один стеклянный граненый стакан, который нередко «одалживали» любители выпить и — удивительное дело! — часто возвращали его потом на место. Точно так же в лесной избушке оставляют консервы, спички и пр. для тех, кому это может понадобиться в дальнейшем.

Автоматы с газированной водой. 1980-е гг.

В редких случаях раньше употреблялось слово «запивало» («Есть какое-нибудь запивало?»), но по распространенности оно куда как уступало постоянно востребованному слову «запивка».

«ЗЕНИТ». Чемпион России — гордость Петербурга 2007 года. В 1960-е годы и в последующее десятилетие «Зенит» в стране не котировался высоко, хотя в Ленинграде на некоторые матчи и собиралось по сто тысяч зрителей на стадионе им. С. М. Кирова (имело своих преданных болельщиков и «Динамо»). Лучших игроков, таких как Г. Еврюжихин, В. Казаченок*, переманивали в московские команды, и казалось, что обескровленный «Зенит» — лишь один из участников чемпионата СССР, не претендующий на лавры победителя, и существует лишь затем, чтобы раздавать очки командам из Москвы, Киева или Тбилиси. Правда, Данилов

* Это про него несколько десятилетий назад хором выкрикивали с трибун: *«Кто пенальти бьет с пеленок? / Это Вова Казаченок»*.

тогда в составе «Зенита» провел 400 матчей — этот рекорд при нынешней миграции футболистов превзойти уже вряд ли кому-то удастся. Его как-то спросили, почему он не переходит в киевское «Динамо», и он отвечал: «Да неудобно как-то перед людьми, которые меня сюда приглашали». Льва Бурчалкина (прозвище — Выручалкин) знали как одного из тех, на кого ходят на стадион. С 1957 по 1972 год не проходило ни одного сезона, чтобы он не забивал мяча в ворота противника, а всего он забил в чемпионатах страны 78 голов, и по сей день оставаясь рекордсменом команды.

В 1984 году «Зенит» вдруг стал чемпионом СССР, не имея в составе ни Бурчалкина, ни одного иностранца, — да что там! — всего лишь, может, пару иногородних футболистов!

На меня той, «золотой» осенью 1984 года снизошло вдохновение. Я тогда написал стихи, которые не взялась опубликовать ни одна ленинградская газета, хотя я и сотрудничал во всех. Беру на себя смелость представить на суд болельщиков со стажем эти вирши, основное достоинство коих состоит в том, что в них перечислены едва ли не все игроки победного состава «Зенита». При этом торжественно заявляю, что стихов я больше никогда не писал, не пишу и писать не буду!

Газон уж снегом запорошен,
Но переполнен стадион.
С мячом полузащитник Брошин,
Ведет «Зенит» в атаку он.

Мяч получает Ларионов
У самой линии штрафной.
Удар! — увесистый, коронный —
Любимой правою ногой.

Давыдов, Золин, Веденеев,
Клементьев, Игорь Комаров,
Степанов, Гена Тимофеев,
А. Афанасьев, Б. Чухлов,

С. Дмитриев, В. Долгополов,
Герасимов, Баранник Д.
Бьют с разворота, с углового...
Соперник что-то не в себе.

Но вот штрафной. Гудят трибуны.
К мячу подходит Желудков.
Такой удар сей мир подлунный
Не видел испокон веков.

Пенальти в сторону «Зенита».
Встает в ворота Бирюков.
Бьет форвард жутко именитый.
Но... Бирюков есть Бирюков!

21 октября 1984 года

И

«ИНТУРИСТ». Организацию по обслуживанию иностранных туристов создали по решению Совета труда и обороны 11 апреля 1929 года. Сначала она называлась Государственным акционерным обществом по иностранному туризму. 7 февраля 1933 года Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР принял Постановление об объединении Государственного акционерного общества по иностранному туризму со Всесоюзным обществом «Отель». Созданная организация получила наименование «Всесоюзное акционерное общество (ВАО) по иностранному туризму в Союзе ССР — Интурист». В соответствии с этим постановлением Всесоюзному акционерному обществу «Интурист» передали ленинградские гостиницы **«Европейскую»** и **«Асторию»**; потом к ним присоединились гостиницы «Ленинград», «Москва», «Прибалтийская».

Чиновники ленинградского отделения (ЛО) «Интуриста», расплодившись, в 1970—1980-е годы занимали помещения здания бывшего посольства Германии (Исаакиевская пл., 11/Большая Морская ул., 41), построенного в одно время с гостиницей «Астория», находящейся напротив. До этого чиновники умещались в двух комнатах в гостинице «Европейская» (со стороны улицы Ракова, нынешней Итальянской).

Первый заезд иностранных туристов по линии «Интуриста» состоялся в Ленинграде в 1956 году. Все иностранцы селились исключительно в гостиницах «Интуриста». Если какая-либо ленинградская организация ожидала гостя из-за рубежа, то писалось письмо в отдел размещения «Интуриста» с указанием сроков и цели пребывания гостя, и если в какой-либо гостинице имелись места, то на письме ставили «визу» для бюро приема гостиницы — «расселить такого-то с такого-то по такое-то число». Продлить пребывание гостя было, как правило, делом нереальным, поскольку и мест в гостиницах не хватало, и могли начаться проблемы с визой.

Пик активной деятельности «Интуриста», который пекся о том, чтобы иностранным гражданам, желающим посетить СССР в составе организованной группы или в одиночку, все понравилось и они чувствовали бы себя так же, как дома, пришелся на конец 1970-х годов. «Интурист» подавлял иностранца своей назойливостью и отсутствием выбора. Он брал на себя заботу обо всех перемещениях гостя по стране (иначе говоря, следил за ним), только через «Интурист» гость мог покупать билеты в театр или на самолет, только в гостинице «Интуриста» заказывались и оплачивались услуги гидов и шоферов, все завтраки, обеды и ужины, а если человек решил поесть не в ресторане гостиницы «Интуриста», значит, он попросту выбросил деньги, уже заплаченные за еду в гостинице.

Тогда, в 1970-е годы, в стране началось строительство мотелей и «интуристовских» гостиниц, а русский язык пополнила фраза «завтрак интуриста» — в пику консервам, которыми питались в походах наши туристы («Завтрак туриста» — смесь непонятно чего с чем, и даже выпивающие не покупали этот «завтрак» в качестве закусона в сквере), и слыхом не слыхивавшие о разных там кемпингах.

Если иноземный путешественник приезжал к нам в кемпере — доме на колесах, — то мог остановиться в кемпинге. В Ленинграде имелся комфортабельный кемпинг

«Ольгино», где кемпер ставили на охраняемую стоянку и тут же подключали его к электричеству, воде и начинали готовить пищу из качественных продуктов, купленных за валюту в магазине **«Березка»**. Советский бензин обходился иностранным автотуристам фантастически дешево: в 1960-е годы литр стоил шесть копеек — хоть залейся. Доллар обменивался на 60 копеек (потом — на 90), на которые можно было купить десять литров бензина! Для «интуристов» существовало и еще одно удобство — для них придумали специальные талоны. Чтобы не потерять, многие иностранцы прикрепляли их изнутри к лобовому стеклу. Совершенно особую категорию автотуристов составляли финны. Влекли их в СССР, преимущественно в Ленинград, отнюдь не шедевры Эрмитажа, а сухой закон, свирепствовавший в ту пору в Финляндии. В Питере за финнами **фарцовщики** устраивали настоящую охоту, начиная от границы. Их легко удавалось уговорить продать магнитолу из машины, джинсы или куртку с плеча. За это финн получал водку, икру...

Филиалы «Интуриста» обслуживали все мероприятия, в которых главными действующими лицами являлись иностранные гости. Перед Олимпиадой-80 (соревнования группового футбольного турнира проходили в Ленинграде) для «Интуриста» создали отдельный образцовый «олимпийский парк» — в 150 машин такси. Комсомольцы **«Европейской»** гостиницы своими руками отполировали и покрыли лаком полторы тысячи стульев. А в меню ресторана гостиницы появилось новое блюдо — «буженина олимпийская». Валютные проститутки отложили поездки на юг, к морю.

«Интурист» брал на себя заботу об отдельном человеке с такой же легкостью и готовностью, что и проведение Олимпиады. Иностранцы, из числа наиболее сообразительных, сразу догадались, что задача «Интуриста» заключается в том, чтобы выкачать из иноземца как можно больше долларов, показать ему отреставрированные царские дворцы, сводить на балет, напоить водкой, накормить икрой, но ни

в коем случае не допустить, чтобы он увидел то, чего видеть иностранцам нельзя, а потом уже можно его и выпроводить, оставив в том же неведении о стране пребывания, в каком он находился до приезда, — пусть приезжает еще, если вел себя добропорядочно. С этой задачей «Интурист» великолепно справлялся на протяжении более полувека.

И в заключение короткого рассказа об «Интуристе» (об этой организации можно не один роман написать) скажу, что его сотрудниками (гидами, работниками бюро обслуживания гостиниц и т. д.) были в основном молодые женщины; они очень много работали, а зарабатывали очень мало, правда, всегда имели иностранные колготки, шариковые ручки, книги, пластинки, что-то из косметики. Немало наших соотечественниц покинуло СССР, выйдя замуж за иностранца «по линии „Интуриста“». Иностранцы не очень-то придирались к ним, поскольку понимали, что гиды «Интуриста» и сотрудницы гостиниц — всего лишь исполнители чужой воли и чуждых им самим распоряжений.

К

КАЙФ. Своим происхождением это расхожее понятие обязано арабскому слову «кэф», что предполагает время приятного безделья (или, по-итальянски, — *dolce far niente*), состояние блаженной неги.

Впервые слово «кайф» («кейф») в русском языке официально зафиксировано в 1821 году, когда О. И. Сенковский, рассказывая о своих путешествиях по Египту, объяснил тогдашней петербургской публике, что такое «кейф»: «Путешественники, бывшие на Востоке, знают, сколь многосложное значение имеет выражение кейф. Отогнав прочь все заботы и помышления, развалившись небрежно, пить кофе и курить табак называется — делать кейф. В переводе это можно было бы назвать наслаждаться успокоением».

После 1917 года слово вроде бы забылось. Вторым рождением «кайф» обязан московскому Всемирному фестивалю молодежи и студентов 1957 года. В это время стало модным «вворачивать» в разговоре слова иностранного происхождения. Слово «кайф», похожее на английское, быстро стало популярным наравне со словами «**джинсы**» и «рок-н-ролл» и употреблялось в Ленинграде в том же смысле, что и прежде, в старом Петербурге. И замечательно употребляется до сих пор в новом Петербурге, ибо кайф живуч.

В последние годы говорят: «Полный кайф!» — о прекрасно проведенном отпуске. И тридцать лет назад, и сегодня нередко можно услышать: «кайфовать», «получать кайф», «в кайф» («не в кайф»), «по кайфу», «под кайфом», «ловить (поймать) кайф», «сломать (обломать) кайф», «кайфовый», «кайфный», «кайфово», «кайфовщик», «кайфолом», «кайфушка». Всякий знающий русский язык без труда разберется, что означает то или другое из перечисленных здесь слов с корнем «кайф». Если кто не знает, то переведу на русский хоть одно, последнее слово: «кайфушка» значит «кафе». Кто бы мог подумать?

КАРТЫ (географические). Применительно к социалистическому Ленинграду впору говорить об их отсутствии. В последние десятилетия минувшего столетия издавались только схемы города с нарушением всех возможных пропорций и расстояний — наверное, чтобы ввести предполагаемого врага в заблуждение, при этом в число врагов попадали все граждане страны, которым вдруг пришла в голову мысль свериться с картой. Ориентироваться по этим схемам (далеко, к тому же, неполным) было крайне сложно, найти нужную улицу подчас невозможно вовсе. Нумерация домов никогда не указывалась, зато почти всегда указывались места, связанные с жизнью и деятельностью **В. И. Ленина**. Схема маршрутов городского транспорта существовала без указания уличной сети. Что же до Ленинградской области, то интересующимся предлагались либо схема административного деления, либо туристическая схема, опять же с ленинскими местами, но с искажениями масштаба, отсутствием большинства дорог и населенных пунктов. Ориентироваться по ним на местности не представлялось возможным. Имелись и более или менее нормальные карты, но их приходилось с трудом доставать, и туристы переснимали их и передавали друг другу фотокопии. Умельцы, например, переводили на кальку финские карты Карельского перешейка.

КВАС. Квас в советское время продавался почти исключительно в бочках (купить бутылку кваса, особенно в летнее время, — большая удача), которые развозили на прицепах и устанавливали в определенных местах. Квас из бочек продавался только летом, и истомленные очереди в жаркие дни тянулись на несколько десятков метров. Квас пили из маленькой кружки (3 коп.), из большой (6 коп.) или брали с собой в заранее принесенную тару (бидон, трех- или пятилитровая банка из-под огурцов). Квас был отменного качества, но вставать в эту очередь во второй раз уже не хотелось.

Бочка с квасом. 1980-е гг.

В 1967 году на углу 11-й линии и Большого проспекта Васильевского острова открылось первое в Ленинграде кафе «прибалтийско-западного типа», но с русской кухней — «Фрегат». Там подавали блюдо под названием «Хлебосолье» (тушеное мясо с картошкой, 70 копеек) и незабываемо вкусный, сваренный «по петровским рецептам» квас в керамических кружках. По вкусу он совершенно не был похож на квас из цистерны, а тем более бутылочный. Блюдо с квасом и с булочкой стоило один 1 (один) рубль.

В 1985 году производство кваса в СССР достигло 55,3 миллиона декалитров, что составляло порядка 29% всех безалкогольных напитков. В 1990-е годы, когда на российский рынок хлынул поток западных газированных напитков, производство и потребление кваса снизилось и в 1997 году составило лишь 9 миллионов декалитров, или

3% всего производства безалкогольных напитков. Всего-то! А жаль! Настоящий квас — великолепный напиток.

Любопытно, что слово «квасить» означает отнюдь не «пить квас», а пьянствовать, крепко выпивать.

КИНО. Об истории кино написано много, а вот о походах в кино в конце минувшего века, об обстановке, царившей в фойе кинотеатров, да и о самих кинотеатрах воспоминания остались только у тех, для кого кино тогда являлось одним из основных способов времяпрепровождения.

В 1963 году в Ленинграде работало более 60 кинотеатров. Ленинградцы любили ходить в кино, и залы почти не пустовали, ни на утренних сеансах, когда билет стоил 10 копеек (утром в кино ходили пенсионеры, инвалиды и студенты-прогульщики), ни тем более на вечерних. В 1970 году в Ленинграде действовало более 80 кинотеатров, в которых ленинградцы тогда просмотрели 200 кинофильмов — весьма впечатляющие цифры.

Перед просмотром зрители собирались в фойе. Во многих кинотеатрах играл оркестр, выступали артисты (обычно певцы, редко — хоры школьников). Зрители рассматривали развешанные по стенам фотографии с кадрами из кинофильмов или сидели в окружении живых пальм, взятых кинотеатром напрокат в объединении «Цветы» (Кинотеатр «Титан», Невский пр., 47), и ели мороженое, с которым в зал не пускали, или листали журналы. В некоторых кинотеатрах в конце 1950—1960-х годов работали читальные залы, по пятницам проводились сеансы одновременной игры в шахматы (кинотеатр «Гигант», Кондратьевский пр., 44). Перед вечерним сеансом в некоторых кинотеатрах выступали артистки пожилого возраста в бархатных платьях, пели романсы или песни из кинофильмов. Перед началом фильма показывали киножурналы «Новости дня», «Иностранная кинохроника» или, к радости зрителей, сатирический альманах «Фитиль» С. В. Михалкова (хотя, случалось, один и тот же номер «Фитиля» зрителям прокручивали несколько раз).

Как не вспомнить кинотеатр «Кинематограф» в самом большом в Ленинграде дворце культуры им. С. М. Кирова, где показывали старые (и не очень) зарубежные фильмы из коллекции Госфильмофонда (к концу 1980-х показы перенесли в кинотеатр «Спартак», который был ретро-кинотеатром, пока не сгорел). Здесь, например, показывали «Гений дзюдо» Акиры Куросавы (1964 г.), фильм, который не шел в остальных кинотеатрах города, а также немало других мировых киношедевров. В кинотеатре «Великан», в парке В. И. Ленина (ныне — Александровский), 4 (открыт в 1950-е, в 1988 году передан Мюзик-холлу), нередко демонстрировались «фестивальные» фильмы. Доставали билет в таких случаях с трудом, хотя в кинотеатре было шесть ярусов. С 15 по 22 октября 1956 года в «Великане» проходила неделя итальянского кино (в 1955 году в Ленинграде впервые прошла неделя французского кино). Тогда показывали «Умберто Д.» Витторио Де Сика, «Машинист» П. Джерми, «Хлеб, любовь и фантазия» Л. Коменчини и «Дорогу» Ф. Феллини с Джульеттой Мазини. С. Ю. Юрский вспоминал о тех же 1950-х годах: *«...помню, мы с мамой и с папой смотрели американский фильм „Рапсодия" в кинотеатре „Великан" в Ленинграде. Не трофейный, а новый заграничный фильм в нашем прокате — большая редкость. Зал на две тысячи мест, и народу битком. Сеансы с 10 утра до ночи. И ночью тоже. Билеты по тройной цене,*

Афиша фильма «Белое солнце пустыни»

и тех не достать. И вот смотрим. Элизабет Тейлор — ах! Витторио Тасман — ах!..» Ленинградцы смотрели многосерийный американский фильм «Тарзан. Повелитель обезьян» (1932 г.), немецкий «Индийская гробница» (1921 г.), а два боевика — французский «Сети шпионажа» (1938 г.) и американский «Судьба солдата в Америке» («Бурные двадцатые») — показывали преимущественно на ночных сеансах, но с особым восторгом их смотрели именно те, кому это запрещалось, — ленинградские мальчишки.

Многих ленинградских кинотеатров уже давно нет, например «Арса» (пл. Л. Толстого, 35/75), «Балтики» (7-я линия Васильевского острова, 34), «Баррикады» (Невский пр., 15), «Гиганта» (Кондратьевский пр., 44), «Ленинграда» (Потемкинская ул., 4), «Молнии» (Большой пр. Петроградской стороны, 35), «Молодежного» (Садовая ул., 12), «Приморского» (Кировский, ныне — Каменноостровский пр., 42), «Света» (Большой пр. Петроградской стороны, 74), «Спартака» (ул. Салтыкова-Щедрина, ныне — Кирочная, 8), «Стереокино» (рядом с «Великаном»), «Титана» (Невский пр., 47), «Хроники» (Невский пр., 88), «Экрана» (Большой пр. Петроградской стороны, 30), «Юности» (ул. Савушкина, 21). Кажется, я посещал все из перечисленных — и лишь один из ныне существующих: те фильмы, которые мне интересны, можно смотреть только дома, по телевизору. Оговорюсь сразу, дабы не возникли неправильные соображения: речь идет о старых советских фильмах.

КНИГА ЖАЛОБ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ. Во всех предприятиях **общепита**, розничной торговли, бытовых услуг, в медицинских учреждениях и даже в сберкассе в советское время на видном месте висела (как правило, на веревочке на гвоздике, вбитом в стену) «Книга жалоб и предложений», или, как ее все называли, «жалобная книга». Только в ней не встречались записи вроде той, что обнародовал (или сочинил) А. П. Чехов в рассказе «Жалобная книга»: *«Кто писал, не знаю, а я, дурак, читаю»*. В советских жалобных

книгах обязательно отчетливо подписывались и оставляли адрес и телефон (анонимные жалобы не рассматривались). Представители проверяющих организаций регулярно читали записи и делали выводы — казнить директора заведения (т. е. объявить ли ему выговор, наказать материально, уволить даже) или миловать (если в жалобной книге появлялись благодарности), а то и поощрить. Система поощрения в Советском Союзе была не так развита, как система наказаний: предполагалась либо устная благодарность, либо грамота. Поэтому директор заведения или заведующий отделом, где находилась жалобная книга, равнодушно относился к записям с выражением благодарности, но обыкновенно терялся в догадках, что с ним будет, если жалобы покажутся проверяющим основанием для наказания.

Многие покупатели (клиенты) забывали о существовании этой книги и по обыкновению устно выражали свое неудовольствие по поводу обслуживания, к тому же жалобную книгу нередко убирали с глаз долой, якобы для того, чтобы ее обернуть или ознакомиться с последними записями и пр. Иногда жалобная книга становилась орудием мести — недовольные граждане вымещали свое недовольство, которое могло быть вызвано плохим настроением или самочувствием, внося злобную запись в книгу: «Вот тебе, в следующий раз не будешь смотреть на меня такими глазами!» (Эти слова не произносились и не писались, они имелись в виду.) Самое неприятное для продавца или другого человека, попечению которого вверялась жалобная книга, было то, что его обязывали предъявлять ее по первому требованию любому человеку, пожелавшему ознакомиться с ней или внести в нее запись. И совсем скверно то, что листы в книге нумеровались, чтобы из нее не вырывали страницы с нелестными отзывами. Правда, иногда некоторые записи замарывали, говоря, что нечаянно что-то пролилось или чернила вовремя не промокнули («отсутствовала промокашка»), но проверяющие знали: если замарано, значит, нечисто. Реже случалось, чтобы на просьбу дать жалобную

книгу извлекали ее «улучшенную» копию (так называемая «двойная бухгалтерия»). Но если такое раскрывалось, следовали серьезные санкции.

В какой-то момент отечественной истории (о том ведают только узкие специалисты) жалобная книга превратилась в «Книгу отзывов и предложений», но по сути ничего не изменилось. Ибо зачем писать благодарности, если от них продавцу или парикмахеру ни холодно, ни жарко, вот жалобу накатать — это мы умеем. Да чтоб наказали как следует! «Дайте жалобную книгу!» — фильм (комедия) под таким названием с успехом прошел по экранам СССР в 1964 году. Жалобная книга неизменно становилась объектом отечественной сатиры, от А. П. Чехова до Э. А. Рязанова, режиссера этого фильма.

КОЛГОТКИ. Чулки-рейтузы из шерсти, хлопка или синтетических материалов ныне предназначаются преимущественно для женщин и детей (несмотря на то что в нашей стране используется чешское слово «колготки», в советском ГОСТе долгое время их называли «чулковыми рейтузами»).

Колготки (от чешского слова *kalhoty* — «штаны», «брюки») привезли в СССР в начале 1960-х годов из Чехословакии (они были только капроновые — морщились на коленях, вытягивались).

В это время стали уходить в прошлое самодельные колготки — соединение фланелевых панталон с шерстяными чулками с помощью ниток.

В Ленинграде в конце 1960-х годов за колготками стояли очереди. Выбор был невелик; купив колготки, ими дорожили; многие помнят, как «гэдээровские» (или «дедероновские» — по аббревиатуре DDR, что означало ГДР) колготки приходилось штопать подходящими по цвету женскими волосами. Даже когда колготки занашивали до дыр, у женщин не поднималась рука их выбросить. Из колготок вязали коврики, мочалки, стригли на мелкие кусочки и делали синтетические подушки, приспосабливали их для хранения лука

(а кто-то и сейчас хранит в них бедный, задыхающийся лук). В 1970-е годы на трикотажных фабриках предоставляли такую услугу: у населения брали порванные колготки (и чулки) и штопали их, поднимали петли.

Реклама чулок

Многие женщины меж тем не принимали колготки: непрактично. Если порвались, то все, тогда как из двух пар одинаковых чулок можно скомбинировать третью. Те же, кто перешел на колготки, относились к ним бережно: чтобы колготки меньше рвались, их хранили в морозильной камере холодильника, а если они все-таки рвались, их зашивали и носили под брюками.

Меж тем с каждым годом ассортимент колготок быстро увеличивался, а качество улучшалось. Безусловно, одним из моментов, объясняющих появление колготок, являлось укорачивание юбок. Ровесницы в мини-юбках, семидесятые годы... Одно из самых незабываемых и волнующих воспоминаний того времени.

Со временем мини-мода прошла, но колготки навсегда остались в гардеробе. Первые колготки выпускались только одного, телесного цвета. Когда в моду вошли белые колготки, наши женщины научились отбеливать телесные при помощи соды и уксуса.

Колготки 1970-х годов продолжали сползать и морщиться на коленях. Старшеклассницы выходили из положения следующим образом: колготки натягивались до подмышек, а затем подворачивались под дополнительную резинку вокруг талии.

В 1980-е годы пошла мода на цветные и ажурные колготки, но их уже к тому времени покупали в магазине, а не изобретали в домашних условиях. В 1990-е годы в продаже появились теплые колготки, которые привозили из Турции. Из этой же страны впервые стали поставляться хлопчатобумажные колготки больших размеров.

Колготки — лучший подарок гиду «Интуриста». Гиды «Интуриста» (как правило — молодые женщины) дарили колготки своим подружкам.

Начало 1990-х ознаменовалось интересом ленинградок-петербурженок к колготкам с повышенным содержанием лайкры, причем особо актуальными считались «блестящие» образцы. В 1990-е годы пришла мода на лосины — плотные, непрозрачные колготки. Если эти последние были без пятки, то именовались дольчиками. Дольчики-лосины надевали, как правило, под мини-юбку или купальник для занятий входившей в моду аэробикой.

КОМИССИОННЫЕ МАГАЗИНЫ. В Ленинграде их еще называли «комисы» (с ударением на «о») или «комиссионки». Пользовались большой популярностью в последние десятилетия минувшего столетия, ибо в них могли продать старую (а то и новую, например, полученную в подарок, но не нужную) вещь и купить то, что в любом другом магазине ни за что не купишь. В комиссионки сдавали привезенные из-за границы джинсы и куртки, а также филателистические коллекции, оставшиеся после смерти коллекционера, картины, радиоприемники, швейные машины, меха, люстры, предметы антиквариата (с конца 1950-х до середины 1960-х годов в Ленинграде существовало лишь три государственных антикварных комиссионных магазина, принимавших вещи у частных лиц, один из них на Невском пр., 7). Одним из самых больших комиссионных магазинов в Ленинграде был открытый в 1960-х годах мебельный магазин в помещении Ямского рынка на улице Марата, 53, под неофициальным названием

Бывший Ямской рынок. Современное фото

«Пентагон». У него действительно пять углов (продовольственная торговля ушла с Ямского рынка в открытый неподалеку Кузнечный рынок, дабы уступить место мебели). Между прочим, одна из сцен фильма «Собачье сердце» (1988 г.) снималась в Ленинграде. Именно со ступеней Ямского рынка сходил профессор Преображенский, когда впервые увидел Шарика. В этом магазине в 1980-е годы продавались очень дешево предметы антикварной мебели. Но в те годы комиссионок было несравненно больше. Люди иногда сдавали вещи — не столько лишние, сколько для того, чтобы выручить немного денег.

КОММУНАЛКИ. Журналист Л. С. Мархасев приводит в своих воспоминаниях (я не раз буду ссылаться на них в этой книге — они отличаются необыкновенной точностью суждений и фактов) характерное признание актрисы Александринского театра Н. Л. Тираспольской, сделанное ею на склоне лет, в 1950-е годы: «Всем хороша советская власть. Одного ей простить не могу — коммунальных квартир». Под этими словами подписалось бы не одно поколение советских людей, вынужденных (иногда — всю жизнь!) делить кров (ванную комнату, туалет, кухню, коридор) с посторонними людьми.

Кухня в коммунальной квартире

Изъятие «излишек» жилплощади и насильственное вселение в чужие квартиры семей новых жильцов началось в 1920-е годы. Коммуналки живы и поныне, хотя в первое десятилетие нынешнего столетия это уже не такое распространенное явление, как в последней трети века минувшего. Когда я в 1970-е годы учился в Ленинградском университете, среди моих знакомых я не помню ни одного человека, кто жил бы в отдельной квартире.

Среди жителей коммуналок старые и малообеспеченные люди составляли большинство. В 1960—1970-е годы статус коммунальных квартир снизился в связи с массовым жилищным строительством государством, организациями и кооперативами. В отдельных квартирах — в ведомственных или в кооперативных — в районе новостроек селились более состоятельные люди (по меркам советского времени), которые могли себе позволить купить квартиру. При выезде из коммуналки люди существенно улучшали свое жилищно-классовое положение в обществе. Обитатели **«хрущевок»** и кооперативов, таким образом, отличались по социальному составу от тех, что оставались в коммуналках.

Отличительная черта коммуналки (сохранившаяся кое-где поныне) — несколько звонков на дверях, иногда — с указанием фамилии жильца. Среди них часто встречались и звонки-**вертушки,** которые сейчас не в ходу. В некоторых случаях на дверях имелся один звонок, но рядом приклеивали бумажку с указанием, кому сколько раз звонить —

и попробуйте позвонить три раза, если нужно было звонить два или четыре!

В коммуналках всегда кто-то находился и на кухне, и в ванной, и мылись, и стирали после бани. «Щелок нужен кому хороший?» — кричали хозяйки на всю квартиру после стирки (если, разумеется, в квартире между хозяйками устанавливались хорошие отношения; нередко бывало так, что они подолгу друг с другом не разговаривали, обидевшись на что-то).

В некоторых комнатах платяные шкафы иногда загораживали забитую фанерой и заклеенную обоями дверь — квартиры бывших буржуев нередко представляли собой анфилады комнат. Я сам не раз бывал в коммунальных квартирах, где ванна стояла на кухне. Когда такое видели иностранцы, зашедшие в гости, а отнюдь не на экскурсию в музей быта минувших веков, они приходили в неописуемое изумление и тотчас тянулись за фотоаппаратом; такого действительно не увидишь нигде в мире. Мебель стояла по периметру; единственный стол в середине комнаты, под абажуром, функционировал как обеденный, пеленальный, письменный (для приготовления уроков, например), и для глажения белья, и для игры в шахматы или карты.

Гости обыкновенно раздевались не в коридоре (хотя, бывало, и в коридоре), а в комнате — чтобы не столько хозяевам, сколько гостям было спокойнее оттого, что пальто под присмотром: все-таки квартира коммунальная, мало ли что...

Дома с коммуналками редко ставились на капитальный ремонт, и, бывало, несколько поколений ленинградцев имели возможность любоваться в своей комнате деревянными стенными панелями, доставшимися от «барских» времен, лепным бордюром или замысловатой лепниной на потолке (там, где висит абажур) с сатирами, амурами и зефирами, изразцовыми печами, фигурными шпингалетами, бронзовыми ручками в дверях... После капремонта все «буржуйские» излишества бесследно исчезали — разумеется, чтобы появиться в чьем-то доме.

В комнатах коммунальных квартир собиралась всевозможная мебель — спальная, гостиная, кухонная, кабинетная, детская. Находилось тут место и холодильникам (первые холодильники делались с замками и запирались на ключ). В одной комнате, случалось (и нередко), жили и родители, и их взрослые дети, и родственники из деревни. Пользовались успехом перегородки, как самодельные, так и дореволюционные, с красивыми рисунками на ткани — так называемые «ширмы».

У пожилых одиноких соседок оставляли детей. Я до сих пор помню соседку Татьяну Петровну, которая присматривала за мной в детстве (в конце 1950-х годов). У Татьяны Петровны не было телевизора, зато радио никогда не выключалось, а работало оно с 6 часов утра до полуночи, от гимна до гимна. Она много курила, беспрестанно кашляя от едкого дыма «Беломора», одновременно из пустых спичечных коробков складывала башни, колеса, в чем я ей старался, не всегда умело, помогать. Я и сейчас, когда кто-то курит «Беломор», нет-нет, да и вспомню Татьяну Петровну и ее задымленную и такую уютную комнату, из которой мне до сих пор мысленно не хочется уходить...

КОНЬЯК. Советские люди много лет и с удовольствием пили армянский, болгарский, грузинский, дагестанский, молдавский, украинский коньяк (я расставил их по алфавиту, чтобы никого не обидеть). После того как Н. С. Хрущев в 1960 году посетил во Франции Ш. де Голля и заключил договор о сотрудничестве, в СССР стал массово поставляться французский коньяк. В крупных магазинах (преимущественно Москвы и Ленинграда) появились пузатые бутылки зеленого стекла с золотой надписью *Napoleon* (их заворачивали в магазинах в тонкую бумагу с профилем Наполеона) Стоил французский коньяк жутко дорого — 25 рублей (наш, после денежной реформы 1961 года, — 4 рубля 12 копеек, а раньше, в 1950-е годы, — 33 рубля), и его покупали или очень богатые люди для себя, или люди

скромного достатка для того, чтобы кого-то отблагодарить (врача, например) или поздравить кого-нибудь коллективно (например, начальника). Меж тем французский коньяк на полках наших магазинов не задержался и вскоре перебрался на **черный рынок**, оставив о себе лишь название. Популярность «Наполеона» заметно пошатнулась после показа по телевидению сериала «Семнадцать мгновений весны», из которого зрители узнали, что У. Черчилль предпочитал армянский коньяк всем другим. Вследствие этого открытия уровень продаж дорогих «Арарата», «Энисели» подскочил в СССР чуть ли не вдвое. Помимо этих двух марок армянского коньяка еще надо вспомнить коньяк «Ереван», грузинские ОС («очень старый»), КВВК («коньяк выдержанный высшего качества»), КС («коньяк старый»). Любители коньяка ездили за ним и на станцию Сортировочная, где из-под полы покупали любимый напиток без названия — его разливали там прямо из цистерн. Коньяк был великолепный.

Этикетка коньяка

В Ленинграде существовали специальные заведения (по принципу рюмочных, т. е. только стоя и с бутербродом, но не с килькой, а *с рыбкой)*, где разливали коньяк и его неизменный спутник — шампанское: это **«Щель»** при гостинице «Астория», в доме № 2 по Кировскому (ныне — Каменноостровскому) проспекту (до начала 1960-х годов, когда в этом помещении открылся магазин «Гавана»); в магазине «Советское шампанское», именовавшемся в народе «США» (на углу Садовой ул. и Невского пр.); на Малой Морской (тогда — Гоголя) ул., 4, на Невском пр., 88 (водкой в этих заведениях не торговали). Коньяк, надо признать, был

первое время — лет двадцать — преимущественно армянский и неизменно великолепнейшего качества, куда лучше, чем хваленые «Наполеон» или «Хенесси» (я до сих пор так считаю, перепробовав самые отборные коньяки иностранного производства). Не припомню случая, чтобы в городе говорили о «паленом» коньяке. Потом появились коньяки из других союзных республик (например, молдавский «Белый аист»), тоже отличавшиеся превосходным качеством. Где-то в 1980-е годы коньяк исчез из продажи в магазинах, и его покупали только в коньячных в свою тару. Люди приходили с пустыми бутылками из-под пива, например, брали пять раз по сто граммов и переливали коньяк из рюмок в бутылку.

В «голодные» для коньяка годы (где-то в 1980-х годах) в Ленинграде его пили в баре («дегустационном зале») «Нектар», в саду «Олимпия» на Малодетскосельском проспекте, 25/12. Завсегдатаи брали билеты на три сеанса дегустации подряд: две дегустации сухого вина и одна — коньяка (ради него и приходили), а потом тут же, в подвальчике, добавляли. Уходя из этого гостеприимного заведения, при желании покупали с собой бутылку коньяка, вина или шампанского — благословенное место, оазис!

КОСМЕТИКА. В качестве «косметики» в советское время употреблялись как бабушкины рецепты (например, огурец, кефир, клубника, которые размазывали по лицу), так и товары промышленного производства, призванные сделать женщину красивее или исправить некоторые изъяны ее внешности (в наше время понятие «косметика» включает в себя куда более широкий спектр товаров, хотя огурец по-прежнему занимает почетное место не только у тех, кто любит им закусывать, но и среди косметических продуктов). Ассортимент косметической продукции, особенно после войны, что и понятно, был скромен: на трюмо у советской женщины стояли духи «Белая сирень» (5 рублей) и пудра «Красная Москва» (3 рубля — после реформы

1961 года), карандаш губной помады и, кажется, все. Кремы, тени, шампуни — все это появилось после 1950-х годов (в то время вместо крема использовался глицерин), начиная с пахучего розового крема «Бархатный», потом шампунь «Бадузан» из ГДР. «Мужской косметики» раньше не существовало. Работали мужские **парикмахерские** с «Шипром» и «Тройным одеколоном» после стрижки или бритья, а также отделы подарков для мужчин в универмагах с не более широким ассортиментом «косметики» или парфюмерии. В 1980-е годы для мужчин продавались парфюмерные наборы «Селена», снабженные завлекательной рекламой: *«Этот свежий аромат цветочно-фантазийного направления, в композиции которого ясно ощущается нежная нота майского ландыша, назван в честь естественного спутника нашей планеты — Луны».*

Но если мужчины вполне обходились «Селеной» или посещением парикмахерской, то женщинам приходилось всячески изворачиваться, чтобы выглядеть «как все», а по возможности и лучше. Знаменитый фильм Э. Рязанова «Служебный роман» (1977 г.) начинается со сцены, когда сотрудницы Министерства легкой промышленности приводят себя в порядок: красят в одинаковый цвет губы и одинаковой тушью удлиняют ресницы. Сцена весьма характерная для того времени, однако для сегодняшнего молодого зрителя потребуются разъяснения.

Дело не только в том, что советские женщины испытывали недостаток времени, чтобы привести себя в порядок, ибо на них кроме работы ложились все заботы по ведению домашнего хозяйства. Ко всему прочему советские женщины имели весьма скудный выбор косметики (если не считать ромашкового, ланолинового, детского и спермацетового кремов, огуречного лосьона и отечественных помад). Тушь продавалась почти исключительно отечественного изготовления, и производилась она, в частности, на фабрике Всесоюзного театрального общества, которая обеспечивала театры гримом. Покупалась по случаю

трубочка с жидкой тушью, в которую вкручивалась специальной формы кисточка, хотя качество туши оставляло желать лучшего. Многие предпочитали тушь под немудреным названием «Ленинградская», хотя привозили ее, кажется, из Риги, а делали, как утверждали злые языки (а может, хорошо осведомленные люди), цыгане. Она не вызывала аллергию и подолгу не портилась, но перед тем, как ею пользоваться, предварительно плевали в твердую субстанцию, терли тушь прилагавшейся щеточкой и только потом начинали красить ресницы. Советские женщины овладели этой техникой в совершенстве. Заграничную тушь покупали у **фарцовщиков** — разумеется, по немыслимо высокой цене.

Некоторые делали тушь сами. У каждой самодеятельной мастерицы имелся свой рецепт, составлявший производственную и коммерческую тайну. Подпольные изготовители фасовали тушь кто во что горазд. Некоторые цыгане разливали горячую тушь в полости обыкновенных шашек, перевернутых вверх дном.

В 1960-х в Ленинграде появились французские духи. В **Гостином Дворе,** Пассаже, ДЛТ (Дом ленинградской торговли на ул. Желябова, ныне — Конюшенной) и в некоторых других магазинах появились *Sikkim* за 30 рублей — любимые духи советских женщин, *Climat* за 25, а также *Dior, Diorella, Diorissimo и Magie Noire* за 45. Французские духи были синонимом роскоши и представлением о другой, красивой жизни. Покупали их чаще в подарок. В знаменитом фильме 1970-х годов «Ирония судьбы, или С легким паром» Ипполит (Ю. Яковлев) принес в подарок любимой женщине (Б. Брыльска) синюю коробочку *Climat.*

Меж тем советские духи тогда тоже котировались, во всяком случае у иностранцев. На Западе поныне довольно известна наша классика «Красная Москва» — переименованные в советское время духи, созданные знаменитым парфюмером Франсуа Коти для императрицы Александры Федоровны. А духи «Ноктюрн» получили высокую оценку

французских парфюмеров, тогда как среди наших женщин особым спросом этот парфюм не пользовался. Одним из символов 1970-х являлся скромный флакончик недорогих польских духов с многообещающим названием «Быть может», которые тоже не всегда удавалось достать в начале их триумфальной популярности. Мужская часть населения пользовалась, помимо «Тройного» и «Шипра», «Русским лесом», одеколоном «Саша» или лосьоном после бритья под манящим названием «Свежесть», которая, впрочем, совершенно не ощущалась после применения этого средства.

Духи «Красная Москва»

Салонов красоты в Ленинграде не было и в помине. В 1970—1980-е годы открылся Институт красоты (косметологическая поликлиника № 84, бульвар Профсоюзов, ныне — Конногвардейский, 7), где варили свои кремы и работали косметические кабинеты. Но некоторые женщины сами занимались процедурами, не имея для этого ни специальных инструментов, ни гигиенических средств, и следовали выдержавшему испытание временем правилу «Голь на выдумку хитра».

Большой популярностью у советских женщин пользовались черные карандаши — с их помощью они подводили брови и глаза. Бывали случаи, когда в купленном в магазине наборе цветных карандашей недоставало черного — видимо, у кого-то, например у продавщицы, образовалась нехватка в косметическом наборе. Набор цветных карандашей «Искусство», в котором находились карандаши только черного цвета, быстро раскупался.

Цвета и оттенки лакам для ногтей придавали при помощи креп-лаков, которыми пользовались профессиональные живописцы. Шли в ход и другие «красители», например синяя паста из стержней шариковых ручек придавала розовому лаку модный в ту пору свинцовый оттенок, вызывавший в воображении следующую жуткую ассоциацию: «Наши сети притащили мертвеца».

В 1970-е годы в СССР производились отличные кремы для лица, которые с немалым удовольствием увозили к себе домой понимающие в кремах толк иностранки. Наши дамы, напротив, пользовались импортными кремами, поскольку свои, отечественные, расфасовывались в некрасивые металлические тубы и приторно благоухали. Кто тогда знал, что в их состав входило масло какао, спермацет, растительные и косточковые масла, ланолин, воск и прочие недешевые натуральные ингредиенты, которыми сегодня пользуются лучшие западные производители? Химических добавок наша косметическая промышленность еще не знала.

В ленинградском магазине под названием «Маска» с 1973 года продавались театральные принадлежности (около Всесоюзного театрального общества на Невском пр., 86, потом он переехал в дом на угол Большой Морской и Невского). Там имелся неплохой выбор туши, кремов, помад, карандашей для глаз и крем-пудры. Больше такой косметики в городе не существовало. Еще раньше на углу Невского и Литейного находился магазин ТЭЖЭ (Трест эфиро-жировых эссенций), в котором не одно поколение ленинградок покупало косметику, а когда название сменилось, новый магазин многие по-прежнему называли ТЭЖЭ; сейчас уже никто этого не помнит.

Первое знакомство с импортной косметикой оказалось поучительным: появившийся в 1976 году импортный крем *Pond's* привозили расфасованным в красивые баночки, а баночки были упакованы в изящные коробочки. Однако этот крем вызывал у подавляющего большинства наших женщин жуткую аллергию. Еще были два вида шампуня

Pond's. Пудра такого же названия также пользовалась популярностью у ленинградских модниц. Особенным спросом в те годы пользовались кремы со стойким отбеливающим эффектом. Достигался этот эффект за счет ртути, которая входила в состав популярных кремов «Метаморфозы», «Отбеливающий», «Росинка» и некоторых других. Ртуть плохо выводится из организма, и до сих пор на коже женщин, которые пользовались этими кремами 30—40 лет назад, проступают темные точки.

Духи «Пани Валевска»

Наши женщины вздохнули с облегчением лишь в конце 1980-х, когда на рынок хлынул поток французской косметики Lancome. Тут тебе и тушь, и пудра, и тональный крем — трудись над лицом, сколько душе угодно. Несмотря на то что покупали «красоту» по-прежнему только у спекулянтов, женщины массово преобразились. Да тут еще открылись два магазина на Старо-Невском проспекте — «Болгарская роза» и «Ванда», где впервые начали продавать косметику для мужчин, но хит этого магазина — духи «Пани Валевска». В «Болгарской розе» впервые появился в продаже детский шампунь — «Кря-кря». В этих магазинах продавалась и зубная паста, которая пенилась. В Ленинград привозили косметику и из московского магазина «Ядран». В Гостином Дворе и в Пассаже в 1970-е годы стала периодически появляться французская помада по 5 рублей, потом — итальянская. Нынешние дамы предпенсионного возраста вспоминают и об арабских духах («Каир»), которые покупали в ленинградских магазинах.

В. Цой

КОТЕЛЬНЫЕ. Как известно каждому интересующемуся коммунальным хозяйством человеку, так называется сооружение, в котором нагревается рабочая жидкость (теплоноситель) для системы отопления или пароснабжения. В истории Ленинграда, особенно в последние десятилетия минувшего столетия, котельные известны еще и тем, что в них работали многие молодые люди из общественной категории «алкоголиков и тунеядцев», ставшие впоследствии известными музыкантами, художниками, поэтами. За свой труд в котельной они получали всего около 70 рублей. Работать шли в котельную не только для того, чтобы давать людям тепло, но прежде всего чтобы спастись от обвинений в тунеядстве и немного заработать. Работа в котельной давала музыкантам возможность и отлучиться на гастроли; для этого всего лишь менялись сменами с товарищем по работе.

В одной из таких котельных на улице Блохина Петроградского района трудился кочегаром замечательный рок-музыкант В. Цой. Для ленинградских рокеров это было место традиционное, так как в котелной они ограждались от назойливых нападок по поводу одежды, причесок, образа жизни. В творчестве группы «Кино» есть песня о «Камчатке», но не о полуострове, а о той самой котельной, которая прославилась количеством творческих людей, работавших здесь кочегарами и зольщиками. Цой воспел котельную, ее атмосферу и обитателей. Помимо работы кочегаром он писал здесь свои песни, устраивал с друзьями концерты, пел вместе с Александром Башлаче-

вым, который тоже работал в «Камчатке». Здесь трудился и основатель группы «Алиса» Святослав Задерий. Сегодня «Камчатка» превратилась в нечто, напоминающее «стену плача», место паломничества для поклонников рока, группы «Кино» и Виктора Цоя.

Котельная «Камчатка». Памятная доска

И хотя самой котельной уже нет, «Камчатка» все же существует. Теперь это музей-клуб, в котором можно увидеть гитару Цоя, его рисунки и другие реликвии, переданные сюда близкими музыканта. Но главное — в «Камчатке» и сейчас проходят концерты рок-групп.

Благодаря этому клуб «Котельная «Камчатка»» — для многих поистине историческое место.

КРИМПЛЕН. Лет тридцать назад был такой анекдот:

— Что дают?

— Дюма.

— А это лучше, чем кримплен?

— Не знаю, но пару бутылок на пробу возьму.

Лучше кримплена в эпоху макулатурного Дюма для многих советских женщин ничего не было.

Кримплен, или кремплен (или полистер, дакрон, терилен), — ткань из синтетического волокна, напоминающая натуральные ткани. В одежде из синтетики парились, она служила источником статического электричества, зато не мялась, не садилась во время стирки. Материал изобрели в Англии в 1941 году, а в 1960—1970-е годы он добрался до СССР и сделался модным. Кримплен вошел в моду сразу после **болоньи.** Вот зарисовка советской женщины из романа

И. Грековой «Кафедра» (1978 г.): *«Костюмчик-кримплен, плечики подложены, бровь дугой»*. А ленинградской поэтессе Веронике Капустиной привиделся такой образ:

Семидесятые. Кримпленовый костюм
вишневым пугалом торчал на спинке стула...

Актрису А. Б. Фрейндлих в фильме «Служебный роман» специально облачили в кримпленовый костюм 52-го размера для создания образа советской начальницы, далекой от мира **моды.**

Легкая промышленность шила из кримплена купальники, платья, мужские костюмы (их очень любили командировочные — не мнутся), а потом, когда кримплен вышел из моды, умельцы мастерили из него коврики и авоськи.

ЛЕВАКИ. Так называли — и называют до сих пор — тех, кто выполняет заказы в частном порядке в рабочее время и из материалов предприятия или использует служебную машину в своекорыстных целях. Левак — это еще и человек, подрабатывающий где-либо помимо основной работы. Отсюда глагол «левачить». Левачат, или становятся леваками, ввиду необходимости, если основная работа не дает возможности обеспечить себя и свою семью, а в советское время практически никакая работа не давала такой возможности, если только вы не народный артист СССР или не секретарь обкома КПСС (в 1960—1980-е годы нормально жили партийно-хозяйственные деятели, так называемое среднее звено — партийные функционеры, начальники цехов, профсоюзные деятели. В их руках сосредоточивались власть, финансы, транспорт, путевки в дома отдыха и за границу, связь с торговлей, органами правопорядка). Впрочем, утверждать, будто секретари обкомов безгрешны, было бы далеко неверным — левачили, еще как левачили, ибо, исповедуя левую идеологию, невозможно не левачить самому и не создавать условия для этого другим.

ЛЕНИН В. И. Как не вспомнить вождя мирового пролетариата, вспоминая о Ленинграде? Владимир Ильич Ульянов

В. И. Ленин

«по просьбе трудящихся» (фактически по инициативе Г. Е. Зиновьева, но и трудящиеся вроде не протестовали) оставил свой псевдоним городу, в котором совершил замысленный им, Ульяновым-Лениным, большевистский переворот 1917 года. Произошло переименование города в 1924 году. Ну а после того, как Петроград переименовали в Ленинград, псевдоним Ленин или отчество Ильич получили (отнюдь не в хронологической последовательности — перечисляю наугад) метро (Ленинградский ордена В. И. Ленина метрополитен им. Ленина) и одна из станций метро («Площадь Ленина»), стадион (им. В. И. Ленина, нынешний Петровский), улицы (Ленина, бывшая Широкая, Ленинский проспект, переулок Ильича, ныне — Казачий), парк (нынешний Александровский), площадь (Ленина), университет (Ленинградский ордена Ленина), политехнический институт (Ленинградский ордена Ленина)*, органы власти (Ленсовет, Ленгорисполком), издательство (Лениздат), гостиница («Ленинград», ныне — «Санкт-Петербург»), журналы «Ленинград» (в разные годы выходило два журнала с таким названием), кинотеатр («Ленинград», Потемкинская ул., 4), атомная электростанция (Ленинградская), область (Ленинградская — это название почему-то существует до сих пор), политический процесс («Ленинградское дело»), научно-исследовательские институты (Ленпроект, Ленгипрогор, ЛЕНЗНИИИЭП), киностудии («Ленфильм» и «Леннаучфильм»), колхозы и совхозы (некоторые, очень немногие, сохранили имя Ленина в своем названии до сих

* Всего в Ленинграде 10 вузов были награждены орденом Ленина.

пор), субботники («ленинские») и, наконец, музей (музей В. И. Ленина в Мраморном дворце). Зато отчеством Ленина назвали Дом культуры (Московский пр., 152) и Станкостроительный завод. Ленину в Ленинграде поставили множество памятников, большинство из которых типового характера и не представляет ни малейшей художественной ценности (у Невского завода на пр. Обуховской Обороны), у завода «Красный выборжец» на Свердловской наб. К началу 1990-х годов в Ленинграде и пригородах на территории предприятий, учреждений, на площадях и улицах имелось около 100 памятников Ленину. Некоторые памятники запомнились только «народными» названиями; так, замененный бюстом Петра I бюст Ленина на Московском вокзале назывался «Ленин на палочке» по причине высокого, очень узкого прямоугольного пьедестала. В кабинете у каждого ленинградского начальника на стене висел портрет Ленина либо стоял бюстик вождя на письменном столе. В Ленинграде широко, хотя и далеко не всенародно, но ежегодно, 22 апреля отмечался (официально) день рождения Ленина (показом по Ленинградскому телевидению фильмов «Три песни о Ленине», «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Ленин в Польше», «Рассказы о Ленине», «Человек с ружьем», «Ленин в Париже») и очередная годовщина со дня его смерти, 21 января (показом по Ленинградскому же телевидению тех же шедевров киноленинианы). Студенты штудировали 55 томов Полного собрания сочинений Ленина (у многих ленинградцев это собрание стояло дома, так как к нему приходилось постоянно обращаться), дошкольники учили стишки про дедушку Ленина, пионеры носили на груди значки с портретом вождя, а взрослые слагали о Ленине присказки («Ленин с нами» — так называли широкую двуспальную кровать) и анекдоты:

«Дзержинский звонит Ленину:

— Владимир Ильич, когда расстреливать — до или после обеда?

— Пгенепгеменно до обеда! А обеды отдайте детям — дети габочих голодают!»

Или:

«На выставке висит картина — „Ленин в Польше". На картине изображен шалаш, из которого торчат две пары голых ног — мужчины и женщины.

— Это шалаш в Разливе, — рассказывает экскурсовод. — Ноги принадлежат Дзержинскому и Крупской...

— А где же Ленин? — спрашивает кто-то.

— А Ленин в Польше».

«Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить», — возвещал отовсюду слоган советского времени.

И то правда, — жил когда-то, и в действительности, и в названиях улиц и площадей, домов культуры и заводов. А вот пророчество вроде бы не сбылось. Сегодня даже анекдотов о Ленине не складывают и не рассказывают — не актуально!

ЛИМИТЧИКИ. В 1964 году (вообще-то, еще после войны, но в 1964-м особенно активно) в Ленинград начали привлекать иногородних рабочих «на условиях временной прописки». Набор работников на предприятия, имевшие лимиты на прописку, происходил там, где недоставало рабочей силы. Но лимитчики пополняли не только ленинградские предприятия, но и коммуналки. Правда, некоторые предприятия, набиравшие лимитчиков, строили дома или общежития, и многие новоприбывшие рабочие имели шанс получить отдельную городскую квартиру даже быстрее коренных жителей, стоявших в очереди по 15—20 лет. К 1975 году население Ленинграда наполовину состояло из мигрантов, преимущественно из средних и малых городов. По исследованию 1978 года, только четверо из десяти жителей Ленинграда являлись

уроженцами города. Основная масса мигрантов приезжала в город на учебу. Лимитчики составляли из всех мигрантов 14%.

ЛОТЕРЕЯ. «Одноруких бандитов» в Ленинграде не было, зато многих ленинградцев ловко и по-крупному обирала система разного рода лотерей. Для любителей острых ощущений существовали денежно-вещевая лотерея, а также художественная, лотерея ДОСААФ, «Спринт», книжная лотерея и футбольная. К этому еще были облигации, на которые тоже иногда что-то выигрывали. Облигации имелись во многих советских семьях. В 1940—1950-х годах облигации буквально всучивали всем подряд и даже высчитывали из зарплаты стоимость облигации под благовидным предлогом — помощь стране, разрушенной войной.

Первый тираж «Спортлото» состоялся 20 октября 1970 года. Розыгрыши приносили огромную прибыль, которая, как утверждали официальные источники, шла на финансирование советского спорта. Билеты «Спортлото» продавались в специальных киосках или в киосках «Союзпечати». На билете зачеркивались выбранные числа (каждое соответствовало какому-нибудь виду спорта); затем корешок отрывался и помещался в специальный ящик, у «игрока» оставалась часть билета. Тиражи проводились раз в неделю и демонстрировались по телевидению. Размер выигрыша возрастал с количеством угаданных чисел. «Спортлото» увековечено В. Высоцким («Отвечайте нам, а то, // Если вы не отзоветесь, мы напишем в «Спортлото»). В 1982 году на экраны вышла комедия Л. Гайдая «Спортлото-82», герои которой борются за право обладания билетом с крупным выигрышем. Билеты денежно-вещевой лотереи стоили 30 копеек, тираж проводился раз в месяц, проверяли по таблице, которая печаталась в газете «Труд». Эта газета с результатами тиража всегда лежала в сберегательной кассе. Но для выигрыша необходимо было сойтись и серии, и номеру. Если сходилась только серия,

то: «На остальные номера этой серии выпал билет в один рубль». В продовольственных магазинах покупали билеты моментальной лотереи «Спринт» по 50 копеек — куда лучше тиражной лотереи, не надо мучительно ждать, купил и сразу проверил. И еще купил. И еще. Покупали многие и в очередной раз произносили: «Опять ША!» — разворачивая гармошку лотерейного билета (первыми всегда появлялись последние две буквы — «Без выигрыша»)... А тем, кто не покупал, насильно предлагали билеты в сберкассах («нет сдачи»), в книжных магазинах в качестве довеска к более или менее дефицитной книге. Билеты лотерей дарили знакомым с просьбой, чтобы те потом не говорили, если на подаренный билет пал выигрыш. Лотереи пользовались популярностью в продолжение нескольких десятилетий в реальной жизни, давая человеку возможность верить в очередную иллюзию.

ЛУНОХОДЫ. Луноход, как известно, — первый лунный самоходный аппарат. Его доставили на Луну 17 ноября 1970 года советской межпланетной станцией Луна-17, и он проработал на ее поверхности до 4 октября 1971 года. Название аппарата распространилось.

В 1970-е годы в Ленинграде луноходом называли патрульную милицейскую машину, или машину медвытрезвителя. Но было еще одно значение этого слова, также ныне забытое: луноходами назывались дутые водонепроницаемые сапоги, появившиеся позже (разумеется, их привезли из-за границы; самоходный аппарат СССР мог на Луну запустить, а вот чтобы наладить производство обуви...). Такие сапоги-луноходы и сегодня можно купить, а вот милицейскую машину, развозящую пьяных по медвытрезвителям, в наши дни луноходом никто не называет, да и сапоги называются просто «дутиками». Видимо, перевелись романтики!

М

МАГ. В молодежной среде в 1970-е годы так называли магнитофон, воспроизводящее, а потом и звукозаписывающее устройство. Магнитофоны первое время были исключительно катушечные; на одну «бобину» записывалось несколько долгоиграющих пластинок, купить которые мог далеко не всякий (особо ценились «фирменные» заграничные диски, или, как их тогда называли, «пласты»). Магнитофоны отечественного производства («Айдас», катушечный «Астра-209», «Днепр», «Весна», кассетный «Маяк»-205) издавали жуткие звуки, были ненадежны и при всем этом редко появлялись в свободной продаже. Особо ценились магнитофоны зарубежных фирм — *Philips, Grundig, Sony,* которые привозили из-за границы моряки, дипработники, партийные функционеры, спортсмены, артисты и пр. В фильме «Застава Ильича» (1964 г.) есть такой диалог: *«„Магнитофон у него интересный». — «Импортный?» — «Да нет, сам сделал»».* И ведь делали!

На магнитофоны записывали зарубежную музыку, а также советских бардов, еще до появления пластинок у этих последних. Песни распространялись исключительно с помощью магнитофонов, поскольку концерты бардов чаще были закрытыми, а гастролеры с Запада не приезжали. Во время концертов вдоль края сцены устанавливались

громоздкие записывающие устройства, и уже в тот же вечер не попавшие на концерт могли прослушать своих любимых исполнителей дома. Пленка то и дело рвалась, и ее склеивали вонючим клеем. При воспроизведении в склеенном месте звук пропадал.

На магнитофоны записывали капустники, самодеятельные спектакли, чтобы сохранить атмосферу, голоса, живые реплики происходившего.

Будущее — за магнитофоном.
Мы умрем, но наши голоса
Снова под глазком его зеленым
Оживут хотя б на полчаса...

— пророчески писал Александр Кушнер.

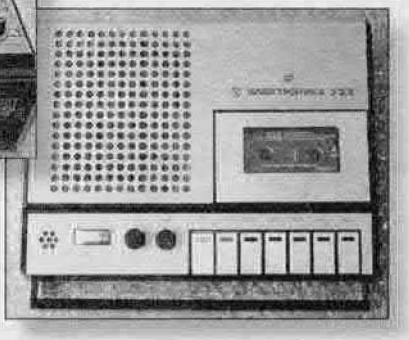
Один из первых советских переносных кассетных магнитофонов «Квазар-405» производства ленинградского завода им. М. И. Калинина был только плеером; он быстро ломался, и его сняли с производства.

Магнитофон «Днипро-12М», 1967 (или 1968) года выпуска, катушечный, 9, 53/4, 76, 3 двигателя, моно (какие там «стерео» в то время!), стоил 145 рублей (больше среднемесячной зарплаты).

Благодаря «магам» в 1960—1970-е годы состоялось приобщение ленинградцев к джазу, поп- и рок-музыке. Многие только по магнитофонным записям знали советских исполнителей. На магнитофоны записывали монологи М. М. Жванецкого, «закрытые» концерты или «квартирные выступления» В. С. Высоцкого и др.

В первой половине 1980-х неплохой катушечный стереомагнитофон «Астра-209» стоил 400—500 рублей. Качество воспроизведения не уступало самому простому современному MP3-плееру. Обыкновенный монокассетник стоил рублей 200—300. Кассетный мономагнитофон «Электроника-301» весил 4 килограмма и издавал звуки мощностью 1 (один) ватт. Бобина хорошей пленки (520 м,

Катушечный магнитофон «Астра-209»



Магнитофон кассетный «Электроника»

1,5 часа записи на скорости 19 м/сек) стоила около семи рублей. Кассета советского производства стоила 4 рубля 50 копеек, импортная — 9 рублей. Двухкассетников, позволявших переписывать кассеты, в СССР не производили, а между тем основная ценность импортных магнитофонов и состояла в их «двухкассетности». Кассеты брали у знакомых и переписывали их, не выходя из дома.

МАКУЛАТУРА. В начале 1980-х годов в СССР появилась весьма эффективная система сбора макулатуры. Во-первых, к этому привлекались учащиеся школ (в 1980-е годы охват школьников приобрел невиданные дотоле размеры). Для каждой школы устанавливалась годовая норма сбора макулатуры. Во-вторых, для стимулирования сбора макулатуры гражданами-читателями с 1974 года производился обмен собранной ими макулатуры на так называемые дефицитные, то есть отсутствующие в свободной продаже, товары, прежде всего книги. В результате почти в каждом доме имелись книжные полки, заставленные сочинениями «макулатурных» А. Дюма, М. Дрюона и других авторов, сделавшихся вдруг популярными. Многие собирали старые газеты и журналы, чтобы за 20 килограммов макулатуры получить

Макулатура

талоны на очередной том, а потом много раз заходить в книжный магазин (в специальный отдел) в надежде, что эта «макулатурная» книга поступила для выдачи (в свободной продаже «макулатурные» книги отсутствовали).

«Макулатурные» книги издавались огромными — особенно по сегодняшним меркам — тиражами. Так, в списки бестселлеров попали — не могли не попасть из-за гигантских, немыслимых сегодня тиражей — Н. Раевский («Избранное», 1978, тираж 400 000 экземпляров), двухтомник «Друзья Пушкина» (1985, 500 000), исторический роман И. Лажечникова «Последний Новик» (1983, 3 миллиона экземпляров). Только за первые пять лет после начала акции выпустили более 20 миллионов «макулатурных» книг.

Талоны (или абонементы) стали предметом спекуляции. А «макулатурные» издания хотя и издавались миллионными тиражами, спроса не удовлетворяли. Они продавались на **черном рынке** по цене в несколько раз дороже номинала.

В начале 1990-х годов макулатурная эпопея в стране закончилась.

Дети родителей, которые не один десяток лет собирали таким образом домашнюю библиотеку, обыкновенно не обнаруживали интереса к этому собранию, и подавляющая часть «макулатурных» книг отправилась в макулатуру (т. е. на уничтожение), и их место на книжных полках заняла новая литература (приобретенная без сдачи макулатуры), которую, несомненно, ждет та же участь — у каждого поколения свои литературные герои.

«МАЛЁК». Маленькая бутылка водки (0,25 л). Ее также называли «мерзавчик», «малышок», «малыш» или просто

«маленькая», а также «чекушка» или «четвертинка» (не путать со «шкаликом» — так в советское время называли совсем маленькие, по 50, 100 или 125 граммов, бутылочки с коньяком, реже — с водкой). Вообще-то, рыболовы называют «мальком» молодь всякой рыбы, употребляемую для наживления рыболовных крючков, но на слово клюнули не только рыболовы. А безобидное, хотя, на слух непосвященного, жуткое выражение «раздавить малыша» всего-навсего означает распить «маленькую».

В отличие от большой (полулитровой) бутылки маленькая не вызывала отторжения, неприятия даже у непьющих, напротив, относились к ней скорее ласково-снисходительно. Многие жены покупали «мальки» своим мужьям к ужину, распить «малек» на двоих считалось и не выпивкой вовсе, а так, разминкой, что ли. «Малек» в продолжение нескольких десятилетий стоил 1 рубль 49 копеек (эти цифры знал каждый советский человек), и, покупая его, кассиру просто называли цену, не говоря, в какой отдел. По этому поводу в то время существовал анекдот.

Мужчина подходит к кассе и говорит: «Рубль сорок девять». Кассирша у него спрашивает: «В какой отдел?» Мужчина отвечает: «В кондитерский!»

(При устном пересказе важно передать голосом чувство глубокого недоумения, которое овладело этим покупателем.) Или еще:

«Что такое ни то ни се?» — «Маленькая на двоих».

Герой А. И. Райкина в известном фильме «Волшебная сила искусства» вычисляет «маленькими» метраж комнаты.

С 1960-х «мальки» закрывались, как и прочие водочные бутылки (**водяра**), пробками с хвостиком, под которыми был кружочек картона с водонепроницаемой бумажкой. «Маленькая» легко помещалась в карман брюк, без труда

втискивалась на книжную полку (подальше от глаз жены), быстро выпивалась.

Ходовой анекдот 1960-х:

«Васенька, будь так добр, открой, пожалуйста, книжный шкаф, дорогой, там на третьей полке, за пятым томиком Маркса — „маленькая" стоит...»

«Маленькая» нравилась еще и потому, что ее при желании выпивали в самом неожиданном месте. Нередко это становилось событием, о котором участники не без удовольствия вспоминали спустя многие годы. Вот отрывок из воспоминаний Александра Городницкого: «Как-то в зимнюю пору мы с ним (с Г. Горбовским. — *И. Б.)* и с Агеевым распивали „маленькую" на невском льду, перед сфинксами, а поскольку стакана не было, то вырезали ножом рюмку из яблока. Вообще умение выпить входило как бы в кодекс». А умение выпить «маленькую» — между делом, средь бела дня, с приятелем — составляло одну из радостей тогдашней жизни.

И в заключение короткого рассказа о «мальке» (а ведь о нем можно книгу написать!) еще один анекдот:

«Мальчик, гулявший во дворе, рано вернулся домой.

— Что-то ты мало гулял, — заметила мама.

— Да там дядьки на скамейке говорят: „Давай раздавим малыша!"»

МАНЕВРЕННЫЙ ФОНД. Существовал некогда такой фонд в Ленинграде, и кто имел с ним дело, уже никогда не забудет. Когда какой-то дом шел на капитальный ремонт, это означало, что жильцов временно куда-нибудь переселяли. Как правило, людей переселяли в **коммуналки,** которые и назывались «маневренным фондом», ибо в них жили вот такие бедолаги, лишившиеся на время своего жилья. В. Конецкий описал все трудности переезда в маневренный

фонд в одной фразе: «...той зимой и у золотокудрой Гали... дом поставили на капитальный ремонт, а жильцов выселили в маневренный фонд, и вся жизнь состояла из мучительных переездов, известковой грязи на лестницах, торговли с биндюжниками, хождения по жилконторам за справками и глубокого безденежья». А в другом своем сочинении В. Конецкий просто убийственно точен: «Когда я жил в маневренном фонде, в квартире, где жило еще восемнадцать семейств, меня как-то навестил Ниточкин. Войдя в кухню и оглядывая даль коридора, он сказал:

— Пожалуй, это одно из немногих мест на планете, где везде ступала нога человека».

В маневренном фонде задерживались надолго — иногда на год и более, но самое печальное, что не все возвращались в свою квартиру: бывало, после капремонта она вдруг кому-то так начинала нравиться, что бывших жильцов обратно домой не пускали, настойчиво предлагая другие варианты. Так случилось и со мной в 1960-е годы (мы целый год жили с матерью в маневренном фонде в доме № 68 по Каменноостровскому проспекту), и лишь благодаря долгим и мучительным хождениям моей матери по инстанциям, с вручением бесконечных взяток (деньги в конверте, хрустальная ваза, шоколад) чиновникам и чиновницам (которым приходилось еще и улыбаться, что навсегда оставило во мне антипатию ко всей чиновной публике), нам удалось снова въехать в свою квартиру, на которую кто-то за время нашего годового отсутствия положил глаз. Потому многие боялись переезжать в маневренный фонд, чтобы не потерять навсегда свою квартиру.

МЕДВЫТРЕЗВИТЕЛЬ. Первый вытрезвитель в России под названием «Приют для опьяневших» открылся 7 ноября 1902 года в Туле. Первый советский вытрезвитель открыли 14 ноября 1931 года в Ленинграде, в доме № 79 по ул. Марата, причем в связи с этим приняли специальный циркуляр Главного управления милиции при Совете Народных

Комиссаров РСФСР, в котором говорилось, что «отобранные спиртные напитки подлежат возврату их владельцам по вытрезвлении».

Приказом наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии от 4 марта 1940 года медицинские вытрезвители вывели из Наркомата здравоохранения и подчинили НКВД. Надо полагать, ситуация с пьянством принимала серьезный оборот, если за дело взялись бериевские соколы.

После войны ситуация изменилась. 20 апреля 1949 года на ул. Скороходова, 16, открылся первый медвытрезвитель (в народе эти учреждения продолжали называть просто вытрезвителями). С осени 1963 года на Дровяной ул., 76, открылся женский медвытрезвитель на 10 койко-мест.

В апреле 1967 года приняли Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом воспитании злостных пьяниц (алкоголиков)». Основная цель вытрезвителя, по задумке властей, — помочь человеку.

Как же функционировали эти заведения? По статистике декабря 1936 года, в Ленинграде было подобрано 742 пьяных, из них 141 доставлен домой. Наряд милиции из двух милиционеров и водителя ездил по улицам на машине с надписью «Спецмедслужба». В этой машине пьяные доставлялись в медвытрезвитель; отвозить их домой, как это случалось до войны, запрещали. Также запрещалось доставлять в вытрезвитель следующие категории граждан: депутатов Советов народных депутатов (их следовало передавать представителям соответствующих Советов), иностранных дипломатов, военнослужащих в форме (их следовало сдавать представителям военной комендатуры), работников органов внутренних дел, госбезопасности и прокуратуры, Героев Советского Союза или Социалистического Труда, лиц, награжденных орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» трех степеней, Славы трех степеней, Трудовой Славы трех степеней — этих следовало передавать родственникам (т. е. все-таки, наверное, отвозить домой), женщин с явными признаками беременности, инвалидов с

явными признаками инвалидности направляли в лечебные учреждения. Таким образом, медвытрезвитель был открыт почти для всех категорий советского народонаселения, которые на момент задержания в пьяном виде не обнаруживали явных признаков беременности, не имели на груди орденов и не кричали: «Я есть иностранный подданный!»

По правилам в присутствии понятых специалист (фельдшер) проводил медицинское освидетельствование (с помощью трубки или лакмусовой бумаги). На его основании составлялся протокол и определялся срок пребывания в вытрезвителе (обычно не более суток). Вытрезвляемых размещали по палатам — мужчин отдельно от женщин. Понятые должны были присутствовать и при досмотре личных вещей.

Но это в теории. На практике выходило несколько по-другому. Милиционеров не раз обвиняли в превышении полномочий (случались и побои) и многочисленных кражах денег у «клиентов».

Меж тем пребывание в вытрезвителе некоторых «клиентов» вдохновляло на творчество. Поэт А. Фридман написал такие строки — и за себя, и за своих более известных соратников по перу:

Когда не стало вдруг водяры,
Я снова выпил проявитель...
В итоге я попал на нары
В постылый душный вытрезвитель.
...Не протрезвел еще покуда,
Поставлю я на место хама,
И мне ответит мент-паскуда
За Хармса и за Мандельштама...

В фильме «Осенний марафон» (1979 г.) Андрей Бузыкин (О. В. Басилашвили) забирает из вытрезвителя Хансена (Норберт Кухинке). У тогдашнего зрителя это вызывало улыбку. Хотя тем, кто туда попадал, шутить не хотелось. Медвытрезвитель называли в народе «хлебоуборочным комбайном».

МЕДПОМОЩЬ. Кто сказал, что медицинская помощь в СССР была бесплатной? В Ленинграде в начале 1960-х годов существовали платные поликлиники на пр. Майорова (ныне — Вознесенский), 9, на Большом проспекте Петроградской стороны, 10, а также платные стоматологические поликлиники (11 штук, из них одна круглосуточная, на Лиговском пр., 6).

В социалистическом Ленинграде для привилегированных лиц существовали свои лечебные заведения, например так называемая Свердловка, больница им. Свердлова, находившаяся сначала на Старорусской улице, в здании бывшей Евгеньевской больницы. В 1970-е годы для партийных и советских работников построили современный лечебный комплекс на Крестовском острове (ныне — Клинический центр передовых медицинских технологий). Те, кто не принадлежал к когорте «партийных и советских работников», но также хотел получать квалифицированную медпомощь, платили — врачам в качестве благодарности, посредникам, которые могли устроить больного в хорошую больницу. Альтернативой являлось просиживание в **очередях** в поликлинике. Причем очереди собиралось две — одна по талонам, а вторая по записи. Существовала и третья — «Я только спрошу!».

Этот последний вид очереди как наследие советского времени благополучно и безнаказанно живет до сих пор.

МНОЖИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА. Это сейчас — сунул лист в ксерокс, нажал зеленую кнопку, и все — получай копии. А тогда, лет двадцать назад, сперва получи разрешение, затем согласуй, после чего иди в соседнее здание и «отэрь», т. е. сделай копию на аппарате «ЭРА».

Пишущие машинки в государственных учреждениях находились на учете в «первых отделах» (секретная служба). На выходные и праздники машинки по инструкции запирались в специальные футляры. Так было в СССР до наступления эры множительной техники.

Первые электрофотографические устройства для изготовления офсетных печатных форм на алюминиевых или специальных бумажных пластинах появились в США в конце Второй мировой войны. С них у нас в стране и скопировали знаменитый аппарат ЭРА-1. А первый конторский копировальный аппарат Xerox-914 появился на рынке США в 1959 году. В СССР, проведя специальные исследования, электрографию сочли делом бесперспективным. Аппараты Xerox впервые представили советской публике в 1964 году на специальной выставке в Политехническом музее. Публика посмотрела и... надолго забыла о множительной технике. По-прежнему главным инструментом при перепечатке рукописей оставалась пишущая машинка. Надомницы, размножавшие таким образом **самиздат** или кандидатские диссертации, пользовались всеми благами тогдашней цивилизации, имели доступ к **дефициту** и регулярно отдыхали на Черноморском побережье Кавказа. Справедливости ради надо сказать, таких машинисток было мало. Чтобы заработать на пишущей машинке много денег, не вылезали из-за нее круглые сутки.

МОДА. При существовавших в советское время социально-экономических условиях ленинградцы все же одевались или, правильнее, хотели одеваться модно. Особенно, как это водится во все времена, модно стремилась одеваться молодежь. Но для СССР мода, особенно приходившая с Запада, рассматривалась прежде всего как попытка навязать молодежи чуждые ей ценности и стандарты. Мода являлась предметом дискуссий в кино и в литературе, при этом зрителя и читателя пытались предостеречь от увлечения модой, ибо для советского человека важны другие ценности. Вот характерная цитата из «Сентиментального романа» В. Пановой (1958 г.): «Однажды обсуждали: этично ли хорошо одеваться? Леньку Эгерштрома старшие братья устроили к себе в пошивочную мастерскую, и он оделся шикарно: завел модные брючки-„бутылочки“ из синего шевиота, модные туфли-„щучки“ и рубашку „апаш“. И вот по

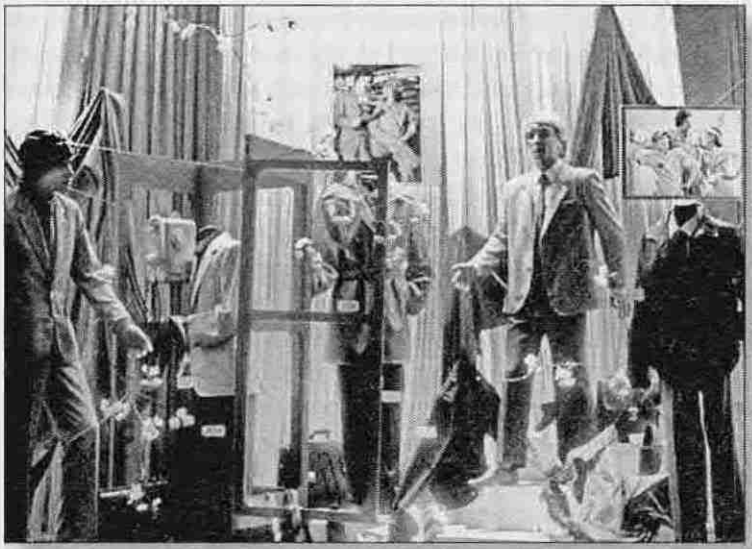
поводу его роскошного вида зашел разговор: правильно ли, что комсомолец ходит в туфлях из чистого шевро и брюках, за шитье которых заплачена частнику-портному громадная сумма? Допустимо ли это для человека, носящего значок Коминтерна молодежи, когда во всем мире, кроме Советской республики, массы еще угнетены и обездолены и, скажем, в Германии на окраинах городов люди ютятся в жилищах, сделанных из ящиков, потому что нечем платить за квартиру, и дети питаются картофельными очистками?

Зойка маленькая била кулачком по ладони и говорила страстно:

— Недопустимо, недопустимо!»

Примечательно, что эти строки написаны спустя год после Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Но СССР уже стремился приобщиться к моде, потому что был не только наслышан о ней, но и воочию увидел немало модных образцов одежды. До фестиваля информация о моде ограничивалась публикацией в советских журналах нескольких строк под рубриками «заграничные модели» или «в мире моды» — СССР к этому миру не принадлежал.

В 1950-х годах событием в советской моде стал переход от закругленной формы носка туфли и ботинка к заостренной (то же самое произойдет полвека спустя — в мире моды нет ничего нового). Представительницы прекрасного пола перешли на тонкий каблук («шпилька»). Как следствие, ленинградки и ленинградцы разделились на любителей «узконосой» и «широконосой» обуви, а вот проблема приобретения модной обуви только обострилась. Обувная промышленность Ленинграда, как и вся легкая индустрия страны, перестраивалась крайне медленно. Даже в 1956 году с конвейера «Скорохода» продолжала поступать парусиновая обувь, которая уже давно вышла из моды. Ленинградские модницы и модники после триумфально прошедших в городе фестивалей французского и итальянского **кино** стали копировать туалеты уже уходившего стиля



Витрина магазина одежды. 1980-е гг.

Журналы мод

«NewLook». Среди модников, приверженцев этого стиля, оказалось немало представителей номенклатуры, поэтому этот стиль в советской интерпретации приобрел несколько «официальный» оттенок. Мужской вариант стиля «New Look» по-советски состоял из бостонового костюма с широкими брюками, габардинового мантеля (т. е. плаща) и широкополой шляпы — все квадратное, двубортное, солидное, пошитое на века, прочное, как советская власть. Важно было при этом — как носить ту или иную вещь. Например, кепка-лондонка, надетая козырьком назад, указывала в 1950-е годы на принадлежность к шпане.

Женщины старательно соединяли доморощенные изобретения с импортными «штучками»: волосы убирали в нитяные сетки на резинке, а зимой носили «менингитки» — женские шапочки, прикрывавшие лишь макушку и вошедшие в моду после показа в Ленинграде американского фильма «Римские каникулы» (1953 г.) с О. Хепберн. После триумфального показа в СССР фильма «Колдунья» (1955 г.) с М. Влади в главной роли стало модным среди части женского населения СССР ходить с распущенными волосами. В моде были муфты (руки в тепле, тут же кошелек, ключи и платочек), «румынки» — высокая, отороченная мехом обувь. Мужчины носили рубашки из поплина с этикетками «Дружба». Эти рубашки шили в Китае, китайские же брюки, но модники предпочитали нечто другое. Поэт Евгений Рейн так описывал свой наряд 1956 года: «*.роскошная черная шляпа типа „борсалино" из тонкого фетра...американское пальто пиджачного типа с карманом на груди...*».

В советское время в моду вошли практичные вещи, например **галоши,** но не позднее 1950—1960-х годов (хотя многие ленинградцы и в 1960-е годы ходили по городу в валенках и галошах — и правильно делали; еще и в 1970-е многие носили бурки). Модной считалась импортная одежда, например расшитые жар-птицами китайские халаты, в которых женщины ходили по коммунальной квартире или в вагоне купейного поезда на зависть тем, кто такой халат

приобрести не мог. Некоторые представители советской молодежи ловко, не без риска, выискивали бреши в советской действительности и, как следствие, наряжались сами и сеяли окрест очаги модных иностранных тенденций.

Молодежь не признавала бесформенные темные плащи, которые носили люди старшего поколения, серые пальто с каракулевыми отворотами, двубортные темно-синие костюмы и шапки-пирожки из шкуры норки. Взрослые же брезгливо посматривали на молодых людей в джинсах, а бабушки открыто плевали вслед девицам в мини. Советская мода делила людей на лагеря и группы: кто-то одевался «модно», чтобы подчеркнуть свою причастность к миру торговли или к «загранке», кто-то выставлял напоказ свою принадлежность к военному ведомству (слово «мода» там не признается, но щеголей пруд пруди, особенно среди моряков).

Одеваться модно ежедневно советские женщины не могли; некоторые одевались вычурно, но это не всегда значило «модно», да и далеко не все могли позволить себе натуральные меха, например. Единственной радостью для многих женщин являлся наряд пятилетней давности — платье «на выход» и туфельки «на каблучке». Посмотревшись в зеркало, встроенное в платяной шкаф, загромождающий значительную часть комнаты в коммунальной квартире, она могла отправиться на первомайские торжества или на ноябрьскую демонстрацию, чтобы поглядеть, кто в чем одет, ну и, разумеется, себя показать. Когда в Ленинграде в 1960-е годы появились «салоны для новобрачных», в которых продавались вещи, не имевшиеся в других магазинах, стали объявляться «фиктивные» пары. Подав заявление в загс и заплатив копеечную пошлину, они получали приглашение в салон.

Советское искусство, и важнейшее из них кино, прославляло трудениц — птичниц и доярок, электросварщиц и крановщиц, женщин в робах и ватниках, но женщины-зрительницы — вольно или невольно — стремились подражать киношным красавицам, а не стахановкам. Кино для многих было единственным источником получения

информации о том, что модно и как это выглядит, и режиссер — вольно или невольно — даже свинарку показывал всей стране в ослепительном макияже. Звезды кинематографа демонстрировали с экрана яркие наряды, становившиеся своего рода ориентирами для тех, кто хотел одеваться модно. Взять хотя бы «диоровское» платье Л. М. Гурченко из «Карнавальной ночи» (1956 г.). В 1956 году на экраны СССР вышел фильм «И Бог создал женщину» с Бриджит Бардо в главной роли, и советские женщины впервые увидели купальник «бикини», который вскоре вошел в моду, но далеко не каждая могла его приобрести. В начале 1960-х годов у ленинградок стали популярны юбки-«колокол» (присборенные у талии). Потом стала затихать мода на муфты, чернобурки, но все популярнее становились брючные костюмы (брюки зауженного кроя, по фигуре; *«классические брюки характеризуются умеренным объмом вверху»*, — читаем в рекламе того времени), платья-«трапеции» с минимумом конструктивных деталей. На работу или в общественные места (например, в рестораны, в театры) женщины в брюках не ходили. Носили их главным образом на отдыхе, за городом, на юге (по примеру популярной актрисы Н. Фатеевой, появившейся в брюках на пляже в фильме «Три плюс два», 1963 г.).

Огромный интерес у ленинградских женщин вызвали трофейные фильмы «Петер» (1934 г.) и «Маленькая мама» (1935 г.) с венгерской актрисой Франческой Гааль, снимавшейся в Голливуде в главной роли (эти фильмы добрались до СССР для массового показа только в 1950-е годы, хотя кое-кто видел их и до войны). Фетровая шляпка, которую носила «маленькая мама» в фильме, в ленинградских магазинах шла нарасхват. Благодаря Гааль некоторые советские женщины, из числа наиболее смелых, подражая героине из фильма «Петер», стали носить брюки, но это единичные случаи.

Что до мужчин, то одеваться модно они, кажется, в большинстве своем и не стремились. Те, кто носил платочек на шее, или облачался в заморский замшевый пиджак, или надевал башмаки «на платформе», или брюки-«дудочки»,

неизменно становились объектом советской сатиры и, что гораздо неприятнее, предметом насмешек товарищей по работе и знакомых. Среди мужчин пользовались популярностью рабочие (или «технические»), а также военные профессии, а рабочим, считалось, не пристало обращать на себя внимание внешним видом. Советская легкая промышленность меж тем не оставляла мужчинам большого выбора — либо темно-синий костюм, либо черный (а ведь еще в 1950-х годах выпускались летние белые костюмы для мужчин), либо такая шляпа, либо... никакой или берет, который многие воспринимали как стариковский головной убор. Даже летом мужчины продолжали носить пиджаки, из которых не вылезали зимой. Мужчинами, вернее, их женами, обремененными домашним хозяйством, при котором стирка была тяжелой процедурой, предпочиталась практичная одежда, скромная, «немаркая», поэтому в массе советский мужчина, облаченный во все темное, притом отечественное, чувствовал себя как свой среди своих и не испытывал неприятных ощущений, вызванных притяжением завистливых или презрительных взглядов. Так устроен мир: мужчины-модельеры одевают женщин, а женщины одевают мужей. Неженатые студенты в 1970-е годы носили расклешенные джинсы. А поскольку достать такие джинсы практически не удавалось, то шили **самопал:** отрезали лишнюю длину и вставляли клинья. Отлично помню свои джинсы с клиньями — они так долго не снашивались, что даже сейчас, по прошествии нескольких десятков лет, не выветриваются из памяти.

Вообще советская мода весьма оригинальна: когда-то считалось модным ходить с пластиковыми пакетами. Советская промышленность их не выпускала, и пакеты привозили из-за границы. Чтобы сохранить пакет, его мыли, сушили, а потом щеголяли с ним по улицам, рекламируя, например, сигареты **«Мальборо»**.

МОРЖИ. Так в Ленинграде называют людей, которые занимаются зимним плаванием. Эти люди объединяются в

Моржи

клубы. Первый в нашем городе «Клуб закаливания и зимнего плавания Московского района» основали в 1958 году жители блокадного Ленинграда. В клуб принимали моржей в возрасте от 8 до 88 лет (хотя восьмидесятивосьмилетние ленинградцы не спешили стать членами этого клуба, больше туда шли сорокалетние, которые по причине пошатнувшегося здоровья готовы были на все, даже в ледяную прорубь с головой). Моржи собирались в парке Победы в конце сентября. С наступлением зимы на Матросском пруду парка вырубали прорубь длиной 25 метров. Клуб действует до сих пор.

Но самое известное место купания моржей — у стен Петропавловской крепости. А самое интересное — зрители, которые, дрожа в своих зимних одеждах, с ужасом смотрят на голых людей, барахтающихся в проруби.

МОРОЖЕНОЕ. Любимое лакомство ленинградцев-петербуржцев не одного поколения. Продавали мороженое во всех кинотеатрах Ленинграда, в парках, на вокзалах, на улицах, с тележек, а также в кафе-мороженых — в этих заведениях всегда в 1960—1970-е годы можно было без проблем еще и

выпить сухого вина или шампанского, что привлекало туда не только мам с детьми, но и мужские компании.

А началась популярность этих кафе с 1950-х, когда принялись закрывать заведения с дурной репутацией и открывать «мороженицы» — в надежде на то, что в них будет собираться только приличная публика. Так, в помещении бывшего ресторана «Москва» действовала заурядная советская забегаловка, где, как писала «Ленинградская правда», «чуть ли не по целым дням, а особенно по вечерам фланируют какие-то „сверхмодные" молодые люди в длиннополых пиджаках и с „тарзаньими" прическами. Большинство из них в нетрезвом виде». Призыв газеты услышали, и летом 1955-го в доме на Владимирском пр., 2, открыли «мороженицу», о чем ленинградцев оповестила газета: «Мороженое и пломбиры сливочные, сливочно-фруктовые и ягодные разных наименований, торты из пломбира, эскимо и др. всегда в широком ассортименте во вновь открытом специализированном магазине „Мороженое"».

В мае 1841 года выходец из Швейцарии Доминик Рицца Порта «для удовольствия публики высшего класса» открыл в этом доме первый в России кафе-ресторан, который славился хорошей кухней и доступными ценами и пользовался популярностью у любителей бильярда, домино, шашек, шахмат (здесь часто играл М. И. Чигорин).

Ежедневно у Доминика бывало до полутора тысяч человек, среди постоянных посетителей — Ф. М. Достоевский, Д. И. Менделеев; интерьер ресторана запечатлен на рисунке И. Е. Репина. В 1917 году «Доминик» закрыли, и в конце 1920-х в его помещении устроили кафе, а незадолго перед войной — кафе-мороженое, меблированное ленинградским заводом «Интурист» в «большом стиле».

Зеленые плюшевые диваны, по цвету напоминавшие кожу земноводных, дали заведению народное название «Лягушатник». Это кафе пользовалось большой популярностью.

Направо от входа была «забегаловка», где никогда никто не сидел, и два зала, обитые зеленым плюшем. Справа

находился гардероб, дальше — туалеты, а слева стояли очень уютные полукруглые диванчики, устроившись на которых, посетитель становился незаметным для окружающих. «Лягушатник» считался очень удобным местом для студентов Финансово-экономического института, который находился неподалеку. Кафе открывалось в двенадцать часов, и к этому времени сюда стекался студенческий народ. До двух-трех часов сюда приходили студенты посидеть и почитать, после чего в кафе появлялись «нормальные» посетители, как правило, студентки Торгового института, которые давали подзаработать девушкам-официанткам.

В 1960-е здесь постоянно собиралась компания ленинградских студентов, некоторые из которых потом покинули СССР и осели в Израиле, Германии и других странах. В начале семидесятых в «Лягушатнике» стали появляться молодые девушки, любительницы выпить и покурить, что здесь не приветствовалось. Какое-то время администрация закрывала на это глаза, но потом курение запретили. Постепенно «Лягушатник», утратив своих постоянных посетителей, превратился в заурядное кафе-мороженое, куда юноши приводили девушек, а мамы — своих чад.

Из «официальных» названий кафе-мороженое вспоминаются следующие: «Мечта», «Огонек», «Пингвин», «Светлячок», «Улыбка», «Встреча». Примечательно, что завсегдатаи никогда не употребляли этих типовых названий (ни исторически, ни топографически и никаким иным образом не привязанных к месту), а выдумывали что-то свое. Так, в 1970-е годы кафе-мороженое на улице Каляева (ныне — Захарьевская) называлось (во всяком случае среди коллег-студентов) «Бревно», ибо рядом со входом в это заведение несколько лет лежал обрубок дерева, на котором устраивали перекур (курить в кафе-мороженых запрещалось, туалетов — для посетителей — не было).

В 1960—1970-е редко пустовало кафе-мороженое № 2 «Ленавтоматторга» на Среднем проспекте Васильевского острова, 9. Названия оно не имело, а вот что предлагали

Тележка с мороженым

в те же годы в кафе «Пингвин» на Большом проспекте, 31, Петроградской стороны, можно догадаться по названию. А вот еще «говорящие» названия — «Снежинка» (Московский пр., 159), «Холодок» (Садовая ул., 97).

Выстояв очередь, в мороженице получали в вазочке из нержавейки разноцветные шарики пломбира, крем-брюле и фруктовое мороженое, обильно (по желанию) политое (или не политое вовсе) приторным сиропом (а то и двойным сиропом!), от которого губы склеивались. Мало-помалу ушли в прошлое, оставшись в воспоминаниях особо памятливых сладкоежек, походы в мороженицу, где они не только лакомились мороженым, но и увидели много интересного. Вазочку предварительно охлаждали и клали в нее, скажем, три шарика мороженого, при этом шарик шоколадного мороженого поливали кофейным сиропом, шарик черносмородинового мороженого — малиновым сиропом, а шарик сливочного мороженого — апельсиновым. По бокам с четырех сторон укладывались охлажденные взбитые сливки. Очередь терпеливо ждала, наблюдая за всеми этими процедурами. В мороженицу ходили парами еще и потому, что один человек занимал два места за столиком, другой стоял в очереди.

«На десерт» — лимонад «Буратино» (не чета нынешним иноземным газированным напиткам, которые не утоляют

жажду, а возбуждают ее), молочный коктейль, сбитый в железном конусе, с трубочкой. Взрослые брали себе шампанского, красного сухого или коньяку (мороженое — на закуску, другой закуски в этих кафе не было, если не считать таковой конфеты и шоколад).

Сначала исчезли мороженицы в спальных районах. На их месте стали появляться магазины, залы игровых автоматов. Потом закрылась мороженица в начале Гороховой. Напротив Публичной библиотеки, в подвале, в котором тоже долгое время находилась мороженица, открылся магазин. Закончило свой жизненный путь и кафе-мороженое на Садовой, неподалеку от Сенной. В помещении бывшей мороженицы на углу Каменноостровского проспекта и Большой Монетной улицы с незабываемым интерьером сегодня продают очки. Даже «Лягушатник» превратился в Интернет-клуб.

Еще в 1998 году, выходя на Невский проспект, можно было подумать, что мороженое — единственный продукт, которым питаются местные жители. Огромное количество тележек стояло на Большой и Малой Конюшенной улицах, на углах Садовой улицы и Литейного проспекта, у Московского вокзала и в других местах. В наши дни спрос на мороженое значительно снизился из-за широкого ассортимента разного рода сластей и десертов, не идущего ни в какое сравнение с тем, что встречалось 30—40 лет назад.

МОХЕР. Слово нынче совсем забытое, большинству и незнакомое, а когда-то, лет тридцать назад, слышалось отовсюду, потому как шарфы из мохера носились не сказать, чтобы с удовольствием, но и не без оного.

Из мохера вязали шапки, которые женщины начесывали, а также кофточки, джемпера. А вот шарфы из мохера не вязали — их «доставали» и надевали вместе с плащом болонья. О человеке с мохеровым шарфом и в плаще **болонья** нельзя сказать, что он одет по **моде,** но сам он считал именно так.

Н

НАБОРЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ. Когда в СССР в брежневское время исчезли некоторые продукты, особенно качественные, организовали систему поставок продовольственных наборов на предприятия и в учреждения. Все сотрудники получали право на получение примерно раз в месяц банки сгущенного молока, копченой горбуши, банки растворимого кофе, палки колбасы твердого копчения (в свободной продаже такой колбасы вообще видели) и чего-нибудь **в нагрузку.** К дефицитным продуктам добавлялось нечто несъедобное, «каменное» печенье под названием «Мария», например, или помятые банки с кабачковой икрой, которая стояла на полках всех продовольственных магазинов, или зеленые бананы, дозревающие потом на шкафу (в свободной продаже бананы практически не появлялись). Хлеб, макароны, картофель в эти наборы не входили, поэтому говорить о том, что с продовольствием было в это время совсем плохо, не приходится.

Существовали и «праздничные продуктовые наборы» — в этих случаях паек пополнялся банкой красной икры. Продовольственный набор приходился всегда кстати, и я не могу припомнить, чтобы от него кто-нибудь отказывался.

НАГРУЗКА. Это слово в советское время, помимо общеизвестных («школьная нагрузка», «физическая нагрузка», «преподавательская нагрузка» и т. д.), имело еще и два таких значения: 1) дополнительное поручение для работника, связанное, как правило, с общественной работой; 2) товар, который человек обязывался покупать дополнительно («в нагрузку») к тому товару, который приобретал добровольно.

Чтобы подписаться на какое-то издание, бывшее в **дефиците,** например на газету «Советский спорт», подписывались и получали «в нагрузку» «Блокнот агитатора», причем на год.

Некоторые непопулярные, а то и неизвестные широкой публике исполнители удивлялись заполненным залам в Ленинграде. Объяснялось все просто: людям давали билет на концерт в нагрузку, выбросить его было жалко, вот они и приходили на концерт.

Но гораздо неприятнее для многих являлась так называемая «общественная нагрузка». Помимо выполнения своих прямых обязанностей на работе полагалось еще иметь и «нагрузку» (например, быть дружинником), что отражалось в характеристике, например при поездке за границу (**Туризм**). Строптивые могли не подписаться на «Советский спорт» и не ездили за границу.

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ. О Невском проспекте писали многие, например наш классик Н. В. Гоголь и наш современник М. И. Веллер. Каждый автор стремился выделить в главной артерии города некую характерную для своего времени черту. В. М. Шукшин назвал Невский проспект *«коридором ленинградской коммунальной квартиры»*.

Для нас, студентов 1960—1970-х годов, Невский проспект был, как мы его называли, Бродом (но только отрезок от Литейного до площади Восстания по четной стороне, самая модная часть Невского) — ну чем не Бродвей: это и своего рода подиум, где демонстрировали знакомым (они

наверняка попадутся!) новые фирменные джинсы или башмаки на платформе. Тут тебе и заведения, где можно дешево перекусить, — кафе «Минутка», пирожки по 6—11 копеек, с чем хочешь: с мясом, с рыбой, с черникой, с морковкой, с рисом и яйцами, и все это в двух вариантах — выпечные и жареные, бульон за 6 копеек, чай, кофе и, конечно, знаменитые беляши. Или «Котлетная» на углу Мойки и Невского — горячая котлета на куске черного хлеба, горчица на столах. Наши предшественники, студенты 1950-х годов, посещали «Кафе-автомат» на Невском пр., 47: берешь килограмм сосисок, хлеб и горчица, опять же, на столе, в изобилии и, главное, даром — отличный обед, после которого путь нередко лежал в ресторан «Метрополь» на Садовой улице, куда приходили уже пить, а не есть: литр водки на троих, килька с яйцом (отдельное блюдо), тарелка маринованных обрезков... Такое не забывается. Еще на Невском находился «Сайгон», о котором пойдет отдельный разговор, а также кинотеатры — «Баррикада», «Титан» (Кино)... А сколько лекций прогуливалось на Невском проспекте, зато сколько знаний приобретено! Где, например, еще узнаешь, что только в «Лягушатнике» можно взять по сто коньяку с приятелем и сифон с газировкой? Кто, в каком университете научит, что пятьдесят коньяку и сто пятьдесят шампанского, смешанные вместе, куда лучше для восприятия жизни, чем сто и сто? На Невском, если напрячь память и отбросить услужливое воображение, существовало немало уютных подвальчиков, где поднабирались разного рода необходимых для наилучшего восприятия жизни знаний. Невский, по сути, самый настоящий Бродвей (от английских слов «broad» и «way» — «широкая дорога»). Машины в последней трети минувшего столетия на тротуаре не ставили, и идти по этому широкому проспекту, хоть по солнечной его стороне (четной), хоть по несолнечной (нечетной), доставляло одно удовольствие. Причем, что примечательно, на Невском всегда было куда идти. В середине 1950-х годов многие собирались в Катькином садике (т. е. в Екатерининском саду), где на эстраде выступал знаменитый

Невский проспект у Аничкова моста. 1960-е гг.

Площадь Восстания. 1960-е гг.

Невский проспект у Казанского собора. 1968 г.

Ленинград. 1985 г.

Невский проспект. 1980-е гг.

Невский проспект. 1980-е гг.

Эдди Рознер, только что отсидевший почти десять лет в Магадане (музыканты оркестра Эдди Рознера озвучивали знаменитую «Карнавальную ночь», но известными их сделали «живые» концерты). Равнодушные к джазу дамочки спешили на Невский, 12, где находилось знаменитое ателье «Смерть мужьям, тюрьма любовникам». Цены в этом трикотажном женском ателье высшего разряда разоряли не только мужей, но и богатых любовников, отсюда название. На Невском проспекте находились США. Эта аббревиатура означала «Советское шампанское» — так назывались два популярных заведения, где можно было отведать «Устрицу пустыни» (50 шампанского + 50 коньяка), или «Белого медведя» (100 водки + 100 шампанского) и шествовать дальше. В ресторане «Москва» (Невский, 49) в баре наибольшим спросом пользовался у завсегдатаев коктейль под названием «Огненный шар», но не только он привлекал сюда посетителей: заведение славилось самыми замысловатыми коктейлями, которых не было больше нигде в городе. Если отодвинуть на задворки памяти ленинградские питейные и съестные заведения, то на ум приходят редакции газет и журналов, находившихся некогда на Невском: в доме № 3 долгие годы помещалась редакция журнала «Нева», а в доме № 7 — издательство «Аврора», знаменитое альбомами по искусству, печатавшимися за границей, в доме № 53 — редакция журнала «Ленинградская панорама». В Доме книги, на 6-м этаже, находилось Ленинградское отделение издательства «Художественная литература». Во всех этих редакциях в 1980-е годы я не раз встречал тех же людей, которые с удовольствием, а иногда и по работе посещали США и прочие заведения Невского. Мало того, «Сайгон» или кафе на Малой Садовой, например, по числу литераторов на квадратный метр неизменно превосходили редакции всех газет, журналов и издательств Ленинграда.

Невский по справедливости называли еще и «проспектом веротерпимости» — столько здесь церквей различных конфессий. Ему подошло бы и название «проспект просвещения», так как помимо разных редакций здесь

расположены магазины старой книги, и вечно полный народа Дом книги, и Публичная библиотека, и театры...

Плакат «Несуны»

НЕСУНЫ. Несунами в советское время называли людей, расхищавших социалистическую собственность в мелких объемах. У кого-то из представителей наименее сознательной части населения в один прекрасный день возникло ощущение, что родное предприятие ценно не столько зарплатой, которую оно платит, сколько возможностью вынести что-нибудь полезное либо для своих личных нужд, либо на продажу. С этим ощущением несуны и жили, иногда долго и неплохо, ибо при **дефиците** спрос постоянно держался на многие товары. С производств несли все, что только можно вынести, обнаруживая чудеса смекалки и находчивости. Так, с ликеро-водочных заводов вывозили продукцию этих предприятий ящиками (милиция была в доле), а вот вынести бутылку через проходную не получалось. В проходной неизменно дежурил пост милиции. Не доходя несколько метров до проходной, несуны выпивали, кто сколько может, и выходили на улицу, вынося спиртное в организме.

НОВЫЙ ГОД. С 1947 года 1 января снова стал «красным днем календаря», то есть нерабочим. После Великой Отечественной войны Новый год встречали большими компаниями (иногда — целыми коммунальными квартирами) с водкой и шампанским, сладкими винами для дам (сухое вино не пользовалось популярностью, да и отвыкли от

Застолье. 1950-е гг.

него за годы войны), на закуску — вареная картошка (часто в «мундире»), винегрет с селедкой, украшенный колечками лука, студень, латвийские шпроты, салат оливье (без майонеза — в 1940—1950-х его еще не было) с вареной колбасой, реже — заливная рыба, соленые огурцы, квашеная капуста, нарезанная ветчинно-рубленая колбаса, сыр. Салат и винегрет готовили в большом тазу или в кастрюле. В 1960-е годы кто-то покупал на рынке гуся (стоил 8—10 рублей штука) и запекал с яблоками (кто-то и за всю жизнь гуся не пробовал). Мясо в магазине стоило 1 рубль 90 копеек — 2 рубля 10 копеек за килограмм, и покупали его, постояв в очереди. В Елисеевском магазине в рыбном отделе продавалась развесная икра и — в том же магазине — ветчина, буженина, полукопченая колбаса.

Шумели вовсю. Праздновать Новый год уже не считалось предосудительным — не то что до войны. На Новый год, с появлением в советских семьях телевизоров, все смотрели «Голубые огоньки». Позже стали появляться специальные «новогодние» фильмы.

Елочные базары в 1950-е годы не открывали, елки покупали с рук у тех, кто рубил их в лесу и продавал из-под полы

возле **рынков,** на что власти закрывали глаза. Нередко родственники из деревни присылали ленинградцам елки поездом, через проводников. Получив телеграмму с номером поезда и вагона, отправлялись на вокзал и, вручив проводнику небольшие деньги, получали завернутую в мешковину елку. В 1950—1960-е годы елки продавались натуральные, только примерно с конца 1970-х годов стали появляться в Гостином Дворе искусственные елки из ГДР. Елки украшали игрушками, яблоками, орехами, конфетами. Венчала елку красная звезда, а не шестиконечная Вифлеемская звезда; когда-то, до 1917 года, она устанавливалась в память о звезде, которая указала волхвам путь к пещере, где родился Иисус Христос. Хотя у кого-то из ленинградцев и сохранились шестиконечные звезды («от бабушки»), тогда пользовались другими символами, что и понятно, ибо совсем недавно была одержана победа в Великой Отечественной войне.

Эпоха **дефицита** началась в середине 1970-х годов, но на новогодних столах это практически не отразилось.

Хотя полки в магазинах пустовали, ленинградцы берегли к празднику дефицитные товары: банки с консервами (горбуша, печень трески), консервированные болгарские овощи, крымские вина. К празднику на предприятиях обычно выдавали **продовольственные наборы:** колбасу, сыр, майонез, шампанское.

В 1980-х годах ситуация с продуктами в лучшую сторону не изменилась, но к ней прибавилась новая напасть: антиалкогольная кампания. Алкоголь исчез из свободной продажи, и некоторое время даже в ресторанах и кафе не подавали ничего алкогольного.

В 1991 году после почти 75-летнего перерыва в России вновь стали праздновать Рождество Христово. 7 января объявили нерабочим днем: по телевизору показывали рождественские службы и объясняли россиянам, как следует проводить святой праздник. Кто запомнил — тот теперь так и празднует, а кто нет — отмечает Новый год. Последних подавляющее большинство.

ОБЩЕПИТ. Эта несложная и весьма распространенная в свое время **аббревиатура** означает общественное питание. В 1971 году в Ленинграде было 4039 предприятий общепита. Это главным образом столовые, закусочные, буфеты, пирожковые, пельменные, кафе, рестораны, ранее — в 1950—1960-е годы — фабрики-кухни. Качество пищи в большинстве случаев — весьма низкое (особенно в столовых и тем более в заводских), обслуживание — ниже всякой критики (официанты, повара, зав. столовыми — вечный объект советской сатиры; фраза недовольной официантки «Вас много, я одна» кочевала из одного заведения в другое). Хотя были исключения. Так, многие с удовольствием вспоминают (до сих пор!) столовую на железнодорожной станции «Кушелевка» (такой солянки, как там, больше нигде в городе не было). Отличная столовая была у станции метро «Василеостровская» под названием «Петушки». Некоторые столовые, например «Белая ночь» на Кировском (ныне — Каменноостровском) проспекте, претендовали на звание ресторана (белые скатерти, официанты и пр.), и в них неизменно, как в рестораны, стояли длинные очереди. Лучшим в Ленинграде в 1970-е годы считался ресторан «Кавказский», но, на мой взгляд, пальму первенства нужно отдать ресторану «Баку» на Садовой улице, 12. Там всегда, круглый год,

Ресторан «Олень». Зеленогороск. 1970-е гг.

была свежая зелень (ее больше не было нигде в городе — ни на рынках, ни в ресторанах, ни в магазинах), отличные шашлыки, быстрое и качественное обслуживание. Днем превосходный обед в «Баку» обходился в 1 (один) рубль.

Отличные рестораны были в гостинице **«Европейская»**, где к тому же всегда можно было встретить известных артистов, баскетболистов, шахматистов, дикторов телевидения и прочих тогдашних знаменитостей.

В начале 1960-х годов в Ленинграде существовало чуть больше двадцати ресторанов, не считая 6 находящихся при вокзалах, из которых лучшим по праву считался ресторан при Балтийском вокзале. В ресторане при Финляндском вокзале в 1950—1960-е годы собирались поклонники певицы Нонны Сухановой (кстати, она пела в знаменитом фильме «Человек-амфибия»). Спустя всего год после смерти Сталина она первой в стране запела по-английски. Из шести загородных ресторанов наибольшей известностью пользовался ресторан «Олень» в Зеленогорске. Он открылся летом 1967 года; при ресторане находились кафе и магазин кулинарии. Только здесь и нигде больше можно было отведать оленину. Ресторан посещали многие знаменитости,

Вывеска ресторана «Садко»

например американский космонавт Н. Армстронг. Л. И. Брежнев однажды устроил в «Олене» ужин в честь президента Финляндии У. К. Кекконена. Закрылся «Олень» в 2007 году (здание снесено).

Некоторые питерские рестораны пережили революции и войны. Более ста лет в доме № 22 по Садовой улице существовал **ресторан «Метрополь»**. В огромном зале ресторана с мраморными колоннами, хрустальными люстрами и тяжелыми портьерами уютно чувствовала себя ленинградская номенклатура, **фарцовщики,** военные в высоких чинах (начиная от подполковника). В 2005 году ресторан закрылся, да о нем, кажется, никто и не горевал особенно, разве что ветераны ресторанного дела вспоминают в узком кругу седовласых товарищей о том, что в «Метрополе» было самое толстое в Ленинграде меню, упакованное в папку из искусственной кожи. Правда, меню это до конца читать не приходилось, так как стоявший рядом официант советовал взять то, что в меню не значилось вовсе — чаще всего цыпленка-табака или котлету по-киевски. Кто ж откажется от этого знакомого и любимого блюда, да еще с графинчиком водочки?

Говоря о «Метрополе», нужно обязательно упомянуть, что директором ресторана в 1950-е годы был М. А. Максимов, который в 1942 году, будучи лейтенантом, написал слова песни «Синий платочек», широко известной по всей стране благодаря К. И. Шульженко. Если бы этот факт

использовали для рекламы заведения (например, на стене — фото Максимова), это наверняка сообщило бы особую привлекательность ресторану, но в те времена подобного рода **реклама** не приветствовалась. Хотя «Метрополь» был единственным в Ленинграде местом общепита, где во время масленицы на дверях вывешивали табличку: «У нас сегодня блины».

Замечу здесь, что ресторанов в Ленинграде было так мало, что, взяв такси в любой части города, водителю просто говорили: «В „Метрополь"!» Или: «В „Баку"!», и, не задавая лишних вопросов, пассажиров доставляли к нужному месту. Нынче это невозможно.

Места, где можно было быстро выпить и закусить, назывались в Ленинграде забегаловками — забежал, съел, выбежал. Само слово «забегаловка» появилось в 1960-е годы. По определению Юлиана Тувима, это место, куда каждый вечер ходят «последний раз в жизни», но... продолжают постоянно ходить. И, замечу, ходили и писатели — раз уж тут упомянут Тувим, — и прототипы их героев. Вот описание забегаловки из романа Ю. Бондарева «Тишина»: *«Забегаловка в этот утренний час была свободной, разрисованные морозом стекла сумеречно затемняли ее. Кисло пахло устоявшимся табачным перегаром, холодным пивом. За стойкой, опершись локтями, в халате поверх пальто стояла широкая в плечах продавщица, игривым голосом разговаривала с молодым парнем, пьющим пиво, — шинель без погон горбилась на его спине, к стойке прислонен костыль»*. В. Конецкий в рассказе «Набережная Лейтенанта Шмидта» называет точный адрес одной из ленинградских забегаловок: «В *те времена на углу Восьмой линии и набережной находилась маленькая забегаловка в подвале»*.

До советского времени дожили помещения некогда известных питерских ресторанов — но, к сожалению, только помещения. А. Городницкий писал в своих воспоминаниях «И вблизи, и вдали»: *«На углу Восьмой и Среднего, где теперь стоянка такси, неподалеку от тогдашнего ресторана*

„Лондон", превратившегося в наши дни в заштатную и грязную столовку, дежурили извозчики в высоких черных пролетках с откидным верхом и лаковыми же черными крыльями».

Под понятие «забегаловка» подходили многие советские заведения общепита, но существовали и другие «точки».

В 1960-е годы власти стали насаждать — не без молчаливого согласия со стороны молодежи — так называемые «молодежные кафе», которые, по мысли безвестных устроителей, призваны были помочь в организации досуга молодым людям (а тем и вправду негде было *посидеть*). В 1963 году открылось больше десяти подобного рода заведений, где за чашкой кофе собирались молодые люди, чтобы послушать выступления поэтов, спортсменов и пр. Молодежь встречалась с интересными людьми города и приезжавшими на гастроли ансамблями, артистами театра и кино. Молодежные кафе делали специально для молодежи и оформляли в духе того времени — «модерн» в стекле, бетоне и алюминии. Внизу — огромный зал со столиками на разных уровнях, место для танцев и эстрада, наверху — стойка бара и столики для гостей, откуда было хорошо видно, что происходит внизу. И меню, конечно, было соответствующим — легкие закуски, пирожные, мороженое, кофе. Названия эти кафе носили одинаковые по всей стране (и Ленинград не исключение): «Улыбка», «Лакомка», «Буратино», «Ровесник», «Дружба», «Ландыш», «Ласточка», «Фантазия». В народе, впрочем, этим заведениям давали свои имена. Так, кафе «Ровесник» на пр. Карла Маркса, 45, получило неофициальное название «Серая лошадь».

Прежде чем выделить среди заведений общепита еще несколько категорий, упомяну одно уникальное кафе. Во время хрущевской «кукурузной эпопеи», в конце октября 1963-го, на Невском проспекте, 136, открылось кафе с многообещающим названием «Чудесница». Его посетителям предлагалось отведать «кукурузных» конфет, шоколада и даже вина. Правда, просуществовало это странное

заведение сравнительно недолго — до октября 1964 года, когда Н. С. Хрущева сместили с высокого поста.

В центре города в 1960-е годы было несколько известных в Ленинграде магазинов полуфабрикатов (иначе — «домовые кухни»). Неизменно большой популярностью у покупателей пользовалась «Кулинария» при гастрономе № 1 («Елисеевском») на Малой Садовой улице, где всегда стояли длиннющие очереди за печеночным паштетом и селедочным маслом (и то, и другое было великолепного качества). Самая же крупная домовая кухня в Ленинграде открылась в начале 1964 года на ул. Герцена (ныне — Большая Морская) в доме № 14. Общая площадь этого заведения общепита составляла пятьсот квадратных метров. Магазины полуфабрикатов называли просто «кулинариями». Сюда можно было заскочить по дороге домой и купить уже приготовленные голубцы, котлеты, запеканки и многое другое, что оставалось лишь подогреть и съесть.

«Магазины кулинарных изделий» существовали также при ресторанах («Балтика» на пл. Мира, «Лесной» на пр. Энгельса, 43, «Москва» на Владимирском пр., 2, «Приморский» на Большом пр. Петроградской стороны, 32).

В 1958 году на углу Невского и улицы Рубинштейна (Невский пр., 45/2) открылось кафе-автомат (в этом помещении и до 1958 года было кафе). Кафе-автомат просуществовало не менее четверти века и, в общем-то, первое время было неплохим, но потом испортилось и по справедливости получило в народе название «Гастрит».

В Ленинграде открывалось немало пирожковых, самой популярной из них и самой известной была «Минутка» на Невском, 22. Здесь продавали беляши, которые можно было запить чашкой неплохого бульона (чашка стоила 7 копеек), и множество пирожков с разными начинками. «Минутку» ждала судьба всех ленинградских учреждений общепита: в 1990-е она превратилась в фаст-фуд под названием «Сабвей» — вместо беляшей, насыщавших на целый день

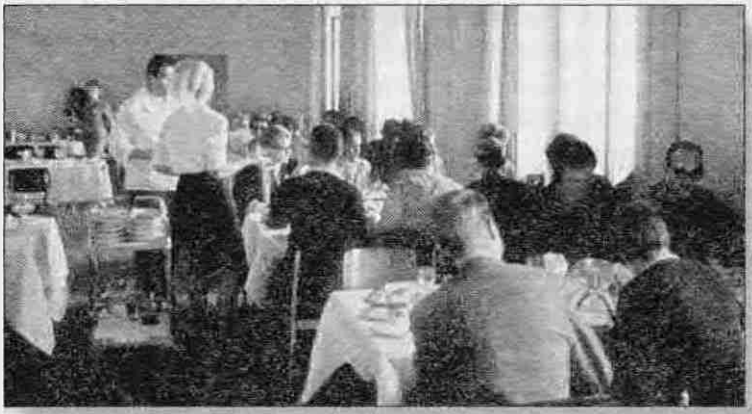
бедного студента, здесь появились сухие короткие батоны с листиком салата внутри и резиновой ветчиной.

В 1960-е годы в Ленинграде открывались чебуречные, в которых первое время были неплохие чебуреки. Постепенно чебуречные превращались в заурядные забегаловки, так как в них со временем стали продавать водку в розлив, а значит, сюда заходили не столько поесть, сколько выпить.

Пользовались успехом у ленинградцев **молочные кафе: «Аврора»** (Невский пр., 60)*, «Ленинград» (Невский пр., 96) и два безымянных — на Садовой ул., 47, и на Суворовском пр., 1. Великолепное молочное кафе было на Васильевском острове, на углу 7-й линии и Малого проспекта, где готовили замечательный фруктовый суп; любители этого супа приезжали сюда из других районов города. Ну и, конечно, пышечные. Самая известная и самая старая (существующая до сих пор) — на Большой Конюшенной ул., 25. Когда-то сюда стояла очередь (выбор у проголодавшегося ленинградца был невелик), и некоторым даже не хватало терпения выстоять в ней до победного конца. Но если уж выстоял, смело мог брать, без особого материального ущерба для себя, четыре, а то и пять пышек и кружку (без ручки) кофе из котла (кофе раньше был исключительно с молоком, его приносили из кухни ведрами и выливали на глазах у публики в котел). В Москве «пышки» называли «пончиками», и я помню, когда предлагал приезжим из Москвы зайти в пышечную, они спрашивали, что это такое.

---

* Об этом кафе я нашел вдохновенные строки у бывшего ленинградца, ныне жителя Новой Зеландии Феликса Норкина: «Кафе „Аврора“ — „нетипичное“ название бытового альянса той поры (1960-е годы. — И. Б.). Сорок-пятьдесят посадочных мест, с простеньким, но каким-то удивительно теплым интерьером: белые стены с картинами русской природы, солнечные натюрморты, белоснежные скатерти с небольшими вазочками, разноцветья астр, легкая мягко-зеленая драпировка окон. Кафе привлекало недорогим, но вкусным, по-домашнему привычным меню, быстротой в обслуживании, доступностью даже в часы пик».



Столовая в учреждении. 1970-е гг.

В 1960—1970-е годы в Ленинграде было более двадцати диетических столовых, около десяти котлетных (на углу Невского и Мойки, на Желябова, ныне — Большая Конюшенная, возле ДЛТ), десятка полтора кофейных, столько же закусочных и пельменных, десятка три пирожковых, штук двадцать пышечных, около десяти чебуречных (помню одну, с оригинальным названием «Вьюнок», на 1-й Красноармейской ул., 24), около полутора десятков шашлычных (шашлыки делались отнюдь не на открытом огне). Нередки были случаи, когда за названием «закусочная» скрывалась «шашлычная» или наоборот, но никто особо не роптал, ибо советский потребитель был весьма неприхотлив.

Мне не раз приходилось быть свидетелем того, как некоторые заведения общепита в Петроградском районе, где я живу, меняли «лицо», кухню и посетителей (не говоря уже о хозяевах). Так, на углу улицы Красного Курсанта и Большого проспекта был обыкновенный продуктовый магазин, потом здесь открылась мороженица под названием «Пингвин», потом что-то вроде кафе под неуместным, как мне кажется, названием «Крона». После «Кроны» посетителей принимали в том же помещении, в кафе под названием «Кактус». Но и «Кактус» не прижился, открылся японский фаст-фуд.

Нынешние заведения общепита отличаются тем, что сегодня в Петербурге есть места, где вообще нет никакого алкоголя, что посетителям нравится. В Ленинграде такого практически не было. Даже если висела табличка «Приносить и распивать спиртные напитки строго запрещается», все равно приносили и распивали, разливая водку или вино под столом, за фикусом, загораживаясь портфелем. А что делать, если на улице зима, а здесь почти как летом и есть чем закусить?

И в заключение еще любопытные подробности из истории ленинградского общепита. Некоторые рестораны были так популярны в старом Петербурге, что их названия перекочевали в Ленинград и продолжали жить, несмотря ни на что. Так, ресторан «Приморский» (Большой пр. Петроградской стороны, 32), принадлежавший до 1917 года Чванову, и в 1970-е годы ленинградцы продолжали называть Чвановым рестораном. В 1971-м на пр. Максима Горького (ныне — Кронверкский), 53, открылся ресторан «Демьянова уха». Это первый рыбный ресторан в Ленинграде. Но самое удивительное, что он существует до сих пор — на том же месте, и меню традиционно русское, а не сырая рыба с ледяной кока-колой, как это нынче модно. Картину ленинградского общепита нужно, конечно же, завершить неугасимым воспоминанием о мягких алюминиевых вилках с гнущимися зубьями и черенками, об отсутствии на столах салфеток, о «подсаживании» (даже если в заведении было пусто, вновь прибывших официант усаживал за тот столик, за которым уже кто-то сидел, — так ему было удобнее обслуживать, потому как официанты обслуживали «столики», а не людей) и, конечно, об **очередях.** Я не помню, чтобы в 1970— 1980-е годы для того, чтобы просто выпить стакан сока, не нужно было выстоять очередь. Очереди были в рюмочные, в пивные ларьки, в молочные отделы (там продавали очень вкусные молочные коктейли), в рестораны (в вечернее время), в буфеты в кинотеатрах и в театрах... Везде. Очередь и общепит шли в Ленинграде рука об руку.

И почили, кажется, в одно время вместе с алюминиевыми вилками и вечно недовольными официантами.

«ОКЕАН». Уже к концу 1960-х годов в рыбных магазинах Ленинграда опустели традиционные аквариумы, у которых всегда толпились дети, разглядывая живую рыбу. Вместо живой рыбы их заполняли водорослями, а с середины 1960-х перестали даже наливать в них воду. Постепенно стали исчезать из продажи рыбные консервы, а потом и соленая и копченая рыба. Зато на прилавках появилась так называемая «китовая колбаса» — некое изделие из перемолотого мяса кита, которое ленинградцы сразу же окрестили «никитовой колбасой» — то ли в честь Никиты (Сергеевича), то ли в подтверждение того, что никакая это не китовая колбаса. Нынче уже и спросить не у кого. До появления больших магазинов «Океан» магазины с живой рыбой были на Садовой улице, на пр. Энгельса, на Большом пр. Петроградской стороны, на Среднем проспекте Васильевского острова, на ул. Рубинштейна. Потом, когда рыба в этих магазинах исчезла, прошло несколько лет, и открылись два магазина под названием «Океан», но уже без живой рыбы — один находился на Малом (тогда Щорса) пр. Петроградской стороны, другой — на площади Мира (ныне — Сенная пл.), 39/41 (сейчас здесь мебельный магазин). И ведь вот что интересно: свежую, как говорят рыбаки, «со льда», рыбу ленинградцы покупали у магазина «Океан» на Сенной площади; около этого магазина постоянно сновали люди с авоськами, в которых лежала соленая красная рыба, а в сторонке стояли рыбаки и продавали корюшку, пойманную своими руками. В «Океане» много было чего, а вот свежей корюшки не было.

ОТДЕЛ ПО БОРЬБЕ С ХИЩЕНИЯМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ (ОБХСС). В СССР эта аббревиатура была известна всем советским людям. Одно лишь ее упоминание вызывало трепет у директоров,

Знак ОБХСС

хозяйственников и торговых работников — у тех, разумеется, у кого совесть нечиста, ибо, как говорил комиссар милиции в фильме «Ночной патруль» (1957 г.), *«ОБХСС всех плохих людей и жуликов ловит»*. Предшественники ОБХСС — грозный Военно-революционный комитет и беспощадная ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем во главе с «железным» Феликсом). Образован «отдел» 16 марта печально памятного 1937 года.

В Положении об ОБХСС указывалось, что подразделение создается *«для обеспечения борьбы с хищениями социалистической собственности в организациях и учреждениях государственной торговли, потребительской, промысловой и инвалидной кооперации, заготовительных органах и сберкассах, а также для борьбы со спекуляцией»*. А поскольку там, где «социалистическая собственность», там и спекуляция, ОБХСС следила за всем и за всеми. Если были подозрения, вызывала к себе и учиняла допрос. В советских анекдотах про ОБХСС непременно присутствовала одна жертва — некий Рабинович.

«Итак, Рабиновича вызвали в ОБХСС:
— А ведь у вас есть дача!
— Так разве это плохо?
— И машина есть!
— Так разве это плохо?
— А у вашей жены — норковая шуба!
— Так разве это плохо?
— Но ваша зарплата — всего сто пятьдесят рублей!
— Так разве это хорошо?»

В наши дни за преступлениями в сфере экономической деятельности строго следит ОБЭП (Отдел борьбы с экономическими преступлениями). Как и у его предшественников, работы у ОБЭПа много.

ОЧЕРЕДЬ. Очередь — характерная примета советского времени вообще и социалистического Ленинграда в частности. Очереди были всюду — в баню, в кинотеатр, в ресторан, в гардероб, в туалет в перенаселенной коммунальной квартире, в кассу в магазине, в Эрмитаж, в сберкассу. Очереди были видимые (за справкой, за пивом) и невидимые (за машиной, мебельным гарнитуром, путевкой в санаторий). В конце 1940-х годов, когда в Ленинграде после отмены карточек стали появляться в продаже сахар, мука, собирались огромные очереди. В руки давали по одному килограмму продуктов. Для мальчишек очереди являлись способом немного заработать на кино или мороженое. Они подходили к кому-нибудь в очереди и предлагали свои услуги. Тот человек, чья очередь

Очередь. 1980-е гг.

подходила, брал незнакомого мальчишку за руку и говорил продавцу, что берет продукты на двух человек. За это покупатель давал мальчику немного денег.

В 1960-е годы стояли очереди за мылом. В руки давали по одному куску. Правда, можно было купить коробку с мылом «Красная Москва», в которой лежали три куска.

Очереди в магазины, где должны были «выбросить» дефицит, занимали с вечера, дежурили ночью. Таким образом покупали, например, черные лакированные туфли с тупым носком на небольшом каблуке фабрики «Скороход». Иногда, отстояв в очереди, не удавалось купить того, что хотелось, так как товара, продуктов, услуг было очень немного. Советская очередь была формой самоорганизации людей, со своими обычаями, традициями, нормами поведения и даже экипировкой: если предстояло ночное стояние в очереди, надевали валенки, облачались в тулупы, прихватывали складные стульчики. Меж тем стояние в очереди не для всех было наказанием. Для кого-то это было формой проведения досуга, а немало было и таких, кто из этой ситуации извлекал немалую для себя материальную выгоду путем

Очередь. 1980-е гг.

Очередь на углу Невского и Литейного проспектов. 1980-е гг.

включения желающих за деньги в списки, пропуска без очереди и т. д. Еще 17 января 1940 года вышло постановление Совета народных комиссаров СССР «О борьбе с очередями за продовольственными товарами в Москве и Ленинграде», но очереди за продовольственными и прочими товарами исчезли только с крахом СССР.

Отличительная примета советского времени, перекочевавшая в наши дни, — очередь всегда больше, чем казалась на первый взгляд. Стоило спросить «Кто последний?», как тут же следовал ответ: «За мной женщина (мужчина с авоськой, мальчик, бабушка в чепчике и т.д.)». Наверное, нигде в мире такого нет: человек занимает очередь и уходит, чтобы потом вернуться, но встать не в конец очереди, а туда, где он не стоял, а где *занимал*. Из пережитков советской эпохи это, безусловно, один из самых неприятных. Но, как и многие другие пережитки, он оказался необычайно живуч и уже перенят другим поколением, которое при советской власти не жило.

П

«ПАКЕТ БОЛЕЛЬЩИКА». Кто-то до сих пор помнит, а кто-то — таких подавляющее большинство — и не слыхивал никогда о таком пакете. Речь о наборах, которые когда-то, лет сорок с гаком назад, продавались у входа на ленинградский стадион «Динамо» перед футбольными матчами: вареное яйцо, плавленый сырок и шкалик водки (125 граммов). Да, под такое сопровождение футбол, наверное, смотрелся куда веселее! Не потому ли и ленинградское «Динамо» тогда играло в высшей лиге?

ПАРАДНЯК. Одно из самых популярных мест времяпрепровождения в Ленинграде в 1960—1990-е годы. Двери парадных (парадных входов или подъездов) в Ленинграде были открыты практически для всех, а швейцары истреблены как класс еще в 1917 году. Домофоны начали входить в нашу жизнь к концу 1990-х годов. В парадняки (или «параднячки») заходили по нужде, чтобы выпить, покурить, а то и согрешить. Для любой из этих целей в парадных имелись все условия: полумрак (для самых интимных дел, или, если угодно, утех, лампочку разбивали специально), теплые батареи, широкие подоконники, много этажей. Предпочтение отдавалось верхним этажам, так как можно было заранее подготовиться к встрече с жильцом, а то и вообще избежать оной.

Парадняки

В парадняки приходили с выпивкой, закуской, располагались на подоконнике и не без комфорта проводили время до тех пор, пока кто-то из особенно неугомонных или непонятливых жильцов не угрожал вызвать милицию. Милиция на подобные вызовы реагировала крайне раздражительно и, как правило, не выезжала, предлагая жильцам выпроводить непрошеных гостей собственными силами. Самыми отважными оказывались владельцы собак, угрожая выпустить животное; эта угроза нередко срабатывала. Иметь дело еще и с собакой в планы посетителей парадняка никак не входило, и они переходили на другую лестницу. Сделать это было не так и трудно, тем более что большинство парадняков имело два выхода — на улицу и во двор.

В массе своей посетители парадняков были людьми совершенно безобидными, отнюдь не желавшими зла местным обитателям. В парадняки их звала нужда, и, будь у них другой выбор, они нашли бы себе место поуютнее. В парадняках пили из горлышка, передавая друг другу бутылку. Многие будущие знаменитости, закаленные обстоятельствами, проводили здесь свой досуг.

Редко употреблялось словечко «парадняч ок», которое, кажется, более вообще не существует. Впрочем, как и парадняк, ибо наконец-то лестницы стали запирать от посторонних.

ПАРИКМАХЕРСКИЕ. В первые послевоенные годы ленинградские женщины носили простые стрижки, но скоро они стали следить за модой и подражать киногероиням. Получила распространение прическа а-ля Дина Дурбин (особенно популярен был в СССР фильм 1943 года «Сестра его дворецкого» с участием этой актрисы), потом женщины стали обесцвечивать волосы пергидролью, красить их в золотистый цвет, делать паровую («шестимесячную») завивку и укладку с помощью электрических щипцов или бигуди.

Парикмахерские в Ленинграде служили своего рода салонами красоты для женщин. Уже в 1950-е годы, спустя несколько лет после окончания войны, многие женщины как минимум раз в неделю посещали парикмахерские.

Большинство мужчин ходили в парикмахерские как к зубному врачу — когда не идти уже невозможно. По воспоминаниям А. Г. Наймана, *«стрижка в Советском Союзе всегда была мукой, десятилетиями предполагалось фасонов лишь три — бокс, полубокс, полька»* (добавлю — еще была стрижка «под ноль»). В начале 1950-х годов еще существовал выбор одеколонов после бритья: «Ландыш», «Фиалка», «Сирень». Потом они куда-то исчезли, и, что печально, навсегда. Останутся только «Тройной» и «Шипр» (первый из названных смельчаки употребляли как спиртное).

С 1960-х годов питерские парикмахерские находились в ведении Управления бытового обслуживания, с 1980-х, в эпоху тотального перепрофилирования и переименования ведомства в управление или наоборот, они оказались в составе треста «Косметика». Это исторический факт из области ведомственной принадлежности ленинградских цирюлен, но гораздо интереснее другое: парикмахерские десятилетиями занимали одно и то же помещение, и одну

Парикмахерская. 1950-е гг.

и ту же парикмахерскую посещали отцы, а потом их дети. К сожалению, традиция уже ушла в прошлое.

В конце 1950-х годов **стиляги** стриглись под французскую польку, оставляя спереди кок, что вызывало зависть у некоторых знакомых и нескрываемое неодобрение у родственников, прохожих и, что самое неприятное, у милиции и школьных и институтских преподавателей. Расстаться с коком было равносильно утрате чего-то необычайно ценного и невосполнимого. В фильме «Секрет красоты» (1954 г.) есть такая сцена: в городской школе парикмахеров идут экзамены. Неспособная ученица Кукушкина (актриса Т. Носова), испортив все, что было на голове у очередного клиента, предлагает своему ухажеру — стиляге Эдику (О. Онуфриев) — сесть в ее кресло. Влюбленный в нее Эдик соглашается — и ему приходится распрощаться со своим коком. Зрители при виде «нового Эдика» покатывались со смеху.

Две лучшие мужские парикмахерские в Ленинграде в 1960-е годы находились в гостинице «Астория» и на улице

Желябова, близ Невского. Очень популярной у модников была парикмахерская на пр. Майорова (номер дома установить не удалось). К известному на весь город мастеру стояли многочасовые очереди, а расплачивались так: в кассу платили 90 копеек, а в ящик парикмахеру опускали 3 рубля. В 1970-е годы центр парикмахерского искусства переместился в гостиницу «Европейская». Попасть к знаменитому парикмахеру Юре было непросто, да и брал он недешево — целых три рубля (в городской парикмахерской постричься под бокс стоило копеек тридцать).

Городские парикмахерские разделялись на женские и мужские, и мастера, соответственно, были мужскими и женскими. Если мужской мастер не вышел на работу, то парикмахер-женщина ни за что не бралась за клиента-мужчину, хотя в некоторых парикмахерских были мастера на все руки и по половому признаку клиентов не различали.

За работу платили в кассу, но «своему» парикмахеру нередко делали презент — плитку шоколада, например.

И. А. Бродский писал в поэме «Представление»: «*Бродят парубки с ножами, пахнет шипром с комсомолом*». «Шипром» тогда пахли все мужчины — после посещения парикмахерской (да и в комсомоле состояли почти все). И попробуй сказать парикмахеру, чтобы он тебя не обрызгивал этой несмываемой жидкостью: цена обрызгивания входила в стоимость стрижки. Одеколон «Шипр», зеленоватого цвета (его с 1950-х годов производила московская фабрика «Новая заря»), обладал сильнейшим, неистребимым, грубоватым, резким запахом, поскольку в его состав входили бергамот, пачули, лабданум и какой-то дубовый мох. Этот мох произрастает на острове Кипр. Кроме того, листья зизифуса, также растущего на Кипре, при приготовлении в масле издают аромат, называемый «кипрским». Весь этот бьющий в нос букет, созданный парфюмером Франсуа Коти, будто бы воссоздает запахи знойного острова в Средиземном море (Шипр — это Кипр по-французски). Будучи в сентябре 2007 года на острове

Кипр, я попытался отыскать там одеколон под названием «Шипр», но безуспешно.

Парикмахерские в советское время были при всех общественных банях, при немногочисленных гостиницах, и во все всегда были очереди (как и в бани, и в гостиницы).

Мужчин брили вкладывавшейся в ножны бритвой, которую предварительно точили о висевший рядом с зеркалом солдатский ремень. Точили не всегда тщательно, что не прошло мимо внимания острословов, сочинивших такую частушку:

В парикмахерской мы были,
Там нас в кресло усадили.
Он сидел, и я сидел,
Он ревел, и я ревел.
Почему? Да потому:
Бритвой «острою» нас брили....

Что до женщин, то они нередко занимали очередь «на прическу» в особо популярные парикмахерские (на Невском проспекте, например, против Публичной библиотеки) с 5—6 часов утра. Многие женщины имели «своих» парикмахеров. Это было удобно — не нужно стоять в очереди, мастер знал привычки и пожелания клиента. Хочется заметить, что эти связи сохранились на многие годы, и до сих пор, уже несколько десятилетий, некоторые женщины стригутся у «своих» парикмахеров, которые давно на пенсии, но обслуживают некоторых старых клиентов, причем делают это куда дешевле и качественнее, чем в современных салонах. В парикмахерских не было фена, гелей, пенок, восков, красок, но всегда имелись железные бигуди с резинками и колпаки-сушки (женщина, сидящая под таким колпаком и читающая при этом журнал, — типичный образ никуда не спешащей красавицы-домохозяйки, кочевавший по иллюстрированным изданиям тех лет). В качестве фиксаторов и закрепителей использовались народные средства. Самым простым и доступным был клейкий и противный отвар льняного

семени, потом распространение получило **пиво,** применявшееся наружно (что вызывало законное возмущение у мужчин, которым **пиво** доставалось нелегко.). У молодых барышень популярностью пользовались вызывающие прически «я у мамы дурочка», «взрыв на макаронной фабрике», «не одна я в сене кувыркалась». Впрочем, чтобы создать такое, не нужно было, пожалуй, и в парикмахерскую ходить.

Большую роль в популяризации модных причесок играло кино. В 1960-е годы появилась прическа «бабетта», названная так по имени героини кинофильма «Бабетта идет на войну» (1959 г.), в главной роли снялась французская актриса Брижит Бардо. Эта прическа покорила сердца женщин всех возрастов, и даже в конце 1990-х годов она продолжала оставаться в арсенале парикмахеров. Марина Влади, сыгравшая в фильме «Колдунья», невольно поспособствовала внедрению в моду прически «под колдунью» (прямые светлые волосы).

В 1970-е годы в моду вошли парики и шиньоны, и прически из натуральных волос стали делать «под искусственные». Крупные локоны и завитки картинно выкладывали на голове и намертво заливали большим количеством лака; этот лак, напоминавший клей, прическу цементировал. Получался еще один вариант «шестимесячной» прически. Потом появился лак для волос «Прелесть» — закрепитель страшной силы.

В 1971 году в Ленинграде стали стричь под придуманный в середине 1960-х во Франции стиль «гаврош». Под «гаврош» стриглись, выражаясь образно, поголовно, независимо от того, шла эта прическа или нет. Спустя какое-то время нечто похожее произошло со стрижкой «сэссун».

Красители, дающие «удивительно стойкий и яркий оттенок», появились значительно позже. А поскольку красивыми и модными хотелось быть всем, в ход шли подручные средства. Например, огненно-рыжий цвет достигался с помощью красного стрептоцида или жидкости Кастеллани, применяемой в медицине в качестве средства от ожогов.

Когда в моду вошли платиновые блондинки, волосы в парикмахерских стали обесцвечивать 30%-ной перекисью водорода с добавлением жидкого мыла, аммония, а для отбеливающего эффекта добавляли еще и соду. Эта адская смесь непоправимо портила волосы и обжигала кожу головы. Для того чтобы получить столь желанный платиновый оттенок, в воду для ополаскивания добавляли фиолетовые чернила, капали зеленку или синьку.

В хозяйственных магазинах можно было купить алюминиевую пудру — любители красивых волос это знали. Из этой пудры изготавливали краску серебристого цвета, которой бабушки красили кладбищенские оградки. А красавицы этим порошком посыпали волосы, затем накручивали их на бигуди и ложились спать. На следующий день волосы женщины, которая всю ночь спала, свесив шею с подушки, отличались умопомрачительной модной сединой. Черный цвет волос достигался при окраске урсолом, который сегодня снят с производства из-за своей токсичности.

Те, кто не хотел или боялся подвергать себя столь суровым испытаниям, посещали городские парикмахерские. В 1985 году в городе было 384 парикмахерских, в том числе 5 детских, 32 «салона причесок» (те же парикмахерские, только услуги дороже) и одна специальная парикмахерская (по-нынешнему — VIP), о которой могли бы что-то сказать только те, кто там бывал, но мне таковые на жизненном пути не встречались.

ПИВБАР (см. Пиво).

ПИВО. Пиво в СССР в заключительной трети минувшего столетия было напитком преимущественно для мужчин, любимым, но труднодоступным* (до начала 1990-х).

---

* К Ленинграду следующая история не относится, но она весьма типична для того времени. В. Я. Айнбиндер рассказал мне: «В 1955 году, будучи студентом Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина, я проходил практику на Криворожском металлургическом комбинате. Директор комбината, царь и Бог

Этикетка пива «Жигулевское»

Сортов пива было немного: «Жигулевское» (самое распространенное, 37 копеек бутылка), «Ленинградское», «Московское», «Рижское», «Мартовское», «Портер», «Украинское», «Двойное золотое», «Славянское». По вкусу, могу уверенно сказать, они разительно отличались друг от друга. Бутылочное пиво продавалось в продовольственных или в специализированных магазинах (например, магазин «Пиво-воды» на Кировском пр., 20). Темное «Мартовское» пиво продавали (41 копейка бутылка) в буфете на филологическом факультете Университета или в академичке. Разумеется, оно шло на «ура». Редкие сорта пива, такие, например, как «Портер» или «Двойное золотое», продавали в буфетах во время выборов.

Разливным пивом (только «Жигулевским», с 1970-х к нему прибавилось «Бархатное») торговали в пивных ларьках (22 копейки большая кружка, 11 — маленькая). Ларьки по многу лет находились на одном и том же месте, в них всегда стояли очереди. Отлично помню пивной ларек напротив стадиона им. В. И. Ленина, уютно расположившийся на небольшом пустыре между двумя домами, или ларек на Загородном пр., 23, получивший название «Тупик». Пивные ларьки придавали какую-то законченность городскому пейзажу. Вот и ленинградский писатель В. С. Шефнер отмечал в своем романе «Лачуга должника»:

в городе (обыкновенное явление в СССР), по рассказам местных жителей, терпеть не мог пиво, и в 700-тысячном промышленном городе пива не было вообще. Единственный пивной ларек на территории рабочего поселка, где мы жили, был закрыт. Продавать пиво начали после окончания дневной смены. Кружек не было, пиво покупали „баллонами" (трехлитровым банками) и тут же выпивали его. По нужде ходили за ларек. К вечеру пиво кончилось, и кончилось надолго».

Очередь в пивбар 1980-е гг.

«...Снилась мне Петроградская сторона — такая, какой она в дни моей молодости была. Никаких тебе сверхвысотных зданий, уютно, пивной ларек напротив Дерябкина рынка».

Ларькам в народе тоже давали названия, как и пивбарам. Например, три пивных ларька на перекрестке улиц 8-й Советской и Дегтярной именовали так: «Три богатыря». Скамеек, столиков, стоек возле пивных ларьков не было. Многие приходили с бидонами или с трехлитровыми банками, чтобы взять пару-тройку литров с собой. По желанию потребителя пиво подогревали, ибо пить холодное пиво на морозе — небезопасное занятие. Продавщицу пивного ларька прославил замечательный юморист А. Кнышев: «Пою мое отечество!»

Пивных баров (пивбаров) было в Ленинграде немного, и, как и в ларьки, в них всегда стояли очереди на улице. Наиболее известные пивбары — на углу Невского и Маяковского, «Жигули» на Владимирском проспекте, «Три медведя» (или просто «Мишка») на Потемкинской улице, 7 (напротив кинотеатра «Ленинград»), «Пушкарь» (Пушкарская

ул., 38), «Трюм» (ул. Шамшева, 1), «Янтарный» (Ординарная ул., 22) и «Белая лошадь» на Петроградской стороне (Чкаловский пр., 16) — любимые места проведения досуга студентов ЛЭТИ, «Гренада» (Тихорецкий пр., 14), существовавший в 1980-е годы и называвшийся среди местных посетителей «Гангрена», «Затон» (Невскийпр., 94/2), пивбар от ресторана«Нептун» (ул. Трефолева, 22/25), имевший два неофициальных названия — «Ленин в Разливе» и «Толкаши», пивбар рядом с магазином «Оптика» на наб. канала Грибоедова, известный среди завсегдатаев как «Очки», пивбар «Бочонок» на углу 16-й линии и Среднего проспекта Васильевского острова (народное название — «Сквозняк»), «Петрополь» на Среднем пр. между 3-й и 4-й линиями, «Вена» на углу Невского проспекта и Харьковской улицы.

Поскольку попасть в пивбары было трудно, то и уходить оттуда не спешили. Некоторые посетители, делая заказ на очередные кружки пива для компании, откладывали в сторону спички по числу заказанных кружек. Эти спички при расчете подсчитывали, чтоб обмана не было... Последних посетителей выталкивали силой.

Горячей пищи в пивбарах не было (в некоторых пивбарах, правда, иногда подавали разогретые в горячей воде охотничьи сосиски — редкое лакомство по тем временам), но обязательно нужно было брать «набор» (как в рюмочных — бутерброд) — рыбу непонятного происхождения и названия, соленые сухарики из черного хлеба (в 1950-е годы в пивбарах — тогда они назывались просто пивными — давали раков, но потом раки исчезли — как казалось в 1970-х, навсегда). Официанты, как и посетители, к полуночи едва стояли на ногах, но не столько от усталости, сколько от выпитого... вместе с гостями!

ПИЖОНЫ (см. Стиляги).

«ПЛАВУЧКИ» (или «поплавки»). Так в 1970-е назывались «плавучие», а на самом деле пришвартованные к набережным кафе и рестораны с барами, популярные среди

молодежи (особенно среди студентов). В этих барах предлагались только коктейли, которые посетители, не заглядывая в меню, разделили на две категории — «крепкие» и «слабые». Выпить какой-то один компонент коктейля (водку, ром и пр.) не разрешалось категорически. Пива не было, закуски не было. Иногда предлагались орешки.

«Плавучки» стояли круглый год возле стадиона им. Ленина (ныне — Петровский; этот ресторан назывался «Парус», потом «Чайка», и был поначалу совсем не плох), на Адмиралтейской набережной, на набережной Макарова («Маяк», у Тучкова моста), на парусных шхунах «Бриг» и «Сириус», но где стояли две последние, мне вспомнить не удалось, а значит, я в них не бывал. Зато не раз бывал в «Корюшке», которая в 1970—1980-е годы стояла против 8-й и 9-й линий Васильевского острова, у причальной стенки наб. Лейтенанта Шмидта. Помню коктейли «Ароматный» за 86 копеек и «Коньячный пунш» за 2 рубля и 2 копейки (смесь 100 граммов коньяку и 100 граммов «Нарзана», лед, лимон). Какой из них крепкий, какой слабый — не помню, но думаю, что, судя по цене, «Ароматный» был не такой крепкий, как «пунш», прославленный еще А. С. Пушкиным.

ПЛАСТЫ. На молодежном сленге в 1970-е годы так называли граммофонные (виниловые) пластинки с записями зарубежных (преимущественно английских и американских) рок-групп и отдельных исполнителей. Долгоиграющие пласты назывались также «гигантами» — в отличие от **сорокопяток.**

Пласты привозились из-за границы — советских пластинок с записями рок- или поп-музыки не было, наверное, до 1980-х годов (в СССР выпускались только «миньоны» на 78 оборотов с четырьмя песнями, были «звуковые странички» в журнале «Кругозор»). Стоили заграничные пластинки дорого — от 30 до 100 рублей, а то и больше (в зависимости от исполнителя), при этом особенно ценились «не запиленные» на советских проигрывателях запечатанные пласты.

Этикетки пластинок

Пласт, который хотели купить, брали одним (как правило, средним) пальцем одной руки и одним пальцем (средним же) другой. Потом внимательно рассматривали, нет ли царапин («запилов»). Были мастера, которые, встряхнув пласт, прислушивались на предмет определения — нет ли трещины. При этом поверхности пласта касаться было никак нельзя. Многие не делали этого, даже когда ставили пластинку дома для самого себя.

Было бы большим упущением, рассказывая о пластах, не вспомнить о том, как в 1960-е годы мастера подпольного бизнеса писали диски сапфировой иглой с подогревом или механическим резцом. Рентгенопленку скупали по дешевке во флюорографических кабинетах. В Ленинграде в конце 1950-х — начале 1960-х годов был бешеный спрос на Элвиса Пресли, Литл Ричарда, на рок и твист, а поскольку заграничных пластов еще не было, самопальные **(Самопал)** пластинки буквально рвали из рук — на **галере Гостиного Двора**, у магазина «Мелодия» на Невском пр., на рынках. До **реформы 1961 года** их продавали по 10 рублей, после реформы — по пять-семь. Прошло несколько лет, и пласты делались уже не на «рентгене», а на толстой массе, и качеством, как утверждали подпольные бизнесмены, их продукция вполне конкурировала с пластинками фирмы «Мелодия».

Пласты «пилили» (т. е. прослушивали), например, на стереопроигрывателе «Аккорд-201» с колонками по 4 ватта (стоил 99 рублей) или на «Мелодии-103-стерео».

ПРИЗЫВЫ ЦК КПСС. За несколько дней до праздника 1 мая или 7 ноября в центральных газетах печатались так называемые «призывы ЦК КПСС», иначе говоря — лозунги, которые нужно было выкрикивать во время предстоящей **демонстрации.** Вот пример: «Пусть вечно живет и развивается великое революционное учение Маркса—Энгельса—Ленина!» (еще раньше к этой троице добавляли Сталина).

Число этих официальных призывов превышало сотню пунктов (в 1980-е — пятьдесят). Одних только братских народов, которым нужно было передать горячий привет, насчитывалось почти два десятка. Плюс к этому актуальные лозунги, вызванные к жизни притеснением ангольского или какого-то другого народа.

Придумать собственные призывы — чем не задача для остряка? И устное народное творчество пополнялось ежегодно призывами для домашнего употребления:

Аквалангисты и аквалангистки! Глубже знамя отечественного аквалангизма!

Труженики Академгородка! Ударим лицом науки в грязь бесхозяйственности !

Рабочие и колхозники! Повышайте производительность труда, что ли...

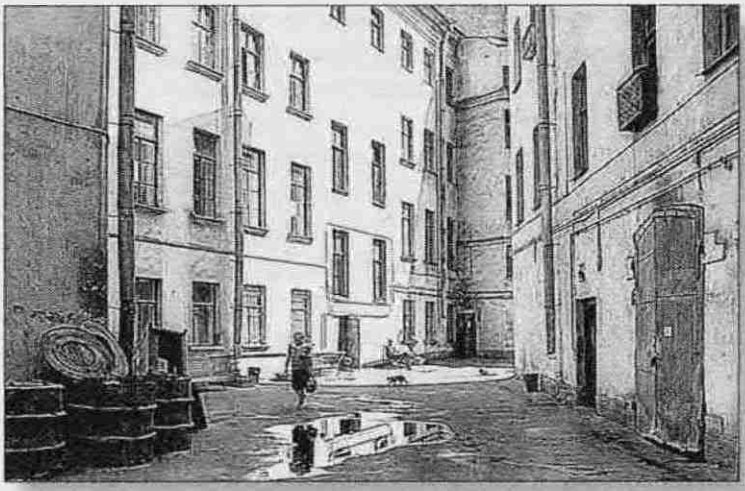
Мамы! Мойте рамы!

Воробьи и синицы! Ну хоть вы не вымирайте!

Штаны отечественного производства одобряем и поддерживаем!

Догоним Америку по молоку как по маслу!

ПУХТО. В Петербурге так называют мусорные контейнеры. Аббревиатура, означающая «пункт утилизации и хранения твердых отходов». Эти «пункты» привозят на



Помойка. 1980-е гг.

машинах («пухтовозах», принадлежавших, как шутили в народе, объединению Ленкака) в наши дворы, с грохотом сгружают, а потом мы неделями в него бросаем мусор, пока он не переполняет с верхом это самое пухто, и все ждут не дождутся машины, которая увезла бы его куда подальше, с глаз долой. Говорят, эти пухто существуют только в Петербурге (или называются так только в нашем городе). В других странах, на которые мы пытаемся ориентироваться, в одну помойку не складывают и стекло (бутылки), и объедки, и железо, и дерево, и кое-что еще, далеко не всегда только «твердое». Но пухто — это еще ничего по сравнению с тем, что было до 1970-х годов, когда на лестницах стояли огромные бадьи для пищевых отходов. Без крышек. Не нужно обладать великим писательским даром, чтобы описать в подробностях все, что творилось вокруг этих бадей. Впрочем, некоторые нынешние пухто представляют собой те же бадьи, только явно увеличенного размера. Пухто появились в нашем городе еще в минувшем тысячелетии, до них стояли железные контейнеры, которые тоже вывозились нерегулярно.

На вопрос «Кто?» иногда отвечают «Конь в пальто!» или «Дед Пихто». Предлагаю чисто петербургский вариант ответа: «Пухто».

ПЫЖИК. Пыжиком ленинградцы называли зимнюю шапку. Специалисты пушного хозяйства этим же словом называли и продолжают называть теленка северного оленя, которому не исполнилось еще и полгода; из меха этого бедолаги и делали шапки. Из-за популярности пыжиковых шапок теленок-пыжик стал объектом столь уничтожающего браконьерского промысла, что оказался на грани исчезновения. Одно утешение — пыжиковые шапки больше не в моде, а ведь еще несколько десятилетий назад были едва ли не признаком преуспеяния ее носителя. *«Тогда, в то время* (в 1970-е годы. — *И. Б.) дубленка и пыжиковая шапка были признаком буржуазности, знаком определенного слоя людей»*, — справедливо свидетельствует на своем сайте актер И. Кваша. К «определенному сорту людей» принадлежали члены Политбюро, и потому все носили одинаковые пыжиковые шапки. В 1990 году вышел фильм под названием «Шапка», в котором рассказывается о том, как в Союзе писателей СССР решили выдать каждому члену по шапке, в зависимости от ранга и заслуг. Выдающимся писателям — пыжиковую, известным — ондатровую, и т. д. Пыжик опять же в лидерах.

Слово «пыжик» рифмуется со словом «чижик». Чижиками-пыжиками до 1917 года называли студентов Императорского училища правоведения, потому что они носили мундиры желто-зеленого цвета, напоминавшие оперение чижа. О студентах этого училища была сочинена известная на всю страну запоминающаяся песенка:

Чижик-пыжик, где ты был?
На Фонтанке водку пил.
Выпил рюмку, выпил две —
Зашумело в голове.

Училище находилось на Фонтанке, рядом с Инженерным мостом. В 1994 году близ этого моста был поставлен памятник чижику (автор — Р. Габриадзе). Его высота — 11 сантиметров, вес — около 5 килограммов. Этот памятник — одна из достопримечательностей Петербурга, в котором огромное количество более монументальных и более известных памятников, отличающийся еще и тем, что «чижик-пыжик» давно уже не оригинал: на него несколько раз покушались, и памятник приходилось заменять на новый.

ПЯТИДНЕВКА. 7 марта 1967 года СССР перешел на пятидневную рабочую неделю. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями» народ воспринял «с благодарностью и чувством глубокого удовлетворения».

На самом деле рабочие часы короткой субботы попросту разбросали по другим рабочим дням. Между тем особую «благодарность» должны были испытывать те, кому в 1964 году позволили расширить свои приусадебные участки. Лишний день на огороде означал лишний кусок хлеба. Горожанам же оставались исключительно городские заботы или развлечения — хлопоты по хозяйству, кино, театры, спортивные зрелища, но чаще — встречи с друзьями за столом «в непринужденной обстановке», либо у кого-то дома, либо на природе.

Р

«РАСПАШОНКА». Так в Ленинграде (да и ныне — в Петербурге) называют квартиру, по планировке напоминающую детскую распашонку. Термин появился в 1960-е годы, когда стали строиться дома с такими квартирами. Официально они назывались сугубо смежными: к большой комнате (площадью до 18 квадратных метров) пристраивались с двух сторон, как рукавчики, две маленькие комнаты, примерно по 8—9 квадратных метров каждая. Позднее появились четырехкомнатные «распашонки», или смежно-изолированные квартиры (большая комната, проходная, из нее вход в 8- или 12-метровую комнату на две стороны и одна комната 5—6 метров). Считалось, что если окна на восток-запад, то это отлично, но лучше юго-восток — северо-запад. «Распашонки» следует отличать от «линейных» квартир, у которых все окна на одну сторону. Хотя ничего, живут и в «линейных», особенно хороши квартиры окнами на Эрмитаж или, на худой конец, на Финский залив.

РЕКЛАМА. На четырнадцатый день после октябрьской революции 1917 года в числе первых распоряжений власти издали декрет «О введении государственной монополии на объявления». Казалось бы, успехи дореволюционных

Реклама шампанского

предпринимателей в области рекламы (а они были мирового уровня) отныне недостижимы, ан нет.

Уровень советской рекламы оказался довольно высок. В 1925 году на Международной выставке декоративного искусства и художественной промышленности в Париже цикл плакатов советских рекламистов удостоился серебряной медали. Специалисты по рекламе (в их числе оказались такие могучие фигуры, как поэт В. В. Маяковский и дизайнер А. М. Родченко) в 1920-е и последующие годы в СССР занимались прославлением продукции государственных предприятий и трестов. Рекламная деятельность государственных предприятий являлась также идеологической и направлялась на вытеснение частника с рынка и привлечение покупателей в государственные магазины путем убеждения их в преимуществах изготовленных на государственных и кооперативных предприятиях товаров. Пройдет немного времени, частники исчезнут, а государственным предприятиям в отсутствие конкуренции торговая реклама уже не понадобится, но все же она будет присутствовать в том или ином виде.

Наружная коммерческая реклама — плакаты, рекламные щиты над верхними этажами домов — была столь ненавязчивой, что практически «не работала»; к ней привыкали, на нее никто не обращал внимания, хотя некоторым рекламным железобетонным конструкциям, казалось, стоять века. «Летайте самолетами Аэрофлота» — типичный образчик советской рекламы того времени, непонятно кому адресованной. А разве летали самолетами

других компаний? «Детям всем полезен джем», — гласил рекламный плакат Министерства пищевой промышленности СССР (начало 1950-х годов), но дети того времени и без рекламы с удовольствием уплетали всевозможные сорта варенья (сваренного, кстати, бабушками, а отнюдь не на государственном предприятии). «Пейте томатные соки», — читал по складам ехавший в трамвае юный герой вывеску на улице (фильм «Застава Ильича», рассказывающий о молодежи 1960-х годов). Другие соки, очевидно, не нуждались в рекламе, ибо я и сам помню из детства настоятельные призывы пить только томатный сок.

Реклама Аэрофлота

Уже в 1930-е годы ликвидировали коммерческие службы предприятий, и стал стремительно сходить на нет коммерческий хозрасчет. Также закрыли должности коммерческих директоров, следивших за рынком, потребителями и курсами валют. Произошел отрыв поставщиков от тех, ради кого они существуют, — от покупателей.

С наступлением эпохи тотального **дефицита** рекламировать стало нечего (рекламные расходы в СССР и в лучшие годы не превышали 0,4—0,5% от розничного товарооборота, тогда как в США, например, доходили до 8%). В 1970-е годы, как и за пару десятилетий до этого, улицы и площади (например, Светлановскую площадь) Ленинграда украшали огромные рекламные неоновые буквы, призывавшие «при запахе газа звонить 04» или «хранить деньги в сберегательной кассе».

Рекламный плакат

Витрины магазинов украшались таким образом, чтобы сделать незаметным отсутствие товаров или их ассортимент или хотя бы обозначить, что же продается в этой торговой точке. Таким образом стали появляться муляжи. Витрины ленинградских магазинов заполнились вырезанными из картона пирожными, рыбами и прочими исчезнувшими из продажи изделиями и продуктами.

Нередко рекламные плакаты развешивались в магазинах, чтобы прикрыть какое-то пятно или просто «для красоты». Некоторые висели годами и, рекламируя то, что давно исчезло из продажи, вызывали раздражение у покупателей, например: «Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы». Эта реклама висела в трамваях еще с довоенного времени.

РЫБНЫЙ ДЕНЬ. Традиционно в православии среда и пятница (за исключением летнего мясоеда) являлись постными днями, в которые запрещалось употребление мяса для мирян, но дозволялись рыбные блюда. Также рыбными днями являлись некоторые праздники, как, например, Благовещение Пресвятой Богородицы, Вербное воскресенье, Успение Богородицы (если праздник приходится на среду или пятницу).

Появление рыбного дня в СССР не имело никакого отношения к православной традиции, причина тому — спад производства мяса, а бороться с недостатком белков в рационе питания населения как-то надо. Автором «рыбного дня», введенного 12 сентября 1932 года постановле-

нием Наркомснаба СССР «О введении рыбного дня на предприятиях общественного питания», был А. И. Микоян.

Рекламный плакат

26 октября 1976 года ЦК КПСС издал повторное постановление о введении «рыбного дня». На этот раз причиной его введения являлась не столько нехватка мяса, сколько желание руководства страны увеличить производство рыбной продукции. Тогда же Минрыбхозу поручили создать в стране сеть специализированных рыбных хладокомбинатов, и одновременно начала строиться сеть фирменных магазинов **«Океан».**

За рыбным днем закрепили четверг. Все предприятия общественного питания в этот день не включали в меню никаких мясных блюд. Таким образом власти рассчитывали сэкономить расход мяса, нехватка которого стала ощущаться еще в середине 1960-х годов.

То, что рыбный день выпал именно на четверг, подкрепилось расчетами специалистов, сводящимися к тому, что реализация рыбы именно в этот день будет наилучшей, хотя те, кто видел в каждом действии советской власти очередной подвох, утверждали, что рыбный день ввели в четверг в пику православным верующим.

Населению рыбные дни особой радости не принесли, поскольку и рыбное хозяйство страны пребывало в упадке. Дважды руководство страны пыталось накормить народ рыбой, и оба раза неудачно. Народ на заботу коммунистической партии и правительства обыкновенно отвечал

анекдотами, один из которых с удовольствием привожу как напоминание о тех незабываемых днях, когда кормили анекдотами, а не рыбой:

«Ворона сидит на берегу реки и кричит:

— Ква, ква, ква!

Аист:

— Ворона, ты что, с ума сошла?

— Тихо ты, у меня сегодня рыбный день!»

РЫНКИ. Рыночной экономики в СССР не было, а рыночная торговля существовала. Она досталась Советскому Союзу в наследство от прежней жизни. В Петербурге первый рынок появился еще в 1705 году на Троицкой площади. Спустя десятилетия, в XVIII и XIX веках, в городе стали появляться каменные рынки — Щукин и Апраксин дворы, Круглый рынок (наб. Мойки, 3), Никольский (Садовая ул., 62), Ямской (Грязная, ныне — Марата, ул., 53), Александровский (Вознесенский пр., 44—46), Центральный рынок Г. А. Александрова (Кронверкский пр.), Дерябкин (Малый пр. Петроградской стороны). В XX столетии появились Кузнечный рынок (Кузнечный пер., 3), а также Калининский, Некрасовский, Невский, Московский, Торжковский, Правобережный. Только на рынках в Ленинграде в 1970—1980-е годы продавались свежая зелень, фрукты, овощи, свежий творог, сметана, мед и многое другое. Разумеется, в городе работали овощные, молочные магазины, но в них с утра и до вечера стояли очереди, и качество продуктов неизменно уступало рыночному. В 1967 году начало свою деятельность агропромышленное объединение «Лето», и в январе в некоторых магазинах появлялись зеленый лук, в феврале — огурцы, в марте — помидоры, но это лишь капля в море. На рынках овощи и фрукты продавались круглый год.

Директора рынков, по слухам и согласно криминальным публикациям в газетах, являлись миллионерами, рыночные торговцы тоже не бедствовали. Небедные люди и

Рынок в период дефицита

«питались с рынка», т. е. покупали там продукты. К середине 1980-х годов в Ленинграде находилось 15 рынков. Цены, особенно в канун праздника, например Нового года, большинству людей были недоступны. Так, в 1985 году соленые огурцы на рынках стоили до 5 рублей килограмм, а мясо — до 8 рублей (т. е. в четыре раза дороже, чем в магазинах).

В Ленинграде к этим рынкам прибавились в 1970—1980-е годы стихийные рынки по продаже книг, радиодеталей, автозапчастей и пр. Все эти рынки имели одно название — **«черный рынок».**

РЮМОЧНЫЕ. Если кто-то считает, что это изобретение советского времени, тот глубоко заблуждается: рюмочные появились в городе на Неве в конце XIX века. Их держали для посетителей, не расположенных к продолжительному застолью. Возродились рюмочные в конце 1950-х годов как реакция властей на жалобы горожан, требовавших оградить детские площадки, парки и дворы от лиц, распивавших там спиртные напитки.

Меню (до **денежной реформы**) вывешивалось на стене рюмочной, на видном месте: «100 граммов водки и бутерброд — 4 рубля 25 копеек». В рюмочных непременно полагалась закуска — хотя бы к первой рюмке. В конце 1940—1950-х годов в рюмочных продавалась красная икра, но посетители ее не особенно жаловали. Некоторые указательным пальцем сбрасывали икру в блюдце и, выпив, закусывали одним хлебом, предварительно понюхав его. Неудивительно, что икра в рюмочных не задержалась, и ее заменили килькой.

После 1961 года рюмка водки в рюмочных стоила 50 коп. (при цене бутылки водки в пол-литра 2 руб. 87 коп.), к ней полагался (обязательно, и не только к первой рюмке) бутерброд с яйцом или килькой. Сидячие места в рюмочных не предполагались, посетители стояли за стойками. Помещение было обычно небольшое, и курить там запрещалось. Других напитков, кроме водки, не было, иногда стоял графин с водой для **запивки.** Популярностью пользовались рюмочные на ул. Рылеева, 23, на Моховой ул., 43, на 1-й линии Васильевского острова, 46, на улице Декабристов, куда захаживал народ из Мариинки (эта рюмочная славилась жареными котлетами), на Малом пр. Васильевского острова, 21 (вывеска сохранилась до сих пор), на Лиговском пр., 27 (закрыта в 1986 году).

В СССР рюмочные почему-то почитались как исключительно «ленинградское явление». Ни оспорить, ни подтвердить это мнение не представляется возможным.

В середине 1980-х годов, в ходе кампании по борьбе за трезвый образ жизни, все рюмочные безжалостно ликвидированы. Существующие в настоящее время в Петербурге рюмочные — скорее небольшие кафе с разными напитками и большим ассортиментом **закусона** и **запивок.** С рюмочными конца минувшего века их объединяет только отсутствие сидячих мест. Да и публика не та — не расположена к душевному общению.

«САЙГОН». В 1962—1964 произвели реконструкцию здания на углу Невского и Владимирского проспектов с приспособлением большей его части под ресторан-гигант. Обеденные залы заняли все этажи лицевой части здания, расширилось число складских, подсобных и производственных помещений. Работы осуществлял Художественно-оформительский комбинат Ленинградского отделения Худфонда РСФСР. В состав авторского коллектива вошли: архитекторы Е. И. Кржижановский, Ю. И. Эйленкри, А. Г. Скрягин, художники Т. С. Воронецкая, Е. Г. Михнов, Я. Блюмин. Открытие ресторана состоялось 4 сентября 1964 года. Вот каким предстал перед первыми посетителями первый этаж заново отделанного ресторана: «Широкие зеркальные окна. За ними — большой зал, одну стену которого занимает красочное керамическое панно. Здесь установлены современные аппараты для варки кофе». Этому помещению суждено будет стать одним из самых известных мест ленинградского общепита, но тогда, в шестьдесят четвертом, его будущие завсегдатаи еще только присматривались к «современным аппаратам для варки кофе». Другого места, где пили бы кофе как на Западе, во всем Ленинграде еще года два не существовало. Впрочем, ни память, ни газетные и журнальные статьи того времени не подсказывают

нам, где можно вообще было выпить черного кофе в Ленинграде.

В восьми ресторанных залах (из них только два крупные), рассчитанных на 450 посетителей, появились расписные ткани, которыми завешивали все стены и даже окна. Украшенная стеклянными витражами лестница вела на третий этаж, где в отделке помещений использовали дерево. Обновленный ресторан принимала государственная комиссия.

Эта самая комиссия, надо полагать, согласилась с тем, что старую отделку помещений уничтожили, а подвалы засыпали. Полукруглую парадную лестницу облицевали пиленными плитами мрамора, а окна, выходящие во двор, стали более узкими. Во дворе появились пристройки.

Южная, жилая часть здания (там долгие десятилетия существовали коммунальные квартиры) осталась без изменений.

15 июня 1965 года «помолодевший» ресторан (как называли его в газетах) посетил исследователь Петербурга С. Я. Вяземский. Среди его бумаг, находящихся в Центральном Государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга, сохранился счет, который ему тогда подали в «Москве»: «Солянка мясная — 1,00. Эскалоп — 0,95. Хлеб — 0,05. Пиво «Ленинградское» — 0,57/2,57». По тем временам это действительно недорого, однако ресторанов в Ленинграде в 1965 году было менее тридцати (включая вокзальные), по вечерам в них с улицы стояли очереди, вызывавшие изумление редких иноземцев, да и посещать эти заведения в общественном мнении считалось так же неприемлемо, как носить «тарзанью прическу». В справочнике «Список абонентов Ленинградской городской телефонной сети за 1965 год», откуда мною почерпнуты сведения о количестве ресторанов, есть телефон директора ресторана «Москва», зам. директора, бухгалтерии, производства, кладовой и даже... химико-пищевой лаборатории!

В 1965 году в ресторане «Москва» служил официантом Павел Иванович Сысоев. Как писали в газете того времени,

«ему, энергичному, крепкому, проворному, пошел 87-й год... Его весь город знает». Сысоев, трудовой стаж которого к тому времени насчитывал 70 лет, никогда не записывал заказы, все запоминал, и не было случая, чтобы ошибся. Жаль, корреспондент не побеседовал поближе со старым официантом, который наверняка мог бы рассказать много чего интересного, но советская пресса не баловала читателей рассказами из прошлого.

В одной из газетных публикаций говорилось о том, что оформление ресторана «Москва» в те годы напоминало посетителям о городе, в честь которого он назван: «Только вздохи ветра и мелкая дробь по стеклу напоминают о непогоде. Золотисто-красный занавес, скрывающий окна, создает в зале атмосферу уюта и торжественности».

— Декоративную ткань для банкетного зала ресторана «Москва» я расписывал вместе с художником Курисом, — вспоминал Михаил Звягин. — Хотелось, чтобы роспись привлекала не только теплым колоритом, но и всем строем композиций, связанных с памятными местами столицы: московским Кремлем, памятником Юрию Долгорукому, архитектурными сооружениями.

Кафетерий на первом этаже (вход с угла) поначалу не имел никакого названия (открылось это заведение на три дня раньше ресторана — 1 сентября 1964 г.). Ленинградцы допустить этого не могли и назвали заведение «Подмосковьем». Иногда его называли по имени то ли официантки, то ли продавщицы: «У Веры» (или «У Верочки» — все зависело от того, насколько коротко посетитель был с ней знаком). Художник Е. Г. Михнов-Войтенко* расписал кафельные

* По воспоминаниям поэта Г. Горбовского, Войтенко, «одинокий, гордый, талантливый, никому в своей стране не нужный», жил поблизости, на улице Рубинштейна, а умер, забытый всеми. (Как это сегодня ни покажется странным, многие специально переселялись поближе к «Сайгону», чтобы бывать здесь чаще. Наверное, в этом смысле «Сайгон» поистине уникальное место — быть может, и в мировой практике).

стены кафе абстрактными сюжетами, потом их замазали, на стенах появились петухи, и завсегдатаи прозвали заведение по-новому: «Петушки».

Исключительную популярность кафе приобрело в 1970-е, когда оно, уже под названием «Сайгон», стало местом встреч и общения ленинградских «неформалов», которые с удовольствием смаковали «маленький двойной и воды поменьше». Здесь сложились свои обычаи, традиции, сленг, правила поведения и особая атмосфера раскованности, нетипичная для советского времени. Возникло братство «семидесятников».

Это был не кабак, где часами сидят одни и те же люди и пьют горькую, подперев ладонью щеку, не ресторан, куда посетители зашли случайно, сегодня отужинают, а потом придут снова не скоро — если вообще придут. В «Сайгоне» после 1968 года образовалась теплая атмосфера. Сюда устремлялась молодежь, не искавшая, а уже *нашедшая* родственную душу (и не одну!). Молодых людей объединяла схожесть интересов (музыкальных, литературных, житейских), манера говорить и одеваться, всеобщая неустроенность, бесперспективность и невозможность найти занятие, применение своим умениям или, реже, талантам. «Сайгон» — исключительно ленинградский феномен — расположился, конечно же, на Невском, «лучше которого нет ничего на свете», рядом — Публичная библиотека, станция метро, ресторан «Москва» (куда заглядывали посетители «Сайгона», когда у них появлялись деньги), мороженица «Придаток» на Владимирском проспекте, пивной бар «Жигули» там же. Сплошь все культурные (читай: культовые) места, где всегда встретишь своих, а еще книжные магазины на Литейном проспекте с книжным развалом во дворе и круглосуточно работавшим туалетом. «Сайгон» сделался для его посетителей источником информации о сверстниках, событиях в мире, в области специальных знаний.

Однако если ленинградцы относились к «Сайгону» терпимо и снисходительно как к очередному, скорее всего

временному, проявлению молодежной авангардной культуры, то разного рода неонацисты и лжепатриоты на дух не переносили неповторимый питерский «Сайгон». По утверждению знатока питерской мифологии Н. А. Синдаловского, в конце 1980-х они объединились вокруг идеи разгромить «Сайгон» и примерно наказать «сайгонщиков». Рассказывают, в 1987 году на Питер двинулось несколько поездов, набитых «люберами». И хотя милицию об этом заранее осведомили и еще где-то под Тосно «налетчиков» высадили из поездов и отправили обратно в Первопрестольную, на Московском вокзале, если верить фольклору, собралось огромное количество ленинградских гопников, бомжей и прочего сброда с единственной целью — отразить нападение Москвы на Питер.

Группе «люберов» все-таки удалось добраться до Ленинграда. Высадившись на Московском вокзале, они бросились искать тот самый ненавистный «Сайгон». На глаза им попался пивной бар «Хмель». Увидев у входа толпу желающих опрокинуть кружечку пива мужиков и решив, что это и есть «Сайгон», москвичи ворвались в пивную, преисполненные решимости восстановить в Ленинграде социалистическую справедливость. И тут, согласно легендам, началось нечто невероятное. Против москвичей объединились не только завсегдатаи пивного бара, но и окрестная молодежь, и местные стражи порядка. «Люберы» спешно покинули Ленинград.

А ведь найти «Сайгон» и вправду было непросто — вывеска у кафе отсутствовала, но название «Сайгон» знали, наверное, все ленинградцы, даже те, кто никогда здесь не бывал. (Сокращенные названия «Сайг» и «Сайгак» не прижились и в истории «Сайгона» не запомнились.) Здесь предпочитали собираться те, кто не видел себя в рамках принятых комсомольско-молодежных программ отдыха и развлечений. В городе, где большинство населения обитало в коммунальных квартирах («коммуналках»), те, кто моложе тридцати, жили с родителями, и кафе для них становилось единственным местом общения. Дешевизна

кофе делала этот напиток доступным и для студента, и для оператора газовой котельной. Да и сама идея пить кофе считалась отчасти вызывающей и экзотической: иноземный кофе противостоял советскому чаю. Здесь работало одновременно пять эспрессо-машин «Омния Люкс» венгерского производства. В начале 1970-х кофе воспринимался как напиток некой романтической богемы. Многим казалось, что для того, чтобы приобщиться к ней, стать ее частью, надо всего лишь заглянуть сюда, в «Сайгон». Выбор посетителя ограничивался «маленьким простым», «маленьким двойным» или «большим двойным» кофе сорта «плантейшн», зачастую пережаренным, с густым, для многих привычным и даже приятным запахом.

Одно время после косметического ремонта в «Сайгоне» не стало кофе. Якобы в городе дефицит этого продукта. Якобы кофеварки сломались. Или еще что-то малоубедительное. И потому предлагали чай. Посетители стали брать семерной чай — издевательски. Будьте любезны — чашку кипятку и семь ложечек чаю. Благодарю вас.

С этим пытались бороться, наливая прохладную воду, чтобы чай хуже заваривался. Чайная эпопея продержалась не долее месяца, хотя оставила болезненную зарубку в памяти. Потом администрация то ли сдалась, то ли смилостивилась, но кофе в «Сайгоне» появился снова.

Здесь с утра до вечера толкались непризнанные или еще несостоявшиеся гении, так называемая творческая интеллигенция, пишущая словом и красками и не пишущая вовсе, а именно: стукачи, разного рода бездельники, временные рабочие, спекулянты, операторы газовых котельных, книжные жучки, алкаши, «волосатики», сутенеры, хиппи, **фарцовщики** и прочая публика. С четырех до пяти здесь был санитарный час, и после обязательной уборки «Сайгон» заполнялся еще плотнее, чем в первой половине дня, — приходили студенты дневных отделений.

Завсегдатай «Сайгона» литератор Е. П. Вензель писал:

Можно увидеть меня быстро идущим проспектом
Рот мой брезгливо надут в глазах социальная грусть —
Я направляюсь в кафе похмельным синдромом объятый
Стоя как лошадь в углу кофе с приятелем пить.

Так, без знаков препинания, мыслили тогда те, кого охватывала «социальная грусть», и они находили утешение только в одном месте Ленинграда, в этой Мекке «семидесятников».

Неуютное помещение с длинными прилавками (за ними — зеркальная стена) и маленькими круглыми столиками, вокруг которых посетители стояли — притом часами. Места хватало всем, и, в отличие, скажем, от рюмочных, заведений весьма популярных и среди молодежи тоже, «Сайгон» не мог быть монополизирован одной компанией. Приходили и случайные посетители, но неизменно существовало узнаваемое ядро, которое чужаки обходили стороной, словно чувствуя, что лучше просто выпить кофе и убраться подобру-поздорову.

Тот, кто успевал захватить место на подоконнике (со стороны Владимирского проспекта), чувствовал себя более комфортно и, похоже, уходить вообще не собирался, поэтому от человека этого и не ждали и в очередь не выстраивались. Иногда на подоконниках играли в шахматы, играли всерьез, хотя и не на деньги, как в Катькином саду. Спустя какое-то время подоконники закрыли решетками, исходя из непререкаемого правила советского этикета, гласящего, что на подоконнике сидеть «не положено».

Ходили небезосновательные слухи, будто власти специально решили собрать антисоциальные элементы в одном месте, дабы не гоняться за ними по всему городу. За зеркальными стенами якобы вмонтировали аппаратуру КГБ.

В названии «Сайгон» зафиксировалась одна из тогдашних горячих точек планеты (шла американо-вьетнамская война). Между тем в городском фольклоре сохранилась легенда, которую с удовольствием вспоминают бывшие

«сайгонщики». Порядки, установленные тогда администрацией кафе (а скорее милицией, КГБ или городскими властями), отличались полной неопределенностью и непредсказуемостью. Курить здесь то разрешали, то запрещали. Как-то посетители, попивая кофе, закурили. К ним подошел милиционер и сделал замечание: «Что вы тут курите? Безобразие! Какой-то Сайгон развели!» Именно тогда будто бы и появилось название «Сайгон». Перекресток Невского и Владимирского проспектов тогдашние студенты называли так: «На углу всех улиц». Для многих ленинградцев этот перекресток был если не центром мироздания, то едва ли не единственным местом в городе, где чувствовали себя среди единомышленников по образу жизни.

Того «Сайгона» давно нет, но кое-кто из его завсегдатаев до сих пор повторяет: «Вышли мы все из „Сайгона". В числе его постоянных посетителей находился И. А. Бродский, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе. Регулярно заходили сюда будущие знаменитости: рок-музыканты Б. Б. Гребенщиков («Детство прошло в „Сайгоне" / Я жил, никого не любя...» — пел потом БГ), Ю. Ю. Шевчук, С. А. Курехин, а также литераторы С. Д. Довлатов, Е. А. Рейн, актеры И. М. Смоктуновский, М. С. Боярский, художник М. М. Шемякин. В интервью петербургской газете «Метро» Шевчук вспоминал в 2006 году: «Помню, в „Сайгоне" я как-то увидел БГ. Он стоял у окна, в белом ментовском полушубке, из-за головы у него светило солнце... и он был похож на Будду! И пил кофе за 22 копейки. Это было круто, это была личность. И каждый был личностью».

Вот фрагмент беседы писателя А. Н. Житинского с Б Г, состоявшейся спустя несколько лет после закрытия «Сайгона»:

А. Ж.: Ну а отношения с «Сайгоном» в ту пору?

Б Г: Полные. Мы там все время жили.

А. Ж.: Во время моей молодости, в шестидесятые годы, «Сайгон» был местом сбора молодых поэтов, художников, которые потом передали эстафету рокерам, хиппи...

Примерно такой же состав посетителей назвал в интервью «Ленинградской правде» 19 июля 1987 года и начальник Управления уголовного розыска ГУВД Ленгорисполкома: «„Сайгон" (кафе от ресторана „Москва") сейчас стал центром притяжения наших доморощенных „хиппи", панков и прочей плесени...»

«Сайгон» пережил несколько периодов, несколько групп завсегдатаев. До середины 1970-х годов «ядром» здесь считались литераторы Е. Вензель, В. Топоров, ставший потом театральным режиссером Н. Беляк, В. Ширали, Б. Куприянов, П. Брандт. К ним примыкали Г. Григорьев, Н. Голь, Е. Здравомыслова. Никто из них, за исключением В. Топорова, не печатался. В «Сайгоне» читали или обсуждали стихи. Постоянными посетителями были однокурсники Топорова по филфаку, начинающие специалисты по истории символизма (мои сотоварищи по университету) А. Лавров (ныне — академик) и С. Гречишкин (автор нескольких сборников стихов и статей, опубликованных им под псевдонимом В. Пригодич). С ними часто видели Леона Карамяна (рано погибшего), одного из немногих тогда салоносодержателей, обладателя роскошной библиотеки и коллекции виски для гостей.

Вместе с «литературной» группой существовала компания биологов. Главным среди них был сын директора Института физиологии Николай Черниговский по прозвищу Кол (рано погибший), его друзья — Сергей Чарный и Иван Чежин.

Чуть позже в «Сайгоне» появился Толя Ромм по прозвищу Кит, личность богемная, а значит, для многих притягательная. Среди его многочисленных знакомых — С. Курехин и Б. Гребенщиков, биолог Катя Видре, фотограф Б. Смелов, поэт А. Драгомощенко, художник Г. Лонский. Кит жил в двухкомнатной квартире на Кирочной (тогда — ул. Салтыкова-Щедрина), где часто заканчивались сайгоновские вечера (или, лучше, дни).

В истории «Сайгона» не зафиксированы пьяные дебоши или разговоры на повышенных тонах; напротив, там

проявлялось истинное джентльменство, нехарактерное для прочих ленинградских мест. М. М. Жванецкий в одном журнальном интервью заметил: «Я в Ленинграде видел, как жуткого вида бомж пропускал женщину вперед, входя в кафе „Сайгон“».

«Сайгон» закрылся в марте 1989 года, просуществовав ровно четверть века. Кто-то, правда, вовремя оттуда ушел, но кто-то спился, для кого-то «Сайгон» стал кладбищем надежд. Большинство из тех, кто приходил туда в поисках литературной или иной славы, так и не добился ее. Однако «Сайгон», по сути, — первый неформальный клуб в Ленинграде тех лет, и он, безусловно, занимает важное место в городской культурологии, да и в истории литературы.

В одной из эмигрантских рецензий Сергей Довлатов вспоминал о «Сайгоне»: «Ну что „Сайгон“... Грязноватое кафе в центре Питера, на углу Невского и Владимирского проспектов, со странной богемно-уголовной публикой, где встречались, пили кофе и портвейн, обменивались новостями, читали стихи. Юный лопух, случайный посетитель мог заметить только это. Но для своих, для посвященных „Сайгон“ — это непрерывно творимая легенда, продолжение петербургского мифа (у „них“ — салон Волконской или башня Вяч. Иванова, у нас — „Сайгон“), символ второй настоящей культуры, оказавшийся, как по заказу, напротив — на расстоянии Литейного — официальных цитаделей: кагэбэшного Большого дома и ленинградского Дома писателей. ...Естественно, читались стихи, естественно, передавались рукописи, так что это время можно с полным правом окрестить как „сайгонский период русской литературы“».

Из «сайгоновских недр» в 1981 году вышли создатели первого в стране рок-клуба. «Сайгоновские литераторы» выпускали машинописные журналы: с июня 1976 года «Часы» — литературно-публицистический, объемом 250—300 страниц, тиражом 10—20 экземпляров, и с осени 1981 года — «Обводный канал», литературный журнал объемом 275 страниц, тиражом 8 (!) экземпляров. Постоянные

авторы этих журналов сформировали клуб непризнанных молодых литераторов — «Клуб-81», просуществовавший до своего самороспуска в середине 1989 года.

После закрытия «Сайгона» наступил новый, весьма короткий период в жизни здания на углу Невского и Владимирского, совсем неинтересный.

Сначала тут ненадолго появился винный бар, а потом, в 1989 году, после ремонта в переоборудованном помещении «Сайгона» открылся магазин итальянской сантехники, затем магазин видео- и аудиокассет. Ни о хозяевах этих магазинов, ни об их посетителях автор ничего не знает.

В 1990 году Шемякин и Рейн предприняли попытку создать в бывшем «Сайгоне» мемориальный центр, но должной поддержки эта идея не получила. Наконец, в 1998 году в старинном доме начался капитальный ремонт, и о «Сайгоне» уже давно забыто. Хотя можно послушать БГ четвертьвековой давности и вспомнить молодость:

Ушла «Аббатская дорога»,
Ушли «Орбита» и «Сайгон»,
Нам остается так немного
От наших сказочных времен.

Или:

В «Сайгоне» тебя полюбят,
И ты, разучившись петь,
Пьешь кофе, подобно людям,
Кто в жизни уже успел
Стать поп-звездой...

Сейчас в доме, где когда-то помещался «Сайгон» и где кто-то успел стать поп-звездой, а кто-то — нет, расположилась одна из петербургских гостиниц.

В заключение надо сказать, что о «Сайгоне» были в свое время наслышаны и в других городах СССР. В 1990-х годах

в Петрозаводске, на ул. Ленина, 7, существовал свой «Сайгон» — бар, названный так в подражание ленинградскому «Сайгону».

САМИЗДАТ. Весьма примечательно, что слово «самиздат» следует за «Сайгоном» — одно не могло существовать без другого, и то, и другое тесно друг с другом связано.

Существует мнение, будто слово «самиздат» придумал поэт Н. Глазков в начале 1950-х годов, однако подлинное распространение оно получило в начале 1960-х. Именно тогда в Ленинграде на Полтавской улице в «Кафе поэтов» раз в неделю, по субботам, питерские поэты И. Бродский, Г. Горбовский, В. Соснора, Д. Бобышев, А. Кушнер читали свои стихи. «Кафе поэтов» просуществовало два года, а потом заведение закрыли. Поэты переместились в **«Сайгон»**, в кафе «Север» и в кафе на Невском пр., 7. К середине 1960-х пришло время, когда в эти заведения стали приходить прежде всего затем, чтобы передать или получить распечатанные на машинке тексты: стихи, рассказы, романы, не попавшие в официальную советскую печать, а потому считавшиеся незаслуженно обойденными, — как и их авторы. Все, что печаталось на машинке, читалось и обсуждалось, все, что выходило в виде книги, отходило на второй план. Один из самых популярных анекдотов того времени: отец пожаловался приятелю, что его сын никак не хочет читать «Войну и мир». Приятель посоветовал ему перепечатать роман Толстого на машинке, а спустя какое-то время поинтересовался, как дела. Отец отвечал, что сын буквально проглотил перепечатанные на машинке страницы, придя от романа в полный восторг.

Собственно, еще при Льве Толстом (а то и раньше) существовал самиздат, когда школьники писали в альбомчики стихи, рисовали рисунки. Составлялся круг авторов-единомышленников, непретендовавших, впрочем, на то, чтобы их творения сделались достоянием общественности. В 1960-е годы все началось с распространения стихов,

распечатанных на машинке, потом появились — не могли не появиться — тексты, осуждающие советский режим, потом эротические сочинения и порнография, а потом и религиозные (порядок поступления их на самиздатский рынок не важен, но именно таковы были основные темы). Власти насторожились, сочиняющая, распространяющая и читающая самиздатские тексты публика сделалась осторожнее. Рукописи более не передавались в кафе, куда приходили стукачи. Для этой цели выбирались другие места — например квартиры. В 1960-е годы на квартирах некоторых литераторов, например, встречались еще и затем, чтобы обменяться самиздатскими рукописями и обсудить их. Не заставили себя ждать и первые рукописные альманахи, сборники стихов, державшиеся на скрепках или шитые нитками. Процесс над И. Бродским в 1964 году вызвал к жизни распечатку стенограммы процесса, сделанную Ф. Вигдоровой. Стенограмма читалась как пьеса абсурда. Наказания за распространение самиздата были весьма строги: авторов и распространителей привлекали к суду, изгоняли из вуза или с работы. К началу 1980-х годов в Ленинграде меж тем выходили самиздатские журналы («Северная почта», «Митин журнал», «Сумерки»), а также стали появляться первые переводы с английского детективных романов — к тому времени появились дельцы, сообразившие, что на подцензурном интересе можно делать деньги. Как выяснилось, это стало концом самиздата. Самиздат оставил заметный след в истории Ленинграда последних десятилетий минувшего столетия. Во-первых, состоялось приобщение особо пытливых читателей к образцам исторической, политической, художественной, религиозной литературы. Во-вторых, благодаря самиздату сохранилось множество имен авторов, участников событий и т. д. Самиздат помог некоторым пишущим ленинградцам сделать первую пробу пера, услышать мнение о своем произведении того, чье мнение автор ценит, а ведь это так важно для пишущего.

В начале 1980-х годов самиздату и его поклонникам сделали некоторое послабление: открыли библиотеку самиздата, разместившуюся в башне бывшей Городской Думы на Невском проспекте. Под залог в 10 рублей брали домой на время самиздатовские журналы «Часы», «Обводный канал», «Сумма», а также самиздатовские книги. Очевидно, контроль за «репертуаром» выдаваемых книг все же вели.

САМОГОН. Гражданское население страны гнало самогон в промышленных масштабах, начиная с 1920-х годов. Ленинградцы не отставали от всенародного увлечения. Причем самогон гнали и дома, и на работе. В одном документе отмечалось, что в 1961 году «на территории больницы им. В. В. Куйбышева работница больницы М. Д. Корнева при участии коменданта больницы и других сотрудников в служебном помещении организовала изготовление самогона в значительном количестве».

Под самогоном и правоохранительные органы, и изготовители этого бодрящего нектара, и его потребители правильно понимали спиртосодержащий напиток, полученный кустарным способом перегонки. К числу такого рода напитков относились чача (разновидность самогона, изготовляемого из отходов первичного виноделия), арака (крепкий спиртной напиток, который изготовлялся в Азии из риса или сока пальм, а в Европе — из спирта и искусственных эссенций), тутовая водка, изготовленная из туты, брага (слабоалкогольный напиток крепостью 1,5—3%, изготовленный из смеси ржаного и ячменного солода или сухого кваса, хмеля и сахара); иногда брагой называли любой самогон, что неверно. Все перечисленные напитки — самогон, поскольку изготовлены только путем перегонки. Различие между ними состоит лишь в сырье, из которого они изготовлены.

Самогон ценили не за вкусовые качества, пили его стаканами, как это описано в рассказе В. Шукшина «В профиль и анфас»:

«Старик сходил в дом, принес бутылку самогона... и стакан.

— Что ж ты сразу не сказал? — заторопился Иван. — Сидит, помалкивает!.. — Он налил стакан и одним духом оглушил. — Я вот такой больше люблю, чем первач. Этот с вонью, как бензин, — долго не будешь раздумывать. Кха!.. Пей. Сразу только.

Старик выпил не торопясь, закусил...

— Как бензин, верно?

— Самогон как самогон. Какой бензин?»

Упомянутый первач — это народное название самогона, образующегося на начальной стадии перегонки. Как правило, содержит от 60% до 70% этилового спирта. Первач упоминают И. Ильф и Евг. Петров в «Золотом теленке». Один из героев «пил... „pervatsch" и с тех пор не может забыть очаровательного ощущения, которое он при этом испытал». Если бы только он один!

В 1961 году на экраны СССР вышел короткометражный (всего 19 минут) фильм Л. И. Гайдая «Самогонщики» с Ю. Никулиным, Г. Вициным и Е. Моргуновым. Зрители смеялись до упаду. И смеются до сих пор. Убежден — этому великолепному фильму суждена вечная жизнь. Как и самогону.

После начала горбачевской антиалкогольной кампании (1985 г.) резко возросло самогонное производство, и цена трехлитровой банки этого популярного напитка доходила до ста рублей. Многие ленинградцы переселились к тому времени в отдельные квартиры, и именно это обстоятельство играло подчас решающую роль в выборе человеком такой интересной формы досуга, как самогоноварение (в коммунальной квартире всегда находились любопытные, готовые «настучать» на соседа). До введения **талонов** на сахар дела у самогонщиков шли отлично, а на всех базарах и толкучках одно время самым ходовым товаром являлись дрожжи.

В провинции, в Ленинградской области, например, считалось нормой ставить на праздничный стол вместе с вином и водкой самогон. Его разливали в отдельную посуду, по возможности, в непрозрачную.

САМОПАЛ. Так на молодежном сленге называли вещь, изготовленную кустарно, любую самодельную нефирменную вещь, например самопальные **джинсы.** Самопала стыдились, но что поделать — не все могли покупать фирменные джинсы на месячную зарплату. Между тем в одном из многочисленных ленинградских ателье шили брюки и куртки. В 1960-е годы в Ленинграде открылось множество ателье — головных уборов, треста Ленинградодежда, трикотажных изделий, но модники предпочитали частных портных, которые нелегально шили на дому «под фирму́».

Самопал стоил дешевле «фирмы», он осуждался друзьями-товарищами, носился без удовольствия и недолго, чтобы наконец когда-нибудь уступить место настоящей вещи. Но след свой в истории оставил.

САЧКИ. Весьма распространенное слово в последней трети минувшего столетия. Так называли прогульщиков-студентов, отсюда глагол — «сачковать» (у которого был популярный в те годы синоним «мотать»). Еще говорили — «сачкануть». Но мало кто знает, что у летчиков и многочисленного обслуживающего персонала единственной тогда в стране авиационной компании «Аэрофлот» пользовалась успехом такая же **аббревиатура** — сачок, что расшифровывалось как «современный авиационный человек, отдыхающий культурно». Пример? Пожалуйста: сидят несколько работников «Аэрофлота», выпивают. К ним заглядывает коллега: «А что это вы здесь делаете?» Ответ: «Сачкуем».

СВЯЗЬ И СМИ

Телефон. Нынешнему поколению петербуржцев трудно поверить, что всего каких-нибудь двадцать-тридцать

лет назад мобильных телефонов не было и в помине. Да и домашние телефоны стояли далеко не у каждого (на три с половиной миллиона жителей города в 1971 году приходилось 255 900 домашних телефонов). Поскольку большинство ленинградцев обитало в коммунальных квартирах, то и телефон устанавливался один на всех жильцов, хотя в крайне редких случаях соседи по квартире договаривались, чтобы аппарат установили в комнате одного из жильцов (как правило, пожилого или больного человека, который не мог самостоятельно передвигаться). Если кому-то звонили слишком часто, то это вызывало недовольство соседей — особенно тех, кому звонили мало.

Домашний телефон обходился дешево (в месяц за «индивидуальный» телефон платили 2 рубля 50 копеек, за телефон «коллективного пользования» — 4 рубля 17 копеек), поэтому разговаривали по нему часами (если рядом не было другого желающего поболтать). Правда, дорого — целых 100 рублей — стоила установка телефонного аппарата (инвалидам войны она обходилась бесплатно, а участники войны и инвалиды мирного времени платили по 20 рублей). Телефоны устанавливали в порядке **очереди,** однако без соблюдения очередности (при наличии свободных номеров на АТС и линий в кабеле) телефоны устанавливались инвалидам I группы, депутатам Верховного Совета СССР, участникам Великой Отечественной войны.

Телефонных будок в Ленинграде стояло довольно много (8155 в 1971 году), в отличие от нынешнего времени; существовала даже какая-то система их распределения. В будки часто выстраивались очереди из двух-трех человек, которые стучали в стекло приготовленной монетой, поторапливая говорившего.

В 1960—1980-е годы один звонок из телефонной будки стоил 2 копейки (без ограничения времени, хотя в правилах, вывешенных в будке, писали, что разговор должен длиться не более 3-х минут); до денежной реформы 1961 года позвонить из автомата стоило 15 копеек. Если номер, по которому

Телефонная будка. 1960-е гг.

звонили из будки, был занят, то полагалось выйти из нее и уступить место другому желающему позвонить, так что возле будки нередко собирались те, кто уже сделал попытку дозвониться и ждал своей очереди повторить ее. Получалось две очереди.

Телефонные аппараты в 1950—1960-е в продажу не поступали; аппарат приносил мастер, который устанавливал телефон. До 1970-х было запрещено устанавливать параллельные аппараты в квартире, за это могли и оштрафовать. Оштрафовать в 1950—1960-е могли и за длинный шнур (более двух-трех метров); поэтому те, у кого стоял параллельный аппарат (если кто-то мог «достать» второй аппарат, как, впрочем, и длинный шнур) или кто имел длинный шнур (иногда до 15 метров), обычно не вызывали телефонного мастера и не пускали мастера к себе, если он что-то собирался проверить.

В 1950—1960-е номера в Ленинграде были пятизначные (т. е. из пяти цифр) с буквой, означавшей район, где установлен телефон (К-6-29-48 — Московский район).

Героиня фильма «Застава Ильича» (1964 г.) говорит своему новому знакомому: «Запиши телефон: Г-6-34-21». В начале 1960-х появились шестизначные номера, а к концу 1960-х и семизначные. Все аппараты являлись дисковыми; кнопочные аппараты появились только в конце 1980-х—начале 1990-х годов.

Звонили в другой город, а тем более в другую страну из переговорного пункта; с квартирных телефонов заказы принимались с шести вечера до 9 часов утра, но, поскольку большинство ленинградцев проживало в коммунальных квартирах (**коммуналках**), то они предпочитали звонить из переговорного пункта.

Телефону в прошлом столетии не доверяли; все ленинградцы думали, что телефоны прослушиваются, поэтому часто говорили намеками; существовало выражение: «Ну, это не по телефону». Некоторые владельцы личных телефонов уносили аппарат в другую комнату перед тем, как принять гостей, которые могли начать вести «вольные» разговоры.

Почта. В последние десятилетия минувшего века необыкновенно (в сравнении с нынешними временами) распространилась традиция поздравлять друг друга с праздниками открытками (с Новым годом, 23 Февраля, 8 Марта, 1 Мая, 9 Мая, 7 Ноября, а также с днем рождения, окончанием школы или института, с юбилеем совместной жизни, с присуждением награды и т. д.). Открытки посылались даже в том случае, если человек, которого поздравляли, жил на соседней улице, а нередко и в том же доме (в последнем случае открытку опускал в почтовый ящик сам поздравляющий). Поздравительные открытки рассылались повсеместно и регулярно, и многие обижались, если их забывали поздравить таким традиционным и распространенным способом. Открытки отправлялись в открытом виде, по почте в конвертах, редко вручались лично адресату.

Открытками, точнее почтовыми карточками, извещали ленинградцев о поступлении в книжный магазин очередного тома подписного издания, о том, что подошла очередь

на стиральную машину, холодильник или другую бытовую технику.

Многие хранили открытки, полученные от родственников, друзей, однополчан, коллег (хотя по оформлению они выглядели почти все одинаково, сильно отличаясь в этом отношении от дореволюционных или нынешних), и складывали их в шкатулки, коробки, перевязав бечевкой или тесьмой. Именно в таком виде эти открытки потом встречались в больших количествах на помойках, куда их выбрасывали дети и внуки тех, для кого открытка так много значила в жизни.

Радио. В 1950—1970-е годы радио занимало ведущие позиции среди источников информации. Существовало выражение «По радио сказали, что...». Тому, что говорили по радио, безоговорочно верили.

По радио слушали спектакли, репортажи о футбольных и хоккейных матчах (эти последние до открытия в 1967 году дворца спорта «Юбилейный» проводились на открытом воздухе, на стадионе им. В. И. Ленина), сообщения о запусках космических спутников, сообщения о погоде и прогнозы. Радио заменяло все — библиотеку, кино, театр, стадион. До прихода телевидения оно было окном в мир.

Ламповые приемники сняли с производства в 1960-е годы, но еще долгое время они служили неизбалованным бытовыми приборами советским людям. В конце 1960-х годов появились транзисторы. Их брали с собой в поездки за город и т. д. Городское радио («радиоточка») имелось в каждом доме. Оно начинало работать в 6 утра, а завершало передачи в полночь. Многие включали радио после полуночи — для людей это был своего рода будильник, который в 6 утра играл гимн Советского Союза. Прослушав гимн и прогноз погоды на день, шли на работу.

На ленинградском радио работали свои «звезды», например М. Г. Петрова, проработавшая у микрофона 60 лет. Ее голос знали все ленинградцы, вернее, не одно поколение ленинградцев, хотя большинство жителей города до того, как появилось телевидение, не представляло, как она

выглядит (впрочем, телевидение ее не особенно жаловало). Она обладала детским голосом — то ли мальчика, то ли девочки. Л. С. Мархасев приводит в одной из своих книг такой эпизод: *«Мария Григорьевна... любила вспоминать, как ей когда-то прислали письмо: „Кто вы, девочка или мальчик, дяденька или тетенька?“»*.

Около сорока лет проработал на ленинградском радио Р. Широких. Голос этого диктора знали все ленинградцы — он читал все, от прогноза погоды до текстов публицистических передач. Без Широких много лет не обходился ни один репортаж с Дворцовой площади в советские праздничные дни.

Еще о ленинградском радио нужно сказать, что оно долгие годы являлось эталоном культуры русской речи. В значительной степени именно благодаря ему — вернее, благодаря дикторам и ведущим ленинградского радио — ленинградцев по их грамотной речи узнавали в других частях СССР.

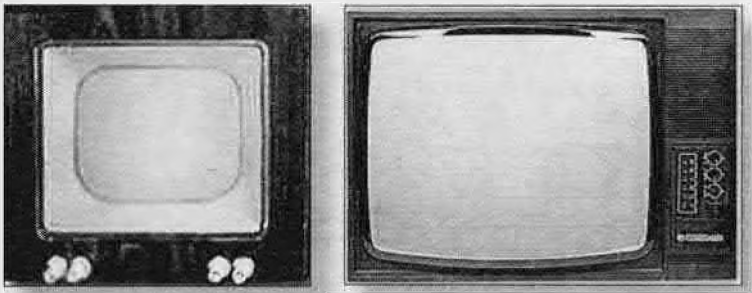
Газеты. Главной газетой страны в последние десятилетия XX века была «Правда». Все члены КПСС обязывались ее выписывать. Название этой газеты перекочевало в тысячи других ведомственных, региональных и прочих газет: «Брянская правда», «Пионерская правда», «Правда Севера», «Ленинградская правда» и т. д.

Прочие газеты того времени объединяли «советские» и «комсомольские» названия: «Советская культура», «Советский спорт» (как ни странно, существует до сих пор) и пр., «Комсомольская правда» (удивительно, но жива поныне), «Комсомолец Каспия», «Московский комсомолец» и пр. Иностранные газеты и журналы в 1970-е в Ленинграде покупали только в одном киоске, который стоял на углу ул. Бродского и Невского проспекта, возле гостиницы **«Европейская»**. На открытом доступе эти издания не лежали, и продавщица доставала их только в том случае, если видела перед собой знакомое лицо. Выбор для покупателя ограничивался либо английскими и американскими коммунистическими газетами, издававшимися на средства СССР

(их покупали студенты филологического факультета Ленинградского университета), либо журналами из Польши, ГДР, Болгарии и Чехословакии, в которых печатали фото модного поп-музыканта или даже западной поп-группы (тексты публиковались на языках стран «народной демократии», поэтому что-либо прочитать удавалось только тем, кто изучал эти языки — болгарский, польский и пр.).

Подавляющее большинство ленинградцев выписывало газеты или журналы. Оформить подписку на интересующие издания (за исключением «Правды» или «Ленинградской правды») можно было только на предприятии, где человек работал. Многих заставляли подписываться на пропагандистские листки вроде «Блокнота агитатора». Почтовые ящики для корреспонденции имелись на каждой двери жилого дома, даже если дом многоэтажный, и почтальону приходилось обходить все квартиры, чтобы опустить газеты во все ящики; иногда на ящики приклеивали вырезанные из газет названия изданий: «Вечерний Ленинград», «Советский спорт», «Ленинградский рабочий». С конца 1960-х почтовые секции стали устанавливать на первом этаже домов.

Телевидение. Первым массовым (бытовым) трехканальным телевизором стал знаменитый КВН-49 экраном 10,5 × 14 сантиметров (т. е. с открытку). В продаже он появился в 1949 году (отсюда «49» в названии). Для просмотра перед ним устанавливалась линза, наполнявшаяся дистиллированной водой. В 1950-е годы телевизор в Ленинграде являлся настоящей редкостью; на смену КВНу пришли громоздкие Темп-1, Темп-2, Ленинград-1, Ленинград-2. Но если телевизор покупали, то с удовольствием смотрели новости, концерты. На просмотр фильмов и интересных передач, например с Ив Монтаном, приходили знакомые и соседи по квартире (а то и по дому) со своими стульями. Стулья ставили в несколько рядов, как в кинотеатре, и шикали друг на друга, прося соблюдать тишину, даже если на экране ничего интересного не происходило.



Телевизоры конца 1950—начала 1970-х гг.

В 1962 году в стране выпускалось уже 23 модели телевизоров общим числом три миллиона штук в год («Рубин», «Радий», «Знамя-58М», «Темп-6» и др.). К сожалению, качество аппаратов оставляло желать лучшего. Постепенно самой популярной темой стало не обсуждение телепрограмм, а то, как бы починить телевизор. Телемастера превратились в 1960-е годы в едва ли не самую востребованную часть советского общества — в них нуждались все и всегда. Приведу здесь одно из писем в журнал «Огонек» 1961 года: «Два года мы собирали деньги на телевизор, долго стояли в очереди, наконец купили. Но он проработал не больше часа и все время выходит из строя. Он назван почему-то „Рекордом". Уж не рекорд ли это брака?.. Если заводу сходит с рук такое плохое качество, куда смотрят коммунисты завода?»

У меня тоже был «Рекорд», правда, более позднего срока выпуска. Помню, не раз относил его на себе в мастерскую на Зверинскую улицу, где его возвращали к жизни, а он по возвращении домой выкидывал новые коленца — мелькал, покрывался рябью, молчал, т. е. всем своим видом давал знать, что служить не хочет.

О телевидении 1950—1960-х годов лучше всего может рассказать человек, долгие годы на нем проработавший и отлично знающий телевизионную «кухню». Позволю себе привести длинную цитату из воспоминаний глубоко

В магазине техники. 1980-е гг.

уважаемого мною Л. С. Мархасева, без которого невозможно представить ленинградское телевидение и радиовещание тех лет (он работал и на телевидении, и на радио): «...В 50-х—начале 60-х годов все на телевидении только складывалось... На телевидение шли идеалисты и романтики, увидевшие в нем неслыханные возможности соединения литературы, музыки, живописи, театра, кино, а значит, и нового могучего средства народного просвещения. Потянулись на ТВ молодые журналисты и сценаристы, которым не нравилось работать в советских казенных газетах, нетерпеливые выпускники театральных институтов и ВГИКа, понимавшие, что в академических театрах и на больших киностудиях им еще долго ходить в подмастерьях... Но, конечно, на телестудию, как в Клондайк, хлынули и авантюристы, и неудачники, которым не подфартило в „старых" искусствах. Режиссеры, так и не сделавшие ни одного фильма или уволенные за бездарность из театров, редакторы, прослывшие профнепригодными в издательствах, авторы, которых нигде не печатали... Телевидение нуждалось в бесчисленных художниках, помощниках режиссеров, администраторах, осветителях, подсобных рабочих...

И наряду с молодыми талантами и честными трудягами там скопилось немало „пустой породы": алкоголиков, скандалистов, проворовавшихся проходимцев. Всех всасывало стремительно разбухавшее телевидение, ставшее своеобразным Ноевым ковчегом массового искусства рубежа 50-х—60-х годов.

В партийных кругах тогда телевидение считалось гиблым местом, неуправляемой конторой, номенклатурной ссылкой. Директора студии тонули один за другим. Для них это телевидение было смертельным номером, балансом на идеологической проволоке, каторгой с картинками, с перекрестным огнем со всех сторожевых вышек. Внезапную стрельбу мог открыть любой секретарь обкома, горкома или райкома — все они зорко следили за тем, кого из них, когда, сколько раз и как — крупно или мелко и в какой последовательности — показали по телевидению...»

Одним из «потонувших» директоров был Б. М. Фирсов. Сняли его по «Записке отдела пропаганды и агитации, культуры, науки и учебных заведений ЦК КПСС в связи с телепередачей Ленинградского телевидения «Литературный вторник»», принятой 18 февраля 1966 года. Передача «Литературный вторник», прошедшая по Ленинградскому телевидению 4 января 1966 года, «всего-то» посвящалась проблемам государственной политики, связанной с переименованием населенных пунктов, когда взамен исторически сложившихся названий городам присваивались имена деятелей советского государства.

Меж тем именно в это время телевидение расширяло сферу своего влияния. В 1960-е годы приняли решение о строительстве в каждом доме своей коллективной антенны. С середины 1970-х телевидение стало постепенно вытеснять из быта ленинградцев радио.

Телевидение стало для ленинградцев — да и для жителей всего СССР — единственным окном в мир, как когда-то радио. «Клуб кинопутешествий» давал жителям Страны Советов иллюзию посещения всех стран мира — увидеть другие

страны своими глазами они не могли. По телевизору смотрели те спектакли и концерты, на которые не могли попасть.

Внестудийные передачи начались в стране в 1949 году. 1 мая Ленинградский телевизионный центр впервые организовал показ военного парада и демонстрации трудящихся с Дворцовой площади Ленинграда.

В апреле 1962 года советское телевидение начало показ программы «Телевизионное кафе». Эту развлекательную передачу с участием эстрадных исполнителей и почетных гостей (космонавтов, шахтеров, доярок-ударниц и пр.) потом переименовали в «На огонек», затем в «На голубой огонек» и, наконец, в «Голубой огонек». Сначала «Голубые огоньки» выходили еженедельно, затем по праздникам: 8 Марта, 1 Мая, 7 Ноября, на Новый год. Третий по счету «Голубой огонек» шел в прямом эфире 28 июля из Ленинграда (первые два — из московской студии), с пляжа Петропавловской крепости. В этом «Огоньке» участвовал весь цвет театрального и музыкального Ленинграда: Г. Товстоногов, Н. Акимов, В. Соловьев-Седой, С. Юрский, Э. Пьеха. Вел передачу И. Смоктуновский. Так Ленинградское телевидение становилось известным на всю страну.

С сентября 1964 года и до сих пор выходит детская телепередача «Спокойной ночи, малыши!». Подумать только — почти полвека назад (в конце 1960-х годов) героями передачи стали игрушечные зверюшки с именами: Хрюша (поросенок), Степашка (заяц), Филя (пес), Каркуша (ворона) и Мишка (медведь). Эпизодически появлялся кот по имени Цап-Царапыч. Первым появился Филя (1968 г.), затем другие звери: Степашка (1970 г.), Хрюша (10 февраля 1971 г.) и Каркуша (1982 г.), которых озвучивали актеры московских театров. Хрюша, Степашка и их друзья и ныне пять раз в неделю появляются на телеэкране.

В 1973 году по телевидению показали первый сериал — «17 мгновений весны». Улицы Ленинграда и других городов СССР по вечерам пустели — все льнули к экранам телевизоров, чтобы следить за бесстрашным Штирлицем.

«Голубой огонек»

В 1980-е годы Ленинградское телевидение прогремело на всю страну своими программами «Пятое колесо» Б. Курковой и «600 секунд» А. Невзорова. Столь шумного успеха телевизионные работники в городе на Неве с тех пор не имели.

Перечислять удачи и неудачи тогдашнего телевидения здесь нет смысла — много было и тех, и других, история Ленинградского телевидения вполне заслуживает целой книги, и не одной. Скажу лишь то, что, думаю, наверняка понравится подавляющему большинству сегодняшних телезрителей: на телевидении тогда не показывали рекламу.

В связи с демонстрацией очередного съезда или пленума КПСС происходили изменения в программе. Бывало так, что днем передавали в прямом эфире полностью доклад Л. И. Брежнева, а вечером, в 21.00, в программе «Время» повторяли то же самое, из-за чего отменяли показ обещанного фильма или, что особенно огорчало многомиллионную армию болельщиков (гораздо большую, чем сейчас), демонстрацию футбольного или хоккейного матча — даже если в чемпионате мира участвовала сборная СССР.

СЕКС. Секс в СССР вообще и в Ленинграде в частности был. Не мог не быть. А вот слова такого не было.

Но нет, вспомнилось ведь: в 1980-х годах в кинотеатре «Титан» показывали один из первых эротических фильмов — «Донна Флора и два ее мужа». Билеты на этот фильм брали с боем, выстаивая многочасовые очереди. Фильм стал в известном смысле историческим, ибо ничего подобного похождениям бразильской донны ленинградцы до того времени на экранах кинотеатров не видели. Никакого секса в этом фильме, собственно, не было (особенно по нынешним меркам), так, обнаженка, намеки, но занавес чуть-чуть приоткрылся, интерес к еще одной стороне жизни пробудился, многие зажили в ожидании новых откровений, а то и открытий.

В СССР не существовало секса как индустрии услуг сексуального характера. Отсутствовали секс-шопы. Посещение или вызов проститутки становились проблемой из-за небольшого их количества и крайней замаскированности. Но все же ленинградцы или частые гости города знали, что «снять» проститутку можно у Московского вокзала. Секс носил камерный, домашний, интимный, неофициальный характер. Люди занимались любовью, а на предложение заняться сексом со стороны партнера (или партнерши) мог последовать если не отказ, то прозвучать протест, ибо под словом «секс» подразумевалось тогда что-то выходящее за общепринятые рамки.

СЕЛЬХОЗРАБОТЫ. Под этим термином ленинградцы имели в виду работы, которые проводили на селе горожане — студенты, работники НИИ и др. В СССР постоянно шла битва за урожай. Силы были неравны. Урожай не хотел собираться в закрома Родины, потому «наверху» было решено: пусть подсобят студенты и инженеры.

После поступления в высшее учебное заведение студент, еще не приступив к занятиям (с 1960-х гг.), проводил весь сентябрь на сельхозработах. Работников доставляли к месту сбора урожая на грузовиках, расселяли в бараках

На сельхозработах

и заставляли собирать в расставленные по полю ящики свеклу, картошку, морковь и прочие овощи. В стельку пьяный тракторист подъезжал к месту сбора с прицепом, и ящики ставили в кузов (это тоже делали студенты).

По вечерам студенты — не столько в подражание местным жителям, сколько от нечего делать — пили водку, щупали в темных углах студенток или доярок, набираясь таким образом сил для следующего трудового дня. И так целый месяц. Раз в неделю в местном клубе были танцы, где студенты непременно дрались с местными трактористами.

Если оглянуться назад, не так уж и плохо. Если бы снова поехать — упаси Бог.

СЕРТИФИКАТНЫЕ МАГАЗИНЫ. 1970—1980-е годы в двух магазинах Ленинграда (в доме № 28 по наб. Макарова и на пл. Стачек, напротив Кировского универмага) советские граждане, заработавшие деньги за границей, могли отоварить полученные от государства в обмен на эти деньги сертификаты. После подписания Советским Союзом Конвенции об авторском праве (в 1970-х гг.) авторам, печатавшимся в научных журналах Академии наук СССР, которые переводились на иностранные языки и печатались за рубежом, тоже стали платить чеки. Эти чеки сами авторы и члены их семей могли отоваривать в сертификатных магазинах, не имеющих вывесок, с окнами, затянутыми плотными портьерами.

Писатель Вяч. Рыбаков писал в «Архипелаге Атлантида»: «...впервые опубликовав рассказик в какой-то из стран тогдашней народной демократии и получив гонорар в каких-то чеках (уж не помню, как их звали), в восемьдесят пятом году галопом кинулся в соответствующий магазин (...на Васильевском, у Тучкова моста) и, теряя дыхание от восторга, купил себе синий бархатный пиджак».

В сертификатных магазинах продавали преимущественно одежду, а также бытовую технику (магнитофоны, транзисторные приемники) и (в магазине на пл. Стачек) кое-что

из продуктов, например воблу, которая в 1970-е годы в магазинах не продавалась, а также американские сигареты, шотландское виски. Пускали в эти магазины только по предъявлении сертификатов. Отоваривали их либо в этих двух магазинах, либо в аналогичных магазинах в Москве, имеющих значительно больший выбор товаров, так как там больше было и командировочных, выезжавших за границу.

«СОРОКОПЯТКА». «Сорокопяткой» когда-то называли советскую сорокапятимиллиметровую пушку образца 1937 года, но я не о ней, а о граммофонной пластинке на 45 оборотов в минуту образца 1960-х и более поздних годов. В СССР эти последние сорокопятки не производились, но в среде меломанов (или, лучше, битломанов) их хорошо знали. Сорокопятки привозили из-за границы. На них записывались 2—4 композиции западных поп-исполнителей, пользовавшихся популярностью среди советской молодежи (*Hollies, Tremeloes, Rolling Stones, Manfred Mann* и пр.). Советские проигрыватели давали возможность прослушивать сорокопятки, хотя эти пластинки берегли и старались не ставить их на отечественные «вертушки». Нередко сорокопятки приносили в гости к имеющим проигрыватель иностранного производства, а потом уносили с собой. Другое название сорокопятки — сингл. Это последнее слово существует поныне, а сорокопяток уже давно нет.

СОФЬЯ ВЛАСЬЕВНА. Эвфемизм*, к которому прибегали в Ленинграде (да и во всем Советском Союзе) в советское время (особенно часто в 1960—1970-е годы) в телефонных или кулуарных разговорах для обозначения советской власти (иногда Васильевна). Эта своеобразная, специфичная, прямо-таки неповторимая дама, как успел догадаться

* Нейтральное по смыслу слово или выражение, используемое для замены других слов или выражений, считающихся неприличными или неуместными.

внимательный читатель, — один из главных героев книги, которую вы держите в руках. Иногда Софью Власьевну называли просто СВ (не путать со «спальным вагоном», который тоже называется СВ!).

«СПАРТАК». За баскетбольный «Спартак» в Ленинграде болели так же страстно, как и за футбольный **«Зенит».** Главным тренером «Спартака» долгое время был В. П. Кондрашин. Под его руководством команда несколько раз стала бронзовым и серебряным призером чемпионатов СССР, в 1975 году стала чемпионом СССР, а в 1992-м — чемпионом СНГ. Когда Кондрашин возглавлял сборную СССР, она в 1972 году стала чемпионом Олимпийских игр, в 1974-м — чемпионом мира. Чемпионом СССР в состав «Спартака» входил выдающийся баскетболист Александр Белов — восьмикратный призер чемпионатов страны, чемпион XX Олимпийских игр, чемпион мира. Вместе с Беловым в «Спартаке» играли Ю. Павлов, А. Большаков, А. Макеев, В. Арзамасков, Л. Иванов, Г. Капустин, Е. Волчков, С. Кузнецов, И. Рожин, М. Силантьев, В. Федоров, Ю. Штукин, С. Тараканов, В. Яковлев. Всех спартаковцев болельщики знали в лицо, хотя ни календарей, ни подушек с изображением спортсменов, ни другой спортивной атрибутики тогда не выпускали. В Ленинграде, втором городе СССР, даже своей спортивной газеты не было — выходила раз в неделю лишь «Спортивная неделя Ленинграда» с подзаголовком «Программа соревнований». На протяжении многих лет эту команду в городе боготворили. Дворец спорта «Юбилейный», не говоря уже о спортзале Военно-космической академии им. Можайского, где проходили игры, был всегда переполнен. В Ленинграде считалось модным ездить на игры «Спартака» на собственных «Жигулях», прихватив с собой приятелей, а на следующий день обсуждать игру на работе в курилке.

Александр Белов, тогдашняя звезда «Спартака» и сборной СССР, умер от болезни сердца на 28-м году жизни 3 октября 1978 года, но память о нем будет жить вечно.

Как можно забыть три последние секунды олимпийского финала в Мюнхене в 1972 году, когда Белов, получив пас через всю площадку от Ивана Едешко, перепрыгнул двух американцев и отправил победный мяч в корзину сборной США. Этот бросок — не просто финальный аккорд в решающем матче, а едва ли не самый яркий эпизод из истории мирового баскетбола. Белов и в играх за «Спартак» оставил о себе незабываемые впечатления. Этого мощного и прыгучего центрового боялись все команды, даже грозный ЦСКА (со своим многолетним лидером — Сергеем Беловым) — вечный соперник тогдашнего «Спартака». Наверное, половина зрителей, посещавших матчи «Спартака» в «Юбилейном», приходила посмотреть на Александра Белова, и приходила не напрасно — Белов никогда не играл спустя рукава, что позволяют себе нынешние мастера с непомерно и незаслуженно завышенными суммами контрактов. Первым и единственным тренером Белова был Кондрашин, которого в Ленинграде звали просто Петровичем. Петрович пережил своего любимого ученика почти на двадцать лет. Он скончался в 1999 году и похоронен рядом с Беловым на Северном кладбище. На домах, где жили эти выдающиеся ленинградцы, установлены мемориальные доски. В Петербурге ежегодно проходит мемориал Кондрашина — Белова, но нынешний «Спартак», игроков которого не знает никто из петербуржцев ни в лицо, ни по фамилии, ни по игре, на этом празднике баскетбола лишь один из участников, не претендующий на лавры победителя. Сегодня в «Спартаке» играют — не за «Спартак», не за Питер, а за деньги — легионеры, несколько десятков соотечественников которых болеют за них на трибунах. Петербуржцам не остается ничего другого, как вспоминать тот «Спартак», которым руководил Кондрашин и в котором играл Белов, и ждать — не родится ли еще один великий спартаковец?

СТАРАЯ КНИГА. В нашей стране букинистическими называются книги, изданные с 1851 по 1960 год. Более ранние издания считаются антикварными. В Ленинграде в

1960—1970-е годы существовало пять букинистических магазинов, не считая отделов старой книги, в которых всегда находилось много как покупателей, так и продающих свои книги. Первые искали уникальные книги, нужные или интересные, вторые сдавали редкие, иногда нужные (для себя) и интересные книги, чтобы получить хоть немного денег.

К 1990 году в городе открылось уже 15 букинистических магазинов и более 60 отделов старой книги в книжных магазинах. К 2007 году в Петербурге, кажется, не осталось букинистических магазинов, во всяком случае, интереса к старой книге у петербуржцев нет; осталась одна история. Вспомним ее.

В годы блокады в городе работало около 20 книжных магазинов, а также букинистический магазин на Литейном проспекте, 59, и магазин Главсевморпути на Литейном проспекте, 64. Этот последний открылся еще в 1936 году для снабжения книгами полярных экспедиций. С 1951 года магазин носил название «Старая книга», а с 1966-го «Старая техническая книга».

Еще лет тридцать назад на Невском и Литейном проспектах, на Садовой улице старую книгу можно было купить, не заходя в магазин, — торговля велась, особенно в теплое время года, со столиков, стоявших на тротуаре.

Некоторые магазины старой книги просуществовали не одно десятилетие. В доме № 18 по Невскому проспекту в мае 1983 года начал работать магазин «Антикварно-букинистическая книга» № 53 (до 1917 года в этом доме находился книжный магазин А. Дейбнера). Его внутреннее убранство стилизовано под «александровский классицизм». Прилавки, книжные шкафы, осветительные приборы витрины изготавливались по специальному заказу, стены украшали барельефные портреты великих писателей. Этот магазин, с совой мудрости на вывеске, покинул исторические стены 27 октября 2001 года.

В доме № 72 по Невскому проспекту с 1920-х годов размещался антикварно-букинистический магазин, не прекра-

щавший своей работы даже во время блокады. После войны здесь находился книжный магазин «Эстампы, открытки» и книжный магазин № 49 «Ленинград» (до 1991 г.). Закрыт в начале XXI века.

В доме № 59 по Литейному проспекту после войны вновь открылся букинистический магазин под названием «Книжная лавка писателей». Его преемником стал «Букинист», продолжавший традиции дореволюционного магазина книгопродавца В. И. Клочкова (1850—1915). Клочков превратил продажу книг в распространение духовных ценностей. Книгами в этом доме торговали около 120 лет. Теперь здесь продают одежду.

Редкие или популярные книги покупали в Ленинграде с рук в садике за магазином «Подписные издания» на Литейном, 59. Там обменивались книгами или продавали их друг другу или желающим. С рук книга стоила по тем временам четыре-пять номина́лов! Например, если в магазине она стоила 60 копеек, то в садике на Литейном она шла за три рубля. Но что делать, брали.

Брали не только книги, но и тех, кто книги продавал. Какое-то время милиция якобы закрывала глаза на происходившее в этом садике, однако примерно с 1969 года любителей книг стали разгонять, некоторых — задерживать, и любителям книги пришлось менять дислокацию. Так появились места встреч в Ульянке, возле знаменитой на весь город «трубы» (вдоль железнодорожного полотна тянулась труба, через которую перелезали, чтобы оказаться на «книжном рынке»); я туда ездил пару раз — грязь непролазная и море интереснейших книг. В 1984 году при Обществе книголюбов в ДК имени Карла Маркса создали клуб, члены которого могли обмениваться книгами, — все не грязь месить возле «трубы». Потом книголюбы, как любили называть любителей книг при советской власти, перебрались в клуб «Водоканал» на улице Воинова (ныне — Шпалерная). В этом клубе, который занимал два этажа, легально обменивались книгами и полулегально ими торговали. В 1992 году

в «Водоканале» стало тесно, и книголюбы переехали во Дворец культуры имени Н. К. Крупской.

Питерские магазины старой книги, книжные развалы или разложенные на скамьях в темном сквере редкие издания, на которые никогда не хватало денег, я вспоминаю с каким-то щемящим чувством невосполнимой утраты чего-то очень для меня важного. Рыться в книжных развалах мне куда интереснее, чем в коробке с видеокассетами. Сейчас в Петербурге осталось 4 букинистических магазина.

СТЕКЛОТАРА. Небольшой, скромный, но постоянный и весьма нужный источник дополнительного дохода для советских людей, большое подспорье для нужд выпивающего человека, которому вечно не хватает денег. Сдача пустых бутылок (нередко не только самим опорожненных, а найденных — то ли случайно, то ли в результате долгих поисков) — часть образа жизни ленинградца, жившего в конце минувшего столетия, неотъемлемая примета того времени. Процесс сдачи имел свое неофициальное название — «операция „хрусталь"».

На пустые бутылки государство устанавливало залоговые цены. Если в 1970-е годы эти цены каждый знал наизусть («маленькие» — 9 коп., пивные бутылки — 10 коп., винные — 12, из-под «0,7» — 17 коп., из-под «0,8», т. е. шампанского, — 18 коп.), то в последующие годы, в связи с расширением ассортимента алкогольной продукции, в пунктах приема стали устраивать «демонстрационные стенды», на которых выставлялись образцы принимаемой посуды с указанием цены. Экспозиция постоянно менялась.

В лучшие годы число ППС (пунктов приема стеклотары) приближалось к двум тысячам. До 1970-х годов порожнюю посуду принимали в винных отелах гастрономов и в магазинах «Пиво-воды», но пришло время, когда работники магазинов уже не успевали справляться с продажей алкоголя и с приемом посуды, и стали открываться специальные пункты. ППС располагались обыкновенно в

Приемный пункт стеклотары

грязных, сырых подвальных помещениях, заставленных ящиками, или в павильонах-сараях. Приемщики были строги, разборчивы, придирчивы («это не берем, эта бутылка грязная»), категоричны, неуступчивы и, рассказывали, имели неплохой навар от обмана сдатчиков тем или иным способом.

Посуду в пункты приносили в спортивных или хозяйственных сумках, в коробках, чемоданах, в карманах, в рюкзаках, в полиэтиленовых пакетах, в авоськах, привозили в детских колясках. Очередь, вечно недовольная медлительностью приемщика или тем, что он то и дело пропускал кого-то с бутылками без очереди, становилась напористой и нетерпеливой. Среди сдававших встречались «профессиональные» сборщики, которые жили на деньги, вырученные от сдачи посуды; не обходилось и без «своих» — друзей и соседей приемщика. Часть собравшихся приходила обыкновенно выпивши, часть стремилась к тому, чтобы побыстрее прийти в такое состояние, — но прежде нужно выстоять очередь, сдать бутылки (все ли примут? хватит

ли?). Многие отпрашивались с работы на час-другой или прогуливали занятия в институте.

Сдача бутылок стала настолько распространенным явлением, что прекрасно вписывалась даже в детскую литературу. В рассказе В. Драгунского «Рыцарь» двое мальчишек, которым позарез понадобились 20 копеек, нашли припрятанные родителями две бутылки отличного дорогого вина, вылили их в банку из-под компота, бутылки сдали и выручили 24 копейки.

Во время футбольных матчей на стадионе им. С. М. Кирова пустые бутылки постоянно катились по сиденьями с верхних рядов в нижние, создавая специфический звуковой фон происходящему действу. Болельщики пили водку, пиво, запивали лимонадом — все бутылки в 1960—1970-е, да и последующие годы были стеклянные. Говорили, что сборщики бутылок выручали тогда баснословные суммы и жалели только о том, что в футбол играют не каждый день.

Сдавали в ту пору не только винно-водочные бутылки, но и тару из-под молока, а также литровые, двухлитровые и трехлитровые банки, майонезные баночки и прочую «мелкоту». Банки принимали в молочных магазинах по 15 и 20 копеек за штуку, трехлитровая — 30 копеек (иногда — с черного хода в эти магазины). Сдать молочную посуду являлось такой же проблемой, что и винную — то приемщицы нет, то машина пришла под загрузку этой самой стеклотары... Поэтому молочную посуду пенсионерки (основные ее сдатчицы) большими сумками не носили, а, отправляясь в магазин, прихватывали с собой пару пустых бутылок из-под молока.

СТЕКЛЯШКА. Так в Ленинграде (да и в некоторых других городах СССР) называли заведения **общепита,** размещавшиеся во вновь возводимых сооружениях из стекла и бетона. Помещения убогие, неуютные, но обычно переполненные, ибо привлекали спартанской кухней и лукулловым изобилием спиртного (но отнюдь не ассортиментом).

В стекляшках размещались шашлычные, пивбары. В честь одного такого пивбара в Купчино в 1972 году назвали рок-группу «Аквариум». В 1970-е годы на Большом пр. Петроградской стороны, 48, находилась стекляшка под названием «Орбита». На ее месте недавно построили новомодную стекляшку, в которой продают одежду. Свято место пусто не бывает.

СТИЛЯГИ. Представители неформального движения советской молодежи, противопоставлявшей себя советским образцам, нормам и стандартам и ценившей все западное — от музыки до носильных вещей (прежде всего). Эти вызывающе одетые, по советским меркам, молодые люди (девушек-стиляг с высокими прическами и в обтягивающих юбках было куда меньше) появились (как и само слово «стиляги»), наверное, в середине 1950-х годов. Их манеру одеваться тотчас объявили идеологически вредной, своего рода вызовом советскому обществу. В самом деле, невозможно не заметить в серо-сине-черной толпе стилягу с длинными бакенбардами и тонкими усиками. Прямые волосы отращивались до плеч, а концы загибались горячими щипцами. Ботинки у него — обязательно на толстой микропористой подошве — так называемая «манная каша». Брюки шились из зеленого сукна, внизу они так зауживались (иногда около 18 сантиметров), что ступни пролезали в них с трудом, зато из-под них виднелись яркие пестрые носки одного цвета с галстуком «с разговорами», или с «пожаром в джунглях», или с обезьянами. Притом желательно из «тревиры» — ткани, производившейся в ФРГ; не было «тревиры» — галстук делали сами из клеенки, нарисовав на ней собственноручно пальму. Венчал образ стиляги кок а-ля Элвис Пресли. Да! Не забыть бы и про клетчатый пиджак с ватными плечами, именуемыми «котлетами», и с накладками на плечах («липы»). Чтобы доставать иностранные вещи, многие стиляги становились **фарцовщиками.**

Стиляги

Все это выглядело молчаливым, но бросающимся в глаза вызовом. В ту пору бросить вызов общепринятым нормам поведения и существования в целом можно было только внешним видом — до определенных пределов, разумеется. Бунтарями всегда были мужчины, и стиляги это еще раз доказали. Женщин, одевавшихся не по-советски ярко и броско, презрительно называли **«фифами»**, но фифы стремились прежде всего подчеркнуть свою материальную состоятельность, исключительность, непохожесть на других и «бросать вызов обществу» и в мыслях не имели, надо признать, за редким исключением.

Мода вычурно, с вызовом одеваться пришла с Запада. Носители брюк-дудочек* («...носил он брюки узкие, / Читал Хемингуэя», — писал в стихотворении «Нигилист» Евгений Евтушенко), цветастых рубашек, длинных волос с коком спереди и платков на шее всерьез полагали, что таким образом они пропагандируют западные стандарты поведения. «Образ» создавался постепенно, вбирая в себя атрибуты

* В середине 1950-х годов ширина производимых легкой промышленностью в СССР брюк была 35 см. Более узкие (25—30 см) отваживались носить немногие, «дудочки» же (уже 20 см) подвластны были только стилягам.

и аксессуары трофейного кино и прежде всего «Тарзана» (других источников информации попросту не существовало). В 1950-е годы «стильную» одежду главным образом шили, используя в качестве образцов привезенные вещи, потому что за границу в те годы ездили буквально единицы, а в магазинах ничего «такого» не появлялось.

Стиляги пользовались авторитетом прежде всего в молодежной среде, отсюда понятно, почему советы набросились на стиляг всей мощью своего пропагандистского аппарата. Стиляг высмеивали в советских художественных и документальных фильмах, в газетах, им объявляли выговоры на работе и в школе, исключали из комсомола (а это клеймо на всю жизнь). Подавляющее большинство советских людей либо осуждало стиляг, либо сторонилось их. Многие не решались одеваться «не так», зато у них дома висел портрет Хемингуэя — это тоже из области нонконформизма или, если отталкиваться от слова «стиляга», выражение своего стиля, своих интересов (но, применительно к тому времени, никак не вызов).

В 1960-е годы важную роль в облике «стильного» советского человека сыграл фильм Джона Хьюстона «Мальтийский сокол» с Хамфри Богартом в главной роли. Фильм сняли еще в 1941 году по роману известного американского писателя Дэшила Хэммета, но советские зрители увидели его лишь через двадцать лет. Евгений Рейн вспоминал, что «...изучал моду по кинофильмам, пытался подражать Хэмфри Богарту», «Мальтийский сокол» смотрел «...по несколько раз, обращая внимание на детали и аксессуары». И не один Рейн больше следил за деталями, нежели за сюжетом этого великолепного фильма — из него действительно можно было много почерпнуть для себя полезного.

Потом подлинную революцию в умах многих молодых советских людей, которых пытались воспитать исключительно на «патриотической» литературе, произвели романы немецкого писателя Эриха Марии Ремарка. И опять же — некоторых читателей привлекали прежде всего «детали»:

сдержанная манера вести разговор, изысканная небрежность в одежде. А. Г. Битов вспоминал о том времени: «Мы стремительно обучались, мы были молоды. Походка наша изменилась, мы обнаружили паузы в речи, учились значительно молчать... И вот мы уже все чопорные джентльмены, подносим розу, целуем руку». Я тоже помню, какое сильное впечатление произвели на меня и на моих сверстников в свое время книги Ремарка — наверное, что-то изменилось и в моем внешнем виде, а в мировоззрении — точно.

В 1980—1990-е годы в Ленинграде мелькнуло движение «неостиляг», одевавшихся по моде 1960-х годов и поклонявшихся рок-н-роллу вообще и незабываемому и неподражаемому (и манерой одеваться) Элвису Пресли в частности. Примерно тогда же на смену слову «стиляга» пришло слово «пижон» — так называли человека, стремившегося выделиться модной одеждой.

Нынче слова «стиляга», «пижон», кажется, совсем вышли из употребления, а того, кто одевается чересчур броско, называют другими словами, которые живут недолго и принадлежат узкому кругу людей. Правда, выражение «пижонить» живет и здравствует, как и само понятие, обозначающее стремление выделиться среди окружающих — и не только одеждой, но и автомобилем, например, или манерой езды на нем.

СТИРАЛЬНАЯ МАШИНА. Первая советская стиральная машина сошла с конвейера ленинградского Кировского завода только в 1966 году. Она представляла собой огромный бак с винтом в днище, который приводил в движение электромотор. Еще при машине находился постоянно ломавшийся таймер, а вот наливать и сливать воду приходилось вручную. Спустя какое-то время на Чебоксарском заводе им. В. И. Чапаева наладили выпуск полуавтоматических машин «Волга-10». Сказать, что стиральные машины были **дефицитом,** значит, ничего не сказать — первые стиральные машины продавались только в Москве и только по записи:

в очереди стояли по три-пять лет. Любую вышедшую из строя деталь можно было самому быстро и недорого отремонтировать. Насчет «быстро» — весьма сомнительно, но то, что «самому», это точно: я не раз видел разобранные «простые механизмы» стиральных машин, над которыми ломали головы лучшие умы, принадлежавшие к женатой части населения Ленинграда.

СТОЛ ЗАКАЗОВ. В конце 1960-х годов при продовольственных магазинах и на предприятиях стали открываться так называемые столы заказов. Идея заключалась в том, чтобы хозяйка по дороге на работу (или на завтра) сделала заказ, который могла получить, возвращаясь домой, во второй половине дня. Заказ делали и по телефону. Он должен был содержать минимум четыре наименования товара. Отсюда — анекдот.

«Заглянул как-то покупатель с утра в стол заказов и увидел, что в продаже появилась польская водка „Житня". На его попытку заказать бутылку такой водки последовал ответ, что заказ принимается минимум на четыре наименования товара. Вот что ответил остроумный покупатель:

— Тогда запишите заказ: пачку чая, коробок спичек, пачку «Беломора» и ящик «Житни»».

Это — анекдот; в действительности подобные номера не проходили. Столы заказов не снабжались дефицитными продуктами; они служили скорее пунктами распределения того, что имелось в торговле, создавая видимость перемен к лучшему в этой многострадальной, так и не понятой советской властью области.

«СТРЕЛКИ». «Стрелять» — просить закурить; отсюда «стрелок». «Стрелять» в 1970—1980-е годы было делом распространенным, несмотря на доступность и дешевизну курева. «Стреляли» у приятелей, у незнакомых людей на улице

или на вечеринке, девушки стреляли у юношей, а те — у девушек. Иногда для «стрелков» держали при себе то, что не курили сами, «Беломор», например. Когда сигареты вместе со всеми прочими товарами и продуктами попали в разряд дефицита, «стрельба» практически сошла на нет: «стрелкам» категорически отказывали.

СТРОЙОТРЯДЫ. Объединения студентов, направлявшихся на сельхозработы и строительные работы.

Началось все летом 1959 года, когда около десяти тысяч ленинградских студентов выехали на строительные объекты Ленинградской области. В 1970-е годы движение стройотрядов приняло особенно широкий размах. В стройотрядах побывали в то время едва ли не все студенты, включая будущего президента России В. В. Путина. Вот что он вспоминал о том времени: «В Коми рубили просеку под ЛЭП, ремонтировали дома. Закончили работу, выдали нам пачку денег, где-то тысячу, что ли, рублей. Машина в то время стоила три с половиной — четыре тысячи».

Зарабатывали, естественно, те, кто хорошо работал, но даже если студенты хотели не просто заработать, а на время изменить образ жизни, посмотреть страну, получить

Стройотряд на БАМе

незабываемые впечатления, то лучше всего им помогала работа в строительном отряде.

География охвата строек стройотрядами довольно широка — от Старой Деревни в Ленинграде до целины, БАМа и Германской Демократической Республики (какая-никакая, а заграница).

В 1971 году появился «Гимн строительных отрядов» (автор — М. Е. Трегер). Стройотрядовцы подолгу, уже закончив вуз, носили куртки с пришитой на рукаве эмблемой своего отряда. Черно-белые фотографии тех, стройотрядовских лет хранятся у многих из бывших студентов, которым сегодня за шестьдесят. Им есть что вспомнить.

СУББОТНИКИ. В начале 1969 года в ЦК КПСС вспомнили, что лет 50 назад, кажется, в субботу Ильич подумал, что надо бы, что ли, прибраться на территории Кремля, а то как переехали из Петрограда в Москву, в Кремле еще и не убирались — некому.

По заданию ЦК нашли фотографию тех лет, где Ленин согнулся под тяжестью бревна.

И началось...

Как вид принудительного труда субботники оправдали свое назначение. Как способ провести уик-энд — тоже. Мужчины прихватывали спиртное, женщины мыли окна служебных помещений или сгребали в кучи листья в скверах. Ильича добрым словом никто в такие дни не поминал — сил не хватало. Женщины, прихватив к ужину пару авосек со снедью, с трудом добирались к семейному очагу, словно после затянувшейся трудовой недели. Мужчины тоже едва добирались до дома к концу дня, но впечатления у тех и у других были разными, как и состояние здоровья на следующий день.

Т

ТАБАК. После Великой Отечественной войны курили куда больше, чем до войны — табак выдавали солдатам в составе пайка, многие рассматривали табак как противоцинготное средство. В блокаду некоторые даже меняли хлеб на табак. По окончании войны табачные фабрики заработали на всю катушку, а потом стали ввозить и иностранный табак. Среди курящих было много женщин, подростков.

Поэт В. Кривулин вспоминал: «В конце 1950-х многие курили албанские сигареты, ароматные, пряные и дешевые, с шестьдесят первого стали курить болгарские, вроде „Родопи", и кубинские сигареты и сигары, например, „Легерос". Были как бы две культуры, одни курили болгарские — таких было большинство, другие — **„Беломор".** Некоторые предпочитали дешевый и крепкий „Памир". В конце 60-х началась борьба с курением в помещениях, но курили все равно, хотя иногда штрафовали. Впрочем, особых притеснений не было».

В 1950-е годы пачка «Казбека» стоила 4 рубля, «Беломора» — 2 рубля 20 копеек. Для папирос высших сортов местного производства в 1950-е годы в Ленинграде стали использовать дорогие упаковочные материалы; немного выше стал и уровень полиграфического исполнения. К категории дорогих папирос принадлежали «Ленинградские»

и «Юбилейные»; последние — самая престижная марка из ассортимента фабрики им. Урицкого, выпущенная к 250-летию со дня основания Петербурга (1953 г.), так, впрочем, и не ставшая популярной, ибо ленинградские (петербургские) курильщики зарекомендовали себя консерваторами, весьма неохотно меняющими свои пристрастия: известны случаи, когда из-за невозможности купить «Беломор» курильщик вообще ничего не курил несколько дней, пока не доставал любимые папиросы.

«Памир»

В эти же годы в продаже после долгого отсутствия стали появляться сигары. В то время их выпускали трех сортов: высшего, первого и второго. Изготавливались они из отечественных табаков. Табаки для сигар выращивали на Украине и в Абхазии. Сигары высшего сорта были трех марок: «Союзные», «Погар» и «Гавана». На каждую сигару, завернутую в целлофан, надевали бумажное кольцо с указанием фабрики. Сигары упаковывали в деревянные коробки по 5 и 10 штук в каждой или в картонные выдвижные коробки по две, пять и десять штук. На коробке «Союзных» сигар (упаковка из 5 штук стоила 18 рублей, десятиштучная — 35 рублей) в центре рисовалась звезда с расходящимися лучами. Коробка сигар «Погар» (19 рублей 40 копеек за 10 штук) оформлялась в лубочном стиле, а на коробке «Гаваны» (5 рублей 75 копеек за две штуки) красовалась пальма. Сигары первого сорта считались «выше средней крепости и крепкие», то есть крепче сигар высшего сорта, которые отличались «средней и выше средней крепостью». Курильщикам предлагалось выбрать из семи марок сигар первого сорта: «Москва» (13 рублей

Табачная фабрика им. Урицкого

90 копеек за 10 штук), «Дорожные» (8 рублей 20 копеек за 10 штук), «Север» (2 рубля 35 копеек за 5 штук), «Ароматные» (4 рубля 10 копеек за 5 штук), «Рижские» (4 рубля 10 копеек за 5 штук), «Новая марка» (4 рубля 70 копеек за 10 штук), «Марка» (2 рубля 35 копеек за 5 штук). Сигары второго сорта продавались в пачках из плотной бумаги по 10 штук. Существовало две марки таких сигар: «Порт» и «Бокс». Они стоили 2 рубля 90 копеек за 10 штук. Пачки сигар 1-го и 2-го сортов обычно украшала тематическая картинка: московский пейзаж на пачке «Москвы», дымящий локомотив — на «Дорожных», морской порт на упаковке «Порта». А вот на пачке «Бокса» имелось лишь название и надпись — «сигари». В начале 1960-х годов в доме по Кировскому (ныне — Каменноостровский) пр., 2, открылся магазин «Гавана», где продавались исключительно кубинские сигары — «Cabanas», «Belinda», «Montecristo», «Romeo y Julieta» и другие знаменитые марки.

Меж тем расширялся ассортимент папирос, которые курило тогда подавляющее большинство ленинградцев. Спустя несколько лет, в 1957 году, появились папиросы «Фестивальные», выпуск которых приурочили к Московскому международному фестивалю молодежи и студентов; фестиваль прошел — и папиросы, выпущенные в его честь,

исчезли, хотя потом вдруг появились вновь. В 1967 году на фабрике им. Урицкого начали выпускать папиросы первого сорта «Ладога» в трехслойной упаковке. По-новому стали оформлять пачки папирос высшего сорта — «Ленинградские», те же «Фестивальные», «Советские».

Другая ленинградская фабрика, имени Клары Цеткин, в 1953 году вошла в подчинение Министерства промышленности продовольственных товаров. Опережая события, замечу, что в 1970 году фабрика имени Клары Цеткин стала филиалом Лентабака и объединилась с фабрикой Урицкого; в 1986 году этот союз естественным образом распался.

У каждой из этих фабрик свое прошлое, свои поклонники. Если в любом месте обширного СССР называли в разговоре ту или другую, слушателю становилось все ясно, как это случилось в эпизоде из романа А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу»:

«Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться.

— „Фабрика Клары Цеткин", — сказал горбоносый, разглядывая пачку. — Вы из Ленинграда?

— Да.

— Путешествуете?

— Путешествую, — сказал я».

В 1960-х годах, в период начала освоения космоса, в Ленинграде появились сигареты «Межпланетные» и «Лайка». Потом к «Лайке» добавился «Космос», затягиваться которым многие не могли из-за слишком плотного фильтра, да и табак был сырой.

Продолжился выпуск папирос — «Белая ночь», «Ленинградские», «Кавказ». Народ их не принял, поскольку не мог изменить «Беломору». Молодежь также вносила свою лепту в подготовку курева к курению — сигареты «Космос» перед употреблением укладывали рядами на батареи отопления для усушки табака и фильтра.

«Лайка»

К концу 1960-х годов в СССР начали появляться сигареты с фильтром. Фабрика им. Урицкого первой приступила к их выпуску в 1969-м, когда рынок уже заполнился болгарскими сигаретами. К 1957 году на этой фабрике производилось свыше 20 миллиардов штук папирос ежегодно. Это было крупнейшее табачное предприятие в СССР. Но болгары продолжали наседать.

С 1960 по 1975 год количество болгарских сигарет, ввезенных в СССР, возросло более чем в семь раз — с 10 до 71,4 миллиарда штук. Иногда в продаже появлялись польские сигареты («Спорт»), чешские («Фильтер»). Сигары же в подавляющем большинстве доставлялись с Кубы. Пользовались успехом кубинские сигареты «Лигерос», «Партагос». И те, и другие в сладкой папиросной бумаге, но дымить ими отваживались немногие — слишком уж они были крепкими, однако хорошо подходили в качестве «закуски» к дешевому портвейну.

Курить начинали рано — лет в пятнадцать, как правило, начинали с «Ароматных», «Ментоловых», «Авроры» и «Примы», которые выпускались еще в начале XX века. По воспоминаниям автора книги «Нахимовское училище» (СПб., 2003) В. К. Грабаря, перечисленные сигареты пользовались в 1960-е популярностью среди нахимовцев. «„Фарить“ (то есть курить) безопаснее было в кочегарке, находившейся в подвале учебного корпуса. Однако спуститься туда и вернуться на занятия за пять минут перемены не

всем удавалось. Гораздо доступнее был гальюн. Доведенный штрафниками до идеальной чистоты, он служил еще и местом встреч, где рассказывались свежие анекдоты, делались первые затяжки. При появлении командиров окурки бросались в унитаз, а дальше начиналось следствие: обнюхивание, вытряхивание карманов и команда „Не спускать!" (то есть не спускать воду в унитазе).

Однажды нахимовец Женя Беляев спрятал незатушенный окурок себе в карман, уже занятый расческой. Командир роты устроил затяжной допрос, и тут в кармане Беляева полыхнуло, и повалил едкий дым от пластмассы, очень нелюбимый как курильщиками, так и противниками табака. На бедре у виновника надолго остался шрам от ожога.

После отбоя, когда воспитатели покидали будущих офицеров, начинался массовый перекур, получивший название „Голубой огонек" — в честь набиравшей популярность телевизионной передачи».

Ассортимент табачной продукции 1970-х был в Ленинграде представлен коробками трубочного табака («Капитанский», самый популярный), который курили единицы; болгарскими сигаретами «Шипка», «Опал», «Femina», ароматизированными «Дерби» (на меду!) «Родопи», «Интер» и «*BT*». Эти латинские буквы обозначали название «Болгарский табак», хотя мы, студенты, расшифровывали эту аббревиатуру как «воздушная тревога» — самые дорогие, 40 копеек за пачку, тогда как остальные сигареты с фильтром стоили не дороже 35 копеек, а без фильтра примерно 14. Также в продажу поступали «Трезор», «Джебел», «Стюардесса», «ТУ-134», кубинские сигары, советские сигареты «Пчелка» (тоже на меду. «Хороша, когда куришь не спеша», — так, кажется, говорили про «Пчелку». Этими идущими от души словами исписывались заборы и туалетные кабинки). «Ароматные» — первые советские ароматизированные сигареты в желто-зеленой пачке; «нормальной» длины и половинной — для курения с мундштуком. В 1960-е появились сигареты с фильтром «Ментоловые», которые

«ТУ-134»

очень нравились подросткам. В продажу эти сигареты поступали редко, и молодежь придумала смачивать фильтр дешевых сигарет валидолом или ментоловыми каплями.

«Народные» сигареты «Прима» и «Памир» были доступны всем — от школьника до тех, кого называли «работягами». Цена на эти сигареты в продолжение многих лет оставалась неизменной — десять копеек (батон тогда стоил тринадцать копеек, а круглый черный хлеб — четырнадцать). Сигареты «Махорочные» по шесть копеек за пачку в продаже видели редко. Тогда же появились половинные сигареты с фильтром — «Пегас», которые выпускаются и покупаются до сих пор.

В этот ряд можно поставить сигареты «Прибой», которые просили не курить в непроветриваемых помещениях: запах этого табака не истреблялся. Но его смело курили на природе, у костра, исполняя под гитару популярнейшую в 1960-е песню Б. Ш. Окуджавы «Сигарета моя, сигарета...».

«Столичные» — первые советские сигареты с фильтром — совершенно отвратительное курево с непроницаемым фильтром и кусками всякой всячины в табаке. Иногда, будучи оставленными без присмотра, они затухали, что для сигарет нетипично; затухали по собственной воле и другие сигареты советского производства. Абсолютно «нетягучими» были и укороченные сигареты «Новость». Сигареты «Друг», которые прославил герой фильма «Берегись автомобиля» Деточкин в исполнении И. М. Смоктуновского, тем не менее оставили о себе память как об отвратительном

куреве в твердой яркой пачке с изображением умного некурящего пса.

Фабрика им. Клары Цеткин на протяжении всей своей истории, особенно к концу ее, старалась разнообразить ассортимент выпускаемой продукции. Вот несколько самых известных марок: «Дюшес», «Палехский баян», «Ленинград», «Наша марка», «Тройка», «Кино», «Футбол», «Север» (*«лохматые, мятые „Севера" пачки»* — такими эти папиросы запомнились ленинградскому поэту Л. Дановскому), «Прима», «Аврора». На фабрике также выпускались подарочные наборы сигарет «Ленинград» и «Кино», где в блоке на каждой из десяти пачек печатались виды Ленинграда и кадры из наиболее популярных советских кинофильмов. Все делалось для того, чтобы люди как можно больше курили, любуясь картинками на пачках, и при каждом удобном случае дарили бы друг другу сигареты и папиросы с ликами любимых киноартистов и изображениями памятников архитектуры.

В конце 1980-х годов (в эпоху перестройки) картина резко изменилась, и на табачном рынке остались лишь одни воспоминания о прошлом. Курево стало таким же дефицитом, как и колбаса, водка и т. д. Затем, с приходом рыночных отношений и появлением вседозволенности на рынке вообще и на табачном в частности, стали появляться невесть откуда завезенные сигареты с неведомыми названиями (например, *«Kenton»* появились на короткое время в 1990-х годах и вскоре навсегда растаяли в табачном дыму от других сигарет), табачные изделия индийского, немецкого, египетского, югославского производства, и, наконец, к 2000-му Петербург до отказа переполнился табачным зельем, как отечественным, так и привозным, как качественным, так и сомнительным, но в основном дешевым.

Исчезли — как тогда казалось, навсегда — любимые табачные сорта трубочников: «Золотое Руно», «Капитанский», «Моряк», «Трубка мира», на смену которым пришли стандартные, распространенные в других странах сорта «Трабзон», «Самсун». Даже о знаменитых «горлодерах» —

Табачный киоск

сортах трубочного табака «Моряк» и «Таежный» — бывалые курильщики стали вспоминать с ностальгией. Но были в то время и настоящие трубочные табаки — голландские, французские, английские, финские, шведские; ленинградцы обычно называли их «колониальными» (как этот табак попадал в СССР, знали только те, кто этот табак доставал).

Табачных фабрик и специальных магазинов в советское время было так мало, что что-либо рассказать о них практически невозможно. В конце 1940-х—начале 1950-х открылся магазин «Папиросы. Табак» на углу Невского и Владимирского проспекта, где спустя три десятилетия появился знаменитый **«Сайгон»**. В 1960—1970-е в пятимиллионном Ленинграде существовало всего три-четыре магазина, специализировавшихся на торговле табаком, — уже упоминавшаяся «Гавана» (Кировский, ныне — Каменноостровский пр., 2; ранее безымянный магазин № 15 Райпищеторга Петроградского района), на Невском проспекте, 64, магазин на 7-й линии Васильевского острова и на Большом проспекте Петроградской стороны (бывший доходный дом Б. О. Урвича, построен в 1910—1913 гг., ныне — д. 57;

в 1960-е — № 45 Петроградского райпищеторга), не магазин, а музей — витрины и шкафчики под «хохлому» и потолок расписной. Сюда заходили даже те, кто не курил, — посмотреть на всю эту красоту, «подышать». Старожилы помнят этот магазин до сих пор.

Виной скудному числу табачных магазинов в советское время отнюдь не антитабачная кампания, которую в СССР никогда не проводили. Курение табака скорее поощрялось, в том числе и с помощью популярных артистов кино, куривших беспрестанно и красиво и становившихся невольными пропагандистами нездорового образа жизни. Вспомним актрису И. Муравьеву в фильме «Москва слезам не верит» (1979 г.). Сцена, в которой ей подносят огонь двое мужчин одновременно и она прикуривает у обоих, — выдающаяся находка. Почти все российские телевизионные каналы надо поздравить с неуемным желанием приобщить телезрителей к необузданной рекламе табакокурения, ибо беспрестанно курят в каждом фильме и сериале.

Производством и распределением в стране правил дефицит, в дефиците оказалась не только табачная продукция, но и магазины. Многие лишь слышали, скажем, о «Марлборо» (они же «Мальборо»), видели, как его курят в заграничных фильмах, другие жизнь прожили с махрой, так и не увидев ни разу и не попробовав хваленую сигарету из пачки, разрекламированной по всему белу свету скачущим ковбоем. Но были и такие, кто только «Марлборо» и курил. Продавались эти сигареты в 1970-е годы в валютных магазинах и в женском туалете гостиницы «Европейская», либо выдавались большим чиновникам и «своим людям» в спецраспределителях. Немало находилось путей, чтобы добыть иностранные сигареты. Еще с конца 1960-х подпольный табачный рынок поставлял любителям табака американские сигареты самых разных марок. Режиссеры театров, народные артисты, крупные начальники курили «Марлборо», «Уинстон», «Кент», «Ротманс» и пр., тогда как в магазинах лежали только «Столичные» и «Беломор».

В начале 1990-х годов появилась первая реклама сигарет с девизом «Magna — новая высота». Стоили «настоящие американские» сигареты недешево, но в ларьках «Магну» продавали поштучно. Довольно скоро, впрочем, курильщики от «Магны» отказались: в этих сигаретах якобы содержался бром, и они отрицательно влияют на потенцию (как, разумеется, и вообще все курево, но кто об этом задумывается?). Производители табака и импортеры не оставили народ без зелья, и к концу тысячелетия выбор табака в Петербурге не ограничивался.

ТАКСИ. Первые 15 таксомоторов (знаменитые «эмки») начали ездить по ленинградским улицам в конце 1920-х годов (примерно в 1929 г.). В 1948 году для такси ввели отличительные знаки: шахматная полоса по бортам кузова и световой сигнал — зеленый огонек, означающий, что такси свободно. В 1950-е годы, когда велюровую отделку салона ЗиМов **(автомобили)** заменили дерматиновой, эта машина стала поступать в таксомоторные парки Ленинграда. Стоимость проезда в ЗиМе была в полтора раза выше, чем в «Победе», являвшейся тогда основным автомобилем-такси.

Эра «Волги»-такси, которая продолжается и в настоящее время, открылась «двадцать первой» моделью в 1957 году.

Такси в Ленинграде вызывали по тел. А 0 00 22, но только с домашнего телефона (не из будки) или нанимали на стоянках. Стоянок было довольно много, и они находились постоянно на одном месте не один десяток лет. Прекрасно помню, например, стоянку такси недалеко от дома, где я жил тогда и живу сейчас, — Малая Посадская ул.

К 1971 году в Ленинграде пассажиров обслуживало 4400 машин такси, а число стоянок превышало 300.

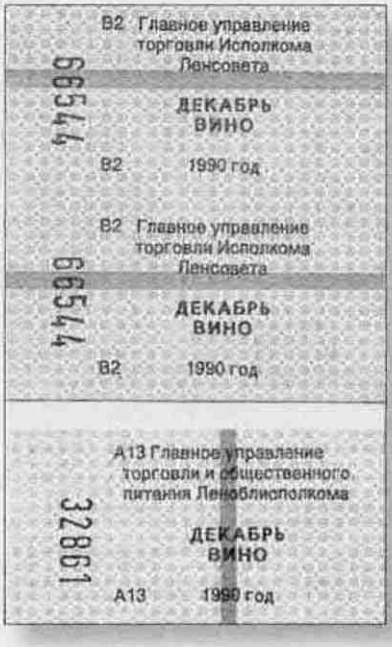
Такси стоило довольно дешево, и передвигаться в Ленинграде этим видом общественного транспорта не считалось барством (или напрасной тратой времени и денег, как в наши дни). За каждый километр пути платили 10 копеек, за час простоя — 1 рубль. Отлично помню, как, будучи студентами, мы

Такси. 1988 г.

однажды с приятелем взяли такси на Васильевском острове, съездили в популярный тогда бар «Октябрьской» гостиницы, пробыли там с полчаса и в приподнятом настроении вернулись в университет на очередную лекцию. Поездка обошлась в 3 рубля. Вот что делало с людьми доступное такси и отсутствие пробок на дорогах. Правда, поймать такси не всегда удавалось: таксисты вдруг все, точно сговорившись, одновременно заканчивали работу и, если и предлагали отвезти вас куда-нибудь, то только туда, куда им самим нужно. Это породило традицию, существующую поныне, — тормозить частников, что и понятно: такси стоит незаслуженно дорого, а с частником всегда можно договориться.

В Ленинграде были стоянки и грузовых такси. В Петроградском районе находилась одна из трех городских стоянок грузовых такси — на углу Большого проспекта и Ижорской улицы; две другие — на площади Мира и на ул. Рылеева, 3. Стоянки грузовых и легковых такси располагались также у всех вокзалов.

Любителям маршруток сообщу, что первые маршрутные такси в Ленинграде появились в июне 1965 года. Пять микроавтобусов перевозили пассажиров от станции метро «Петроградская» к ЦПКиО им. С. М. Кирова.



Талоны на вино

ТАЛОНЫ. В декабре 1990 года ленинградская газета «Смена» на первой полосе поместила коллаж, в основу которого легла картина «Боярыня Морозова». Существенное отличие от оригинала заключалось в том, что вместо боярыни в санях увозили сгущенку, кофе, овощи и фрукты. Тогда, в 1990-м, каждый месяц к числу «провожаемых» продуктов прибавлялись то соль, то спички, то стиральный порошок, то мужские носки. А потом все куда-то уехало.

В Ленинграде, как и в других городах СССР, трудности со снабжением продуктами питания и иными товарами начались еще в 1960-х годах. В сентябре 1963 года в стране ввели талоны на муку. Все началось с перебоев в снабжении населения хлебобулочными изделиями как следствие увлечения кукурузой и сильной засухи, случившейся в том году. Потом стал возникать **дефицит** на те или иные продукты или вещи: постоянно что-то «доставали», или дожидались, когда «выбросят» (в торговле), или «брали по блату»; такая жизнь вошла в норму. В мае 1982 года приняли Продовольственную программу, рассчитанную до 1990 года. При всей ее пропагандистской пустоте она явилась показателем серьезности проблем, стоявших перед страной.

В 1980-е годы в некоторых областях страны стали вводиться продуктовые карточки, которые власти первое время стыдливо называли «приглашениями», но народ назвал

их «талонами», каковой термин за ними и закрепился. Потом к дефицитным продуктам добавились другие товары, и к середине 1985 года список дефицитных товаров превысил 250 наименований, а спустя еще три-четыре года — и все пятьсот. Весной 1988 года в Ленинграде и в других крупных городах СССР по талонам продавались мыло, табачные изделия, сахар, спиртные напитки, а с 1989 года на талоны торговали мясом, яйцами, подсолнечным и сливочным маслом.

Талоны на сахар

Ленинград как «город с областной судьбой» (термин Д. А. Гранина) снабжался лучше других областных центров. Распределительные документы здесь стали появляться около 1990 года; власти изящно называли их «визитками»; народ поначалу согласился.

10 января 1990 года в Ленинграде вступили в силу новые правила торговли, согласно которым некоторые товары могли продаваться только по предъявлении покупателем паспорта. В список включили: мясо и мясопродукты, табачные изделия, масло животное, сыр, цитрусовые. Список непродовольственных товаров состоял из 18 позиций. В их числе оказались сантехника, стройматериалы, ткани, постельное белье, хрусталь, товары импортного производства.

Предполагалось, что товары будут продаваться по паспорту некоторое время, потом ему на смену придет «визитка» с фотографией 3 × 4. На ней указывались фамилия, имя, отчество, место жительства покупателя, его регистрационный номер и стояла печать организации, выдавшей визитку.

Введение этой меры породило новый источник заработка среди некоторых предприимчивых ленинградцев — «торговля паспортом», когда сообразительные горожане

одалживали приезжим свой паспорт за деньги. Гости платили от 5 до 7 рублей за право использования чужого паспорта при покупке продуктов.

1 июля на рационирование перевели алкоголь и сахар; с 5 июля водку и вино покупали только по «визиткам». На одно такое «приглашение» полагались одна бутылка водки и две бутылки вина. Тотчас началась спекуляция винно-водочными талонами (не всем же нужна водка), а потом и их подделка. К концу года в Ленинграде было отпущено более чем на 800 тысяч литров спиртного больше, чем напечатано талонов.

С 1 декабря в Ленинграде на талоны стали продавать и продукты питания: мясо (или курицу, в одни руки), — 1,5 килограмма, колбасы — 1 килограмм, сливочного масла — 0,5 килограмма, подсолнечного масла — 250 граммов, яиц — 10 штук, крупы и макаронных изделий — 1 килограмм, муки — 0,5 килограмма. Одновременно разрешалось использовать не более пяти талонов на один продукт. Талоны выдавались по прописке блоками, отдельные талоны считались недействительными.

С ухудшением ситуации на продовольственном фронте ленинградцы, еще не забывшие о блокаде, стали называть талоны «карточками».

Поскольку стоял декабрь, многие не спешили отовариться и берегли карточки к Новому году. Власти тут же отреагировали: если карточки беречь, то продуктов может на всех и не хватить. В городе пошли разговоры, пересуды, обмены мнениями и выражения недовольства, не принимавшие, впрочем, характера публично демонстрируемых волнений. Недовольство населения снабжением вообще и табаком в частности еще в августе вылилось в «табачный бунт», когда Невский проспект перекрыли курильщики, но любители табака никогда не находили поддержки у населения, и это их выступление не вызвало широкого одобрения.

О талонах слагали песни («Поди-ка, открой холодильник, / Возьми сто талонов, водичкой залей, / Слегка подсоли

и — вперед!» — пела А. Пугачева в 1990 г.), сочиняли анекдоты («В городе Энске даже газеты продают по талонам»), неотоваренные талоны, как документы эпохи, сохраняли в личном архиве (один из них я публикую в этой книге).

В 1992 году талоны отменили. На горизонте замаячило изобилие из ширпотреба и суррогата.

«ТЕЛЕГА». Весьма распространенное слово в СССР, несмотря на то что оно принадлежит совсем другому, куда более раннему времени, чем Страна Советов с ее успехами в производстве автомобиля «Победа», достижениями в космосе и постепенным отказом от гужевого транспорта (во всяком случае, в городах). Будучи прицепленной к глаголу «накатать», телега приобретала иной смысл и вместе с ним означала: написать письмо в официальное учреждение, содержащее отрицательную характеристику кого-либо или чего-либо, ложное или преувеличенное обвинение. «Телега», таким образом, это еще и «жалоба» (письменная), «донос». Сам факт поступления «телеги» в «компетентные органы» для многих означал крах карьеры. А для моряка загранплавания, например, по выражению писателя В. Конецкого, *«любая „телега" — хуже туберкулеза»*. Для ленинградца, на которого поступила «телега», жизнь тотчас делилась на две части: на ту, что была до «телеги», и на новую, отсчет которой начинался с того момента, когда он узнавал, что на него «накатали телегу».

ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД. Неофициальный суд над провинившимся членом коллектива. Товарищеские суды, функционировавшие на общественных началах, создавались в Ленинграде по территориальному или по производственному принципу на предприятиях, в учреждениях, в средних и высших учебных заведениях, даже в отдельных домах, в коллективах численностью не меньше 50 человек. Состав товарищеского суда определялся путем открытого голосования на общем собрании коллектива. Призванные выносить

На заседании. 1970-е гг.

общественное порицание прогульщику, дебоширу, пьянице или передавать дела на них в административные органы, на деле общественные суды защищали мелких правонарушителей от карающего меча социалистической законности. Нередко все ограничивалось тем, что провинившегося обязывали принести публичное извинение или налагали на него штраф до 50 рублей (это при повторном мелком хищении, обычно — 10 рублей); иногда ставили перед руководством предприятия вопрос о переводе виновного на менее оплачиваемую работу, но после извинения или обещания «больше так не делать» виновник освобождался от наказания. В Указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 года в Положении о товарищеских судах расписывались поводы для наказания (прогулы, несоблюдение требований по охране труда, об утрате или повреждении оборудования, о распитии спиртных напитков в общественных местах и пр.). Деятельность товарищеских судов легко вписывалась в сюжеты комедий (фильмы «Зигзаг удачи», 1968 г., «Афоня», 1975 г.), сатирических произведений

(рассказ М. М. Зощенко «Людоед», 1938 г.): членами товарищеских судов становились, как правило, пенсионеры, по собственной инициативе бравшие на себя роль законников и моралистов. Товарищеские суды, зародившиеся в СССР в 1931 году, по сути прекратили свое существование в 1990 году. И едва ли можно ожидать, что когда-нибудь они возродятся.

ТРАМВАЙ. Раньше задние площадки трамвайных вагонов открывались с двух сторон. У юных ленинградцев считалось особой доблестью вскочить в трамвай на полном ходу или пристроиться на «колбасе» сзади вагона. Билеты, которые отрывал кондуктор, имели разный цвет и номинал — в зависимости от количества остановок, которое пассажиру предстояло преодолеть, но доплачивать за проезд приходилось только в том случае, если трамвай выезжал в пригородную зону. Когда ездили, например, в Озерки, то остановки за три до кольца (20-й маршрут) в 1950-х годах платили еще 15 копеек. В пределах города тариф был единый. Только много лет спустя появятся единый билет на весь маршрут, компостеры, «карточки». В начале

Трамвай на ул. О. Кошевого. 1980-е гг.

1960-х годов в городе было 42 трамвайных маршрута протяженностью от 9 (№ 28) до 25 (№ 36) километров. Мой любимый маршрут — 3-й, он шел от улицы Савушкина в Новой Деревне по Каменному острову, Чкаловскому проспекту, по улице Ленина, мимо Белозерских бань по проспекту Максима Горького (ныне — Кронверкский), мимо площади Революции (ныне — Троицкая), через Кировский (ныне — Троицкий) мост, по Садовой и далее к черту на кулички (как это представляли себе мы, жители Петроградской стороны, не по-питерски именуемой сегодня некоторыми Петроградкой*) — к Авиационной улице.

В начале 1970-х годов трамваями в Ленинграде ежедневно перевозили 2 145 205 человек, а метро — 1 145 206 человек, т. е. трамвай являлся более востребованным видом транспорта (даже автобус считался популярнее метро — разумеется, в силу «неразветвленности» последнего). Протяженность трамвайных маршрутов в городе составляла 532 километра. Иными словами, если выстроить эти пути в линию, то можно было почти доехать до Москвы.

Ежедневно в 1970 году на линию выходило 1702 вагона. У трамваев всех маршрутов были в ту пору отличительные «сигнальные» фонари (софиты, т. е. светодиодные огни): у «тройки» — зеленый и красный, «шестерка», на которой я ездил на Васильевский остров, выделялась в утреннем тумане или в вечерних сумерках двумя фонарями, и оба синего цвета. Два просторных деревянных вагона «шестерки», громыхая, тащились по проспекту Максима Горького и везли пассажиров. Потом вагоны поворачивали направо, на проспект Добролюбова, затем налево — на Тучков мост. Самое удивительное, что я по-прежнему езжу на Васильевский остров или — в другую сторону — на Финляндский вокзал на трамвае того же маршрута (но уже

---

* Даже газета такая в Петербурге ныне есть. Но ни один уважающий себя петербуржец не скажет «Петроградка» — это слово завезено к нам из провинции, как раньше привозили «Щедринку» или «Гостинку».

не в деревянном). Давно сняты рельсы, по которым ездила «тройка», — это если говорить о Петроградской стороне. Трамваи сейчас ездят без софитов — а жаль! Всего-то и нужно — вкрутить две разноцветные лампочки, и трамвай тотчас приобретет утраченное лицо — пусть не очень симпатичное, но такое знакомое. Для пожилых людей, для людей с плохим зрением отсутствие софитов — большая проблема. Когда-то на остановках оборудовались специальные стенды с расшифровкой мозаики символов на маршрутах проходящих трамваев.

О советском трамвае можно еще сказать, что поездка в нем обходилась очень дешево. Билет — 3 копейки, проездной («карточка» — с этим словом ленинградцы-петербуржцы не расстаются) — 3 рубля в месяц (для школьников — 75 копеек). В 1980-х годах продавались карточки на два вида транспорта, например автобус и трамвай, и стоили они всего 3 рубля 75 копеек. В 1980-е годы, когда ездили без кондуктора, в специальный ящик бросали монеты, вращали на себя ручку и отрывали сами билеты.

ТРЕЗВОСТЬ. В числе первых распоряжений советской власти был декрет об упразднении обществ трезвости. Только спустя несколько десятилетий после Великой Отечественной войны власть снова вспомнила про общества трезвости, ибо, начиная с 1950-х годов, кривая потребления алкоголя пошла в СССР круто вверх.

В 1971 году в Ленинграде при психоневрологическом диспансере создали полуофициальный «Клуб благоразумия», который без лечения, в результате бесед избавлял людей от алкоголизма. Клуб имел свой устав. В 1979—1980 годах в Ленинграде действовал Клуб оптималистов, иначе — людей, стремившихся наилучшим образом организовать свою жизнь. Собрания проходили на квартирах членов клуба. В 1980 году редакция еженедельника «Ленинградский рабочий» пригласила их продолжить работу в ее стенах (вскоре клуб превратился в Общественный

совет по пропаганде трезвости). 17 мая 1985 года коммунистическая партия и правительство объявили борьбу с пьянством и самогоноварением, а с 1 июня повсеместно запретили продажу спиртных напитков лицам до 21 года. В 1986 году по всей стране стали возникать общества трезвости. Волной прокатилась по СССР череда безалкогольных свадеб, вызывая недоумение у тех, кто повидал на своем веку немало более веселых, непредсказуемых в развитии сюжета и раскованных свадебных торжеств. В 1986 году около 70% ленинградских предприятий общепита перешли на «безалкогольное обслуживание». Газеты писали про безалкогольные кафе — на Съезжинской, 4, например. Потом как-то все само собой улеглось, и алкоголь взял верх над очередной кампанией, направленной против него. К концу 1990-х годов о трезвости как о норме жизни забыли.

ТРУСЫ. Мужские трусы, именовавшиеся «семейными», т. е. сразу было видно при взгляде на мужчину в таких трусах, что он человек семейный, — вся семья могла поместиться в них одновременно. Семейные трусы использовались и как нижнее белье, и как шорты. В таких «шортах» некоторые захмелевшие или просто загрустившие мужчины смело выходили во двор пятиэтажки, что вызывало у окружающих или прохожих понимание, но никак не осуждение, в то время как на пляже, например, появиться в семейных трусах считалось неприличным, вызывающим даже. На пляже мужчины появлялись в плавках, шитых из плотной черной ткани, по-видимому, военным ведомством. Плавки держались на завязках или на пуговицах (сбоку).

Мальчики носили синие сатиновые трусы; синие, наверное, потому, что так распорядилась тогдашняя легкая промышленность, переориентировав все прочие цвета на другие цели. Повзрослев, молодые люди надевали семейные трусы преимущественно черного цвета, из которых уже не вылезали до самой кончины.

Нижнее белье

Женщины примерно до 1970-х годов носили трусы (трико или панталоны) «с начесом»; производили эти трусы в Китае на предприятии под названием «Дружба», что подтверждалось биркой на русском языке. Отечественные трусы, как и китайские, перехватывались резинками в поясе и на бедрах — насколько выше (но никак не ниже!) колена, решала сама женщина. Поскольку все женщины до начала 1970-х годов не носили брюк или колготок (даже зимой), то такие трусы «с начесом», придававшим им великолепные теплоизолирующие свойства, являлись попросту незаменимыми в любую холодную и сырую погоду, чем знаменит Ленинград (Петербург) большую часть года. Ближе к лету женщины вынимали две нижние резинки из трусов и постепенно готовились к тому, чтобы сменить их на трусы из более легкой ткани, да и без «начеса». Летние трусы выпускали, кто помнит, преимущественно трех цветов — розового и голубого, а также белого.

На пляже женщины загорали обязательно в таких трусах, которые прикрывали ягодицы, а иногда и пупок. Если бы кто-то из барышень лет 30—40 назад появился на пляже в стрингах, то это считалось равносильным, скажем, сошествию с небес марсианина. Впрочем, подобное никому и в голову не могло прийти — еще и потому, что всякого рода вольности в советском обществе строго наказывали.

Девицы и молодые женщины в повседневной жизни отдавали (по возможности) предпочтение трусам под названием «молодежные», двух видов: без рисунка и в горошек. Большинство женщин почему-то предпочитали горошек (да и мужчины тоже; «А почему у тебя не в

горошек?» — этот незамысловатый и естественный вопрос, заданный мужчиной своей избраннице в конце минувшего века, бросил в краску не одну представительницу прекрасного пола).

В конце 1970-х годов появились трусики под названием «неделька». Предполагалось, что обладательница таких трусов будет менять их каждый день, и потому на трусах по-английски писался каждый день недели (хотя трусы изготавливались в Польской Народной Республике): *Monday, Tuesday* и т. д. В одной упаковке находилось семь штук. Запросто «недельку» купить, как и многое в СССР, не могли; приходилось как можно чаще заходить в магазины в надежде увидеть искомое в свободной продаже и — встать в очередь, если они есть (без надежды, впрочем, что их можно купить; скорее с опаской услышать зычный голос продавщицы: *«Касса! Трусики не выбивать!»*).

С появлением и последующим распространением мини-юбок потребовалось и соответствующее белье — панталоны уже не годились. Однако попытки отечественных швейников создать подходящие трусики не увенчались успехом. Так, экспериментальные трусы московской фабрики «Трибуна», продемонстрированные на худсовете в 1984 году, отметили за смелость, но не рекомендовали к производству.

Женщинам и мужчинам явно полегчало, когда советская легкая промышленность прекратила свою деятельность, да тут еще и прилавки магазинов заполнились заморским ширпотребом — выбирай, не хочу! Но это уже другая эпоха, выходящая за рамки нашей истории, — эпоха изобилия и бескрайнего ассортимента трусов.

ТУАЛЕТЫ. Еще в далеком 1921 году вождь большевиков **В. И. Ленин** обещал сделать *«из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира»*. Правда, для этого требовалось победить *«в мировом масштабе»*. Слава богу, эта бредовая идея не осуществилась и в отдельно взятой стране, и даже простых

отхожих мест большевикам не удалось понастроить в достаточном количестве.

Положение с туалетами в первое десятилетие после прихода к власти большевиков увековечил С. А. Есенин в поэме «Страна негодяев». Вот какие слова от лица новых хозяев жизни произносит герой поэмы с говорящей фамилией Чекистов:

Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет,
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Страшный и смешной вы народ!
И строили храмы божие...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.

М. А. Булгаков устами профессора Ф. Ф. Преображенского в повести «Собачье сердце» весьма убедительно разъяснил прискорбную ситуацию на ниве санитарии первых лет советской власти: «*Если я, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза, и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнется разруха*». Эти доводы в блестящем исполнении Е. А. Евстигнеева в великолепном фильме «Собачье сердце» становятся попросту убийственными, будучи применимы к реальной действительности. Слова эти долгие десятилетия (увы!) оставались неуслышанными: повесть написана в 1925 году, а впервые опубликована в 1987-м. А между тем ситуация, характерная для 1925 года, ничуть не изменилась в лучшую сторону и в 1987-м.

Туалеты в Ленинграде назывались «уборными» (хотя и понятия «артистическая уборная» и «гримуборная» тоже сохранились), но не забылись слова «сортир» и «клозет». Что же до «удобств» (еще одно расхожее слово) в жилых домах, то для советского времени характерно обилие

коммунальных квартир с одной уборной на всех проживающих (а «жильцов» иногда проживало несколько десятков человек; как пел В. С. Высоцкий, «...все жили вровень, скромно так, — /Система коридорная, / На тридцать восемь комнаток — /Всего одна уборная»).

Уборная коммунальной квартиры (наряду с кладовками, ванной комнатой и т. д. относилась к *«местам общего пользования»*), как правило, тесная, никогда (во всяком случае, на памяти одного поколения) не ремонтировавшаяся (принадлежит всем, а значит, никому — как и все в Стране Советов), с пожелтевшим, нередко треснувшим унитазом и веревкой, свешивавшейся на цепочке с бачка*, освещалась двумя лампочками (по 40, а то и по 25 ватт, притом «голыми»**) — одна общая, а другая из дальних комнат, с отдельным электросчетчиком. Перед тем как идти в туалет, сначала включали свою лампочку. Если туалет был занят, то человек стоял поблизости от туалета, дожидаясь своей очереди, при этом лампочку не выключал — для этого пришлось бы возвращаться в свою комнату. Бывали, впрочем, и выключатели возле самой уборной, вроде нескольких звонков на двери в коммунальную квартиру. Требовалось обязательно выключать свет после посещения уборной, и это при том, что электроэнергия в СССР стоила дешево. Диктовалось такое поведение еще и врожденной, а затем и укоренившейся психологией советского человека — экономить на всем (даже на туалетной бумаге; многие пожилые люди не покупали ее из принципа, даже если и представлялась такая возможность.)

---

* Оказывается, это и не веревка вовсе, а «по-научному» — держка, о чем узнаем из «Памятки квартиросъемщика» за 1948 год: *«в уборных при спуске воды тянуть за держку плавно»*.

** Столь скудное освещение — вынужденная мера, призванная еще и не дать возможность «пользователю» употреблять время в уборной на продолжительное чтение, так как там, скорее всего, не терпится побывать кому-то еще из жильцов квартиры.

Когда я был школьником, мы с матерью почти год жили в квартире так называемого **«маневренного фонда»**, состоящей из тридцати комнат (дети гоняли наперегонки по бесконечному коридору на велосипедах); с соседями я так и не успел познакомиться, ибо едва ли не каждый день видел все новые лица. Зато запомнил, что свет в одном из двух туалетов включался в нашей комнате. Увидев, что уборная освободилась, мама включала в ней свет, тогда как я уже стоял возле дверей туалета, чтобы в него попасть. Потом мы менялись с ней местами. В выражении «сходить» (в туалет) для меня сохранился тот смысл, который оно имело в те далекие годы: «сходить» значило еще и преодолеть какое-то расстояние. Сходить в магазин, например. Наверное, многим сегодняшним школьникам вообще будет непонятен вопрос кого-либо из родителей: «Ты уже сходил?» — «Куда?» — последует ответ.

В редких коммунальных квартирах (преимущественно с большим количеством комнат) было в советское время два туалета (в 1950-е годы установили норматив устройства второго туалета в переполненных коммунальных квартирах), но это не значит, что выбирали любой «по вкусу» — соседи договаривались, кто какой уборной будет пользоваться, и это правило неукоснительно соблюдалось (иначе — коммунальная ссора, нередко с вызовом участкового милиционера или родственника, увлекающегося боксом или попросту мордобоем, а в перерывах между тренировками крепко выпивающего). В одном из туалетов курили, в другом — категорически запрещалось. Или один туалет считался «чистым», и в него ходили подросшие дети (выключатель располагался ниже), а другой — «грязным»; в него, например, выливали то, что наделали за ночь кошки или собаки, или просто грязную воду. Малые дети (да и очень пожилые люди) по ночам в туалет не ходили — для этого имели горшок.

Иногда в уборных оставляли спички и даже лучины или свернутые в трубочку страницы из журналов, «Крокодила»,

например, или «Огонька» — тех, что побольше форматом и доступнее (они издавались миллионными тиражами, словно с расчетом на многоцелевое использование). Считалось, что дым устраняет неприятные запахи; до эпохи дезодорантов было еще далеко. Из печатных изданий упомяну еще календарь большого размера, который (один и тот же) висел в уборной годами, прикрывая выбоину или пятно, и «Блокнот агитатора» (выпускался отделом пропаганды и агитации Ленинградского обкома и горкома КПСС), который никто никогда не читал, но многие его выписывали (подписка на газеты и журналы являлась обязательной), а размеры страниц этого издания имели небольшой, весьма удобный формат.

Нередко туалет в коммунальной квартире находился рядом с кухней, и разделяла их тонкая перегородка. Искусствовед М. Ю. Герман вспоминал: *«Уборная, со специфическим стойким петербургским запахом холодной ржавой воды, — за кухней, две ступеньки наверх»*, иногда застекленная в верхней части (стекло, разумеется, треснуто). Зайдя в туалет, кто-нибудь из обитателей квартиры, случалось, надолго в нем задерживался — ведь очень интересно, что о тебе говорят соседи, забыв, что их могут услышать...

Часто одинокие и пожилые люди, отправляясь в уборную коммунальной квартиры, запирали дверь своей комнаты (даже если в квартире на тот момент никого не было). Нередко в туалете коммунальной квартиры на крюках или мощных гвоздях, навечно вбитых неким размашистым умельцем в кирпичную стену, висела пара стульчаков — это чьи-то личные предметы, и их обладатели, посетив уборную и посидев на стульчаке, вешали его потом на стену до следующего своего посещения. Не имеющим стульчаков приходилось обходиться без оного либо тайком снимать чужой стульчак на короткое время, да при этом не дай Бог забыть после использования повесить его обратно. Находились и такие единоличники, которые стульчак хранили у себя в

комнате и брали его с собой, отправляясь в уборную, вызывающе надев предварительно на шею.

Общественных туалетов в Ленинграде было настолько мало, что горожане, приезжие, особенно иностранцы, нередко испытывали подлинные муки. Ну откуда им знать, что есть туалет на углу Загородного проспекта и Бронницкой улицы, например? Или вот еще, красавец, стоит до сих пор на Каменном острове — «домик-пряник» хорошо видно, когда едешь через мост со стороны Каменноостровского проспекта или подъезжаешь к нему со сторону Черной речки. Наверное, этот туалет поставили для того, чтобы на него смотрели из окон проезжающего мимо транспорта.

Иногда даже сотрудники учреждений не знали, что помимо того туалета, который они посещают, есть и другой, для избранных. Многие десятилетия во дворе Дома радио (ныне — Итальянская ул., 27) находился туалет с дивными писсуарами работы петербургского мастера Ивана Ивановича Деглау, пока наконец где-то в 1950-е годы не посетила это отхожее место делегация из областного комитета партии коммунистов. Кому-то из членов писсуары до того приглянулись, что вскоре фарфоровые чаши куда-то (вероятно, к ним) перекочевали.

Тяжелее всего в Ленинграде приходилось иностранцам во время пеших прогулок по городу. Местные жители, в подавляющем большинстве мужчины, в случае нужды активно пользовались дворами, подворотнями, лестничными площадками (**парадняками**), что оправдать никак нельзя, но понять можно — разного рода распивочные заведения (уличные пивные ларьки, рюмочные, кафе-мороженое, где продавали в розлив сухое вино) туалетов при себе не имели. Неизвестно даже, были ли в некоторых из кафе туалеты для работников этих заведений.

Подавляющее большинство ленинградских лестниц в 1970—1980-е годы исторгало постоянный запах мочи. Уборщицы посыпали на пол возле лифтов и по углам

опилки — чтобы меньше пахло*, но главное — чтобы проще потом убирать (а убирать бедным женщинам приходилось несколько лестниц, и для многих это «вторая», а то и «третья» работа; притом это были вовсе не матери-одиночки или приезжие — многие ленинградки шли на эту работу, ибо зарплаты мужа, если он не гаишник, не работник торговли или не партийный функционер, никогда в СССР не хватало на обеспечение семьи, чтобы там ни выдумывали нынче ревнители «славного» коммунистического прошлого).

Жильцы дома, где такая уборка с опилками практиковалась, подобное воспринимали безропотно, ибо другого способа бороться с «писунами» и результатами их неиссякаемой деятельности не существовало. Замечу, что мне не раз приходилось быть свидетелем того, как на лестницу дома, где я жил, мамы заводили своих детей, чтобы те тут пописали. Так с детства закладывались основы отношения к чужому труду, к окружающему миру — причем закладывались эти основы не только мамами, но по большей части чиновными дядями и партийными бездельниками, которые за мучительно долгие годы советской власти абсолютно ничего не сделали, чтобы советский человек с младых ногтей имел место, где можно пописать.

Когда-то в Питере были особые указатели — для тех, кому все равно где и кому невтерпеж. По воспоминаниям поэта В. С. Шефнера, «...у входа в подворотню нашего дома красовалась аккуратная эмалированная дощечка с надписью: „Уборной во дворе нет“ (до 1917 года надписи выглядели более деликатно: „Здесь останавливаться запрещено“. — *И. Б.*). В довоенное время такие предупреждения

---

* Существует предположение, что посыпать пол опилками или песком, чтобы потом легче было убирать мусор и нечистоты, идет из чосеровской Англии (XIV век), где на пол, посыпанный опилками, выливались помои, на него мочились. На такой пол могли ходить и домашние животные, которых из-за холода, например, брали в дом. Время от времени грязные опилки выметались и насыпались новые.

располагались на многих домах. А жеманное словечко „туалет" вошло в обиход много позже, заменив собой и „уборную", и „нужник", и „сортир", и „ватерклозет". И только морское слово „гальюн" живет и здравствует».

Указатель общественных туалетов

Добавлю к этим словам, написанным в середине 1990-х годов: и «гальюн» уже не живет и не здравствует. И не называют больше питерцы туалет «домиком-пряником», как когда-то, или ретирадником, или «ни с чем не сравнимым местом». И не ходят больше в «места не столь отдаленные» или в «укромное местечко». Слова «клозет», «гальюн», «сортир» стали достоянием прошлого. Советская власть пыталась внедрять словечко «санузел», но горожане его не приняли. В начале 1960-х годов, когда началось массированное строительство **«хрущоб»** — пятиэтажек с совмещенным санузлом, в обиход вошло новое слово — **«гавана»**, но и это определение домашнего сортира уже давно забыто.

Посещение туалета ленинградцы старались не афишировать. «Схожу-ка я подумать в домик архитектора» — один из многочисленных эвфемизмов советского времени, призванный придать шутливый тон намерению отлучиться. А находили туалет по запаху хлорки или аммиака (то есть мочи). В некоторых ведомственных коридорах нередко встречались женщины, которые выходили из кабинета и направлялись куда-то с мыльницей в руке. Если незнакомый с недрами учреждения гость следовал за ней, то вполне мог добраться и до туалета. Правда, частенько ведомственные туалеты запирались, а ключ сотрудники уносили с собой. (Такую картину можно увидеть и сегодня в государственных учреждениях.)

Те, кто служил на флоте, на всю жизнь запомнили, как с этим делом обстоит на морском судне, а те, кто не служил, знают, что слово «гальюн» принесли на сушу моряки. На барке «Седов» служил петербургский военный историк В. К. Грабарь. Вот отрывок из его воспоминаний на интересующую нас тему: «Вкратце так. На парусных кораблях гальюнов не было, кроме капитанского (шикарно оформленная будочка, свисающая с кормы). Для команды местом оправления естественных надобностей была сетка под бушпритом (бушприт — дерево типа реи, торчащее из носа), она и называлась „гальюном". А еще периодически вываливался выстрел („выстрел" — „рея", торчащая из борта корабля, с нее по веревочным трапам садятся в шлюпки). В походном состоянии выстрел прижат к борту, по сигналу „Команде — с...ь!" „выстрел" вываливается, и матросы, держась за леер (ограждение вдоль бортов), распределяются по бревну „выстрела", а далее — все как в общественном туалете».

Слово «гальюн» раньше употребляли не только матросы, но и солдаты, точнее, солдаты переняли его у матросов, зачастую не зная, откуда оно взялось. Это слово голландского происхождения и обозначает «плетеный сетчатый балкон, предназначенный для постановки парусов на бушприте». Как мы теперь знаем, место весьма удобное для отправления естественных нужд.

Лифт в жилом доме, который по форме и площади весьма близок к туалету (и *на ходу* туда никто не войдет, поэтому уединение обеспечено), если в подъезде темно, можно «вычислить» по запаху мочи, но не хлорки... Нередки случаи, когда жители дома с таким лифтом предпочитают встречать гостей у дома и подниматься вместе с ними на верхний этаж пешком, ссылаясь на плохую работу лифта.

Как назвать такой лифт? Гальюн? Сортир? А как назвать того, кто мочится в таком лифте?

Да как его только не называют...

Колхозники (еще одна категория советского народонаселения) пользовались так называемыми люфт-клозетами* там, где не существовало водопровода и канализации, т. е. по сути в большинстве сел и деревень. Люфт-клозет устраивался так, чтобы в него выходила стенка печи. В ней делали вытяжной канал, через который из выгребной ямы удалялись зловонные газы. Когда печь топили, только в этот период туалет и проветривался, поэтому им пользовались только осенью-зимой-весной. Перед наступлением теплых дней выгребную яму очищали и засыпали хлорной известью. Летом же пользовались уборной во дворе — как это делали предшественники колхозников за тысячу лет до появления колхозов и дворов и как это до сих пор делают многочисленные садоводы, их родственники и гости.

В 1960-е годы в центральной части Петербурга было около пятидесяти бесплатных общественных туалетов. Работу этих отхожих мест контролировали в горкоме КПСС (скорее, на бумаге, ибо на самом деле чиновники все «контролировали», но мало что делали). Между тем в основном эти сортиры находились в подвальных или полуподвальных помещениях и имели несколько выходов. По этой причине в Министерстве обороны СССР общественные туалеты причислили к разряду потенциальных укрытий — шла «холодная» война. Согласно тогдашним расчетам, в случае ядерного удара в сортирах могли спастись минимум полторы тысячи человек.

С 1990-х годов общественные туалеты в городе на Неве находились в ведении муниципального предприятия «Спецслужба». С 1991 года стала формироваться сеть частных общественных туалетов, количество которых резко увеличивалось. Почин пошел в искусство. Герои фильма «Операция „Кооперация“», не без оснований рассчитывая на неиссякаемый наплыв клиентов, открыли платный туалет.

---

* От немецкого «Luft» — «воздух».

А ведь кому-то можно было и бесплатно, и везде, и это несмотря на высокий чин (раньше это являлось привилегией простого народа). Писатель К. Мелихан рассказывает следующую историю.

Приехал в Ленинград Л. И. Брежнев награждать орденом какой-то завод. После церемонии награждения во Дворце культуры, как и полагается, начался банкет (для чего, собственно, и собрались). Спустя какое-то время Леонид Ильич ощутил надобность облегчиться. Вышел в коридор и, разбудив дремавшего милиционера, спросил у него:

— Где тут у тебя, дорогой, по маленькому можно сходить?

Милиционер вскочил, да как закричит:

— Вам — везде, Леонид Ильич!

Туалетный фольклор запечатлен не только в устной форме. На стенах общественных, заводских, учрежденских и особенно студенческих туалетов раньше много чего писалось — и пошлого, и смешного, и шокирующего, и бездарного, и талантливого. Вот лишь несколько примеров, из разряда самых пристойных и нетленных.

«Ничего хорошего из тебя не выйдет!» — на мой взгляд, этой надписи надо присудить безоговорочное первое место. Вечная истина.

«Смывать вне зависимости от поставленных задач и достигнутых результатов!»

«Анализ мочи — сюда мечи».

«Марать сортир, увы, не ново. Но только здесь свобода слова!»

«Сюда не зарастет народная тропа...» (Самая распространенная надпись.)

Существует миллион (да что там миллион — больше!) и других надписей, но большую их часть я бы не осмелился здесь упомянуть по причине чрезмерного использования и

потому отношу их и не к туалетным вовсе, а к заборным, а это уже другой жанр — «забористый». Туалетные надписи — это способ общения, форма выражения мыслей и чувств. Это наставления для будущих посетителей. Иногда — крик души. Среди этих надписей встречаются послания друзьям и приветствия людям совершенно незнакомым. Их оставляли в надежде получить ответ, но ответ, нередко в грубой форме, часто отбивал охоту к дальнейшему словотворчеству. Однако таковы законы жанра.

В памяти всплывают туалеты, которых давно уж нет. Например, туалет на втором этаже филологического факультета Ленинградского университета, в котором я учился в 1960-е годы. Стены кабинок исписывались не только остроумнейшими надписями (преимущественно в стихах), восстановить которые уже невозможно, но и замечательными рисунками; одно знаю наверняка: они делались остроумными людьми, которых всегда было немало на протяжении долгой истории филфака (потому эти граффити и не стирались годами — посмеиваясь в усы, их перечитывали и преподаватели). Приложил руку к оформлению этого туалета и я; сегодня, по прошествии нескольких десятков лет, могу подтвердить, что это я вывел черным химическим карандашом на стене одной из кабинок: «Здесь был Брежнев». Помню, матерные частушки украшали стены этого туалета годами, эту замазали тотчас же. Жаль; ведь я вложил в надпись всю анонимную отвагу, на какую мог решиться студент шестидесятых годов прошлого века.

Написать что-то на стене туалета было для некоторых граждан в то время единственным способом выразить свои сокровенные мысли, снять груз с души, облегчиться. Тем же, кто вознамерился связать свою жизнь с филологией, литературой, сочинительством, сам Бог велел если не участвовать в «наскальной живописи», то хотя бы знакомиться с ней, чтобы потом обсуждать ее, а не политэкономию социализма. Жаль, не думал я тогда, что когда-нибудь займусь историей туалета, и не переписал некоторые надписи.

А вот исследователь русской литературы Вл. Н. Топоров зафиксировал в своих ученых тетрадях надпись в деревянной пристанционной уборной поселка Комарово под Ленинградом, где в советское время располагались дома творчества. Туалет этот, часто посещаемый корифеями от литературы, музыки и прочих высоких материй, безжалостно снесли в 1960-е годы.

Наверное, те, кто жил тогда, писали бы и писали (ударение на втором слоге), но беда в том, что туалетов в социалистическом Ленинграде было до крайности мало, а стены имеющихся исписывались полностью. Тем же, кто не собирался ничего писать, хотелось покинуть туалет, едва очутившись в нем. Разумеется, в общественных туалетах не было запирающихся кабинок, раковин с горячей и холодной водой, зеркал, туалетной бумаги, одноразовых полотенец и уж тем более электрополотенец.

Советская власть так и не решила туалетную проблему, а едва рухнула, как, начиная с конца 1980-х годов, городская администрация стала в спешном порядке передавать общественные туалеты в частные руки, точно хотела скорее избавиться от них. Однако, едва получив документы на право собственности на помещения, новые предприниматели стали использовать туалеты по собственному разумению. Так, на Большом проспекте Васильевского острова в одном из бывших общественных туалетов стали торговать кондитерскими изделиями и торговали десять лет! В одном из туалетов на Невском проспекте торговали дамским бельем, а в бывшем отхожем месте на Вознесенском проспекте открылась ветеринарная клиника.

С 1990 года строительство новых общественных туалетов в городе на Неве прекратили, и существовавшие отхожие места и дальше продолжали приватизироваться и перепрофилироваться. Любой желающий мог получить разрешение на открытие в бывшем сортире, например, ресторана. И вот в сквере на углу Обводного канала и Старо-Петергофского

проспекта открылось кафе под названием «Рим». Под боком у храма Спас-на-крови на канале Грибоедова тоже появился ресторан в бывшем общественном сортире. На Уральской улице в помещении туалета теперь пивной бар. В помещении туалета у моста Лейтенанта Шмидта в конце прошлого века открылась «Пирожковая», а в начале 2000-х годов здесь разместилась «Таверна». Если раньше в этом сооружении освобождались от пищи, то потом, напротив, ее здесь стали принимать.

Тогда же, в 1990-е годы, в городе появились туалетные кооперативы, но еще за много лет до этого, как рассказывает С. Довлатов, в Ленинграде один человек ходил в туалет за деньги: «Писателю Воскобойникову дали мастерскую. Там не было уборной. Находилась мастерская рядом с вокзалом. Так что Воскобойников пользовался железнодорожным сортиром. Но существовало одно затруднение. После двенадцати ночи вокзал охраняли милиционеры. В здание пропускали лишь граждан с билетами. Тогда Воскобойников приобрел месячную карточку до ближайшей станции. Если не ошибаюсь, до Боровой. Стоила карточка рубля два. Полторы копейки за мероприятие. Воскобойников стал единственным жителем Ленинграда, который мочился не бесплатно».

С 1991 года начала формироваться сеть частных общественных (замечательное сочетание противоположностей) туалетов с турникетами, как в метро (но далеко не везде — турникеты, что ли, кончились). Количество платных туалетов резко увеличивалось (наверное, тогда появились скорбно-ностальгические строки в подражание самому В. Шекспиру: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о бесплатном туалете»), но к началу XXI века содержание общественных туалетов стало нерентабельным из-за высокой арендной платы за помещение, и их количество вновь стало сокращаться. Вчерашние содержатели туалетов сделались рестораторами и владельцами бензоколонок.

А вот примета из прежней жизни тридцатилетней давности — женский туалет «Европейской» гостиницы (на первом этаже, налево от входа — да он и сейчас на этом же месте, несмотря на перестройки сменяющих друг друга хозяев отеля): там в 1970-е годы ухитрялись купить пачку «Марлборо» за два рубля (в магазинах американские сигареты не продавались), и мы, тогдашние студенты, когда у нас случалась пара лишних целковых, просили знакомых (а то и совсем незнакомых, но чем не повод для знакомства?) барышень посетить этот туалет с целью купить пачку заморских сигарет, которые нигде больше не продавались вот так, почти открыто.

В некоторых общественных туалетах в советское время покупали не только иностранные сигареты — там процветал черный рынок контрабандных западных товаров и даже книг, причем изданных в СССР!

На междугородных рейсах и поныне (дань традиции, уходящей корнями в последнюю треть минувшего века), когда автобус останавливается по настоятельной просьбе туристов близ кромки леса, действует правило: «Мальчики направо, девочки налево». По такому правилу я однажды вместе с «мальчиками» «посетил туалет» по дороге в Хельсинки. В годы Великой Отечественной войны так «ходили в туалет» те, кто путешествовал в эвакоэшелонах.

В самом Петербурге, надо признать, ситуация малопомалу меняется к лучшему, и теперь уже туалеты не закрываются в семь часов вечера.

Уровень комфорта российских туалетов регулируют санитарные правила, учрежденные еще в 1972 году. Согласно этим правилам, одна «точка» полагается на 500 человек. Под «точкой» подразумеваются один унитаз или два писсуара. Говорят, нынче вас обязаны пустить в туалет при точке общепита, если у вас возникла в том нужда.

ТУНЕЯДЕЦ. Бездельник, паразит, трутень, захребетник, тот, кто живет за чужой счет, чужим трудом! И кого

только советская власть не причисляла к сонму тунеядцев! И как только не расправлялась с ними! Тех, кто вел «паразитический образ жизни», в начале 1960-х годов высылали из городов на срок от двух до пяти лет. В 1961 году за тунеядство, на основании принятого 4 мая 1961 года Президиумом Верховного Совета СССР указа, осудили около двухсот тысяч человек. От этого указа — «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» — и в последующие годы пострадало немало человек. И особенно творческих натур.

Последние являлись безвестными сочинителями вечных истин («Если хочешь поработать, ляг, поспи, и все пройдет!», «Что бы ни делать, лишь бы ничего не делать!», «Где бы ни работать, лишь бы не работать!», «Работа не волк — в лес не убежит!», «От работы кони дохнут»), и весьма симпатичными киногероями (Бывалый — актер Е. Моргунов), и литературными персонажами, обретшими вторую жизнь в советском кино (И. И. Обломов), и даже лауреат Нобелевской премии по литературе среди них есть (И. А. Бродский).

Борьба с тунеядством велась до принятия в апреле 1991 года закона «О занятости населения», отменившего уголовную ответственность за тунеядство и признавшего безработицу. В наше время в законодательстве Российской Федерации — правопреемнике СССР — термин «тунеядство» не употребляется, хотя тунеядцев — пруд пруди.

ТУРИЗМ. Советские люди довольно много путешествовали — но только по своей стране, а если «выезжали» за границу, то вместе с ведущим телевизионного «Клуба путешественников». Ленинград, несмотря на имевшийся у него международный аэропорт, был, можно сказать, изолирован от внешнего мира: в начале 1970-х годов из Ленинградского аэропорта самолеты летали в 13 стран мира, по преимуществу в социалистические, а пассажирами этих рейсов были

в основном иностранцы. Ленинградцу, чтобы вылететь в какую-либо страну Африки, Америки, Азии или Западной Европы, приходилось ехать в Москву.

С 1960-х годов количество выезжающих за границу стало постепенно возрастать по сравнению с предыдущим десятилетием, но основную массу выезжающих составляли мидовцы и внешторговцы, потом «поехали» военные советники (на Кубу, в Африку, в Азию), рабочие и инженеры на строительство плотин, ирригационных сооружений и пр., стали чаще выходить в море моряки и вылетать летчики, даже редкие студенты и ученые стали выезжать по обмену, потом появились первые туристы, которым дозволялось посмотреть страну-другую под присмотром сопровождавших их кагэбэшников. Стали открываться представительства ТАСС, АПН, Морфлота и т. д.

Не более раза в год советский человек с разрешения администрации и партийной организации предприятия, где он работал, а потом райкома и обкома КПСС, мог побывать в туристической поездке в одной из социалистических стран (ГДР, НРБ, ЧССР и др.), раз в три года — в капиталистической стране (в перечень которых входили СФРЮ, или Социалистическая Федеративная Республика Югославия, и даже Куба и СРВ, или Социалистическая Республика Вьетнам).

Оформление документов на поездку становилось длительной и унизительной процедурой. Нужно было иметь характеристику с места работы, напечатанную на пишущей машинке в трех экземплярах, через копирку (исправления не допускались!). Характеристика подписывалась начальником, секретарем партийной (или комсомольской) и руководителем профсоюзной ячейки. В характеристике обязательно должно быть указано, замужем ли (женат) потенциальный турист, каковы отношения в семье, какие есть еще близкие родственники, какую общественную работу выполняет, какие награды имеет. Последняя фраза характеристики, пестрящей штампованными формулировками

типа «морально устойчив», «политически грамотен», несла на себе всю тяжесть коллективной ответственности: «Администрация, партийная (комсомольская) и профсоюзная организации ходатайствуют о предоставлении такому-то возможности посетить Народную Республику Болгария сроком на 7 дней в рамках культурного обмена». Далее будущий турист отправлялся на собеседование в выездную комиссию райкома КПСС, где его подвергали допросу: когда основана коммунистическая партия Болгарии (если он ехал в Болгарию), каковы успехи народного хозяйства этой страны и пр.

Журналист Л. С. Мархасев, собираясь посетить в 1964году Чехословакию, тоже проходил через «чистилище», каковым тогда служили выездные комиссии при райкомах партии. Вот отрывок из его воспоминаний:

«„Наша" комиссия заседала в большом зале Куйбышевского райкома партии в бывшем дворце Белосельских-Белозерских.

...главный контраст с былыми, канувшими в Лету обитателями дворца являли люди, сидевшие за стандартными столиками, крытыми коричневым дерматином и расставленными вдоль стен, пенсионеры — партийные активисты, а то и ветераны революции. Перед каждым столиком стоял такой же казенный стул, на него усаживали решивших ехать за границу, чтобы проверить, годятся ли они для такой поездки.

...Однако характеристика могла никак не сработать в этом зеркальном зале: теперь все зависело от пенсионера, к которому тебя угораздило попасть.

Вот и „мой" пенсионер, постукивая пальцами по характеристике, спросил: „А чего это вы решили ехать за границу? Вы что, в нашей стране уже всюду побывали?"»

Мне тоже не раз приходилось проходить через эту унизительную процедуру в том же бывшем дворце Белосельских-Белозерских, и могу сказать, что существование выездных комиссий — это еще одна капля, переполнявшая чашу

терпения тех, кто испытывал острое желание посмотреть своими глазами другую страну и, по возможности, дожить до того дня, когда не нужно будет спрашивать на это разрешения у маразматических «ветеранов партии». Я лично знал людей, которые никогда не бывали за границей, ибо не желали подвергать себя допросу партийцев. (Один из тех, кто читал эту книгу в рукописи, на полях отметил: «Я тоже».)

Возвращаясь из-за границы, советские туристы неизменно старались «оправдать поездку» (давно забытое выражение) и провозили что-нибудь на продажу из одежды или из бытовой техники. Эта практика явилась провозвестницей бума челночной торговли, последовавшей в СНГ вслед за перестройкой в 1990-х годах.

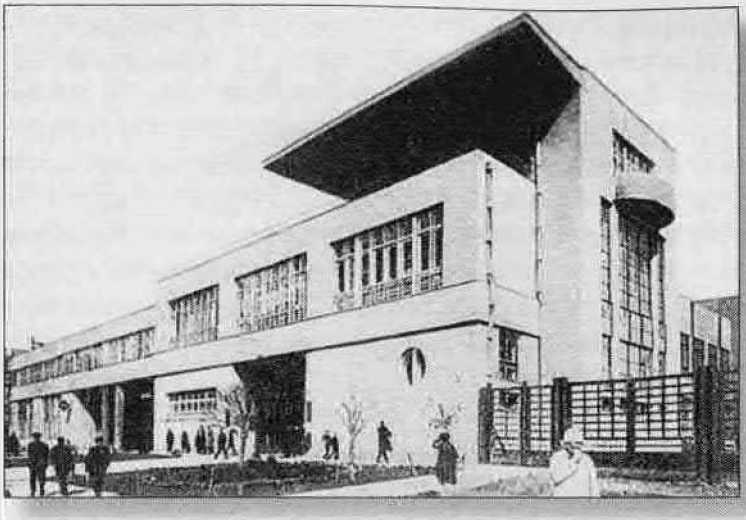
ТЯНУЧКИ. Сливочные тянучки, каждая полузавернута в бумажку — кто же не помнит эти конфеты, которые, как многие считали в СССР, производились только в Ленинграде (хотя это не так). Тянучки покупали в гастрономе, а некоторые мамы или бабушки сами делали тянучки из сливок с сахаром. Для «долгоиграющих» тянучек к меду добавлялось масло, и масса уваривалась до загустения.

Тянучки продавали в Петербурге до 1917 года, потом — в Ленинграде. После окончания войны их тоже производили в больших количествах — из сахара и цикория. А теперь их, кажется, нет. Забыть эти тянучки невозможно.

УНИВЕРСИТЕТ. В Ленинграде, в отличие от нынешнего времени, существовал всего один университет (Университетская наб., 7/9). С 1948 года Ленинградский государственный университет носил имя А. А. Жданова, того самого, который в августе 1946 года в своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» подверг критике А. А. Ахматову и М. М. Зощенко. Чем еще знаменит Жданов, сказать затруднительно, и, наверное, поэтому все прежние решения об увековечении его памяти в январе 1998 года отменили. В 1969 году Ленинградский ордена В. И. Ленина государственный университет им. А. А. Жданова награжден орденом Трудового Красного Знамени. Я не помню, чтобы это событие мы, студенты университета, тогда отмечали, хотя отмечали, подчас весьма бурно, не только события, а просто наступление очередного дня недели или встречу сокурсника, с которым не виделись дня два. Университет — это еще и **сельхозработы,** и **академичка,** и **рюмочные,** и **«старая книга»,** и **пласты,** и **общепит,** т. е. познание жизни во всех ее многообразных сферах и проявлениях. Университет, по сути, это сама жизнь, и, как жизнь, он многолик, но един. Или, если угодно, один. И при чем здесь «университет физкультуры» или «университет точной механики и оптики», никак не могу взять в толк.

ФАБРИКИ-КУХНИ. Предприятия **общепита** и комбинаты для массового производства готовых блюд. Для них в Ленинграде в 1920—1930-х годах строились специальные здания со специальным технологическим оборудованием с целью обеспечить горячим питанием рабочих промышленных предприятий в заводских столовых и — едва ли не главное — освободить работающих женщин от «пут» домашнего хозяйства и от забот по приготовлению пищи дома с тем, чтобы вовлечь их в производство. В стране объявили войну «примусам», «домашним обедам» и «мещанским закопченным кухням» (ленинградские фабрики-кухни не были первыми в СССР). Писатель Юрий Олеша писал в романе «Зависть»: «Объявлена война кухням. Тысячу кухонь можно считать покоренными. Кустарничанию, восьмушкам, бутылочкам он положит конец. Он объединит все мясорубки, примуса, сковороды, краны... Если хотите, это будет индустриализация кухонь. Он организовал ряд комиссий. Машины для очистки овощей, изготовленные на советском заводе, оказались превосходными. Немецкий инженер строит кухню...»

Основанием для распространения фабрик-кухонь стало мнение, будто коллективное принятие пищи способствует усилению социальных контактов трудящихся во внерабочее



Выборгская фабрика-кухня

время. А раз так, значит пищу надо принимать коллективно, в специально оборудованных помещениях, на больших площадях.

Проект строительства первых четырех фабрик-кухонь разработали в 1928 году (архитекторы — А. К. Барутчев, И. А. Гильтер и др.). Он предусматривал высокую механизацию производственных процессов с быстрой доставкой готовой продукции потребителям.

Каждая фабрика-кухня состояла из производственной и торговой частей: первая включала кладовые, кухню и прочие производственные помещения, вторая — магазин по продаже полуфабрикатов и обширные обеденные залы. Построенные в стиле конструктивизма здания фабрик-кухонь стали еще и своеобразными архитектурными доминантами. Примечательно, что крыши зданий фабрик-кухонь делали плоскими — для обедов на открытом воздухе в летнее время.

Первая фабрика-кухня, «Невская», была построена на проспекте Обуховской Обороны, 119а. В 1931 году она

выпускала 35 тысяч обедов в день. В 1929 году открыта «Сталинская» (позднее «Выборгская») фабрика-кухня (пр. Карла Маркса, ныне — Б. Сампсониевский пр., 45; она состояла их двух корпусов — производственного и торгово-обеденного), в 1930-м на пр. Стачек, 9, открылась самая крупная в Ленинграде фабрика-кухня — «Кировская» (позднее — «Нарвская»), затем фабрика-кухня № 1, Промышленная ул., 3 (эта фабрика-кухня заняла целый квартал и включила в себя универмаг), в 1931-м — «Василеостровская» фабрика-кухня № 1 («Свердловская», Большой пр. Васильевского острова, 68/70).

В 1950—1960-е годы в Ленинграде работали фабрики-кухни на Уральской ул., 6 (построенная до войны), а также «Кировская», «Невская», «Свердловская» («Василеостровская») и «Выборгская».

В 1980-х годах в помещении бывшей «Сталинской» фабрики-кухни помещалось кафе «Ровесник». Василеостровская фабрика-кухня закрыта в 1982 г. Последние три фабрики-кухни включали в свой состав собственно производственные подразделения, а также рестораны, кафе, столовые, буфеты, магазины «Кулинария», филиалы на промышленных предприятиях и в учреждениях. В 1990 году все фабрики-кухни прекратили свое существование, и остались от них только магазины «Кулинария».

ФАНТИКИ. Эта детская игра появилась в советское время и пользовалась популярностью среди школьников примерно до первой половины девяностых годов прошлого века. Играли, как правило, во время школьной перемены, реже — после школьных занятий.

Конфетные обертки складывали в квадратики. Потом клали фантик на ладонь и подбивали ладонью (пальцами) снизу о край стола или подоконника. Фантик подпрыгивал и опускался на стол. Целью игры было накрыть своим фантиком фантик противника. Накрыл фантик — забрал его. Выигрывал тот, кто забирал больше фантиков.

А какие войны на школьных переменах и особенно после уроков велись в недавнем прошлом за то, чтобы заполучить красочный фантик, который по каким-то причинам отсутствовал! У кого-то коллекция фантиков была больше, у кого-то меньше.

Сегодня выбор у собирателей фантиков (вот только собиратели перевелись), коробок из-под шоколада или шоколадных конфет несравненно больший, чем у тех, кто коллекционировал их лет, скажем, тридцать назад, зато тогда брали количеством. Много одинаковых фантиков для *игры* не помеха.

ФАРЦОВЩИКИ. Так называли скупщиков дефицитных, модных вещей, граммофонных пластинок (**«пластов»**) и/или валюты у иностранцев. Фарцовка — отрасль теневой экономики, представители которой (т. е. фарцовщики) нелегально продавали согражданам вещи и пр. зарубежного производства, обмененные на сувениры или купленные у иностранцев. Фарцовка для многих являлась бизнесом, но в целом это была субкультура со своей идеологией, сленгом и образом жизни. Фарцовка возникла в конце 1950-х годов в среде **стиляг.** Только скупая или обменивая вещи у иностранцев, стиляги могли «приобщаться» к западной культуре с внешней, показной стороны. Для стиляг модные, недоступные советским людям вещи служили символами западной жизни. Сначала вещи приобретали для себя, потом ими стали торговать. Особый расцвет фарцовка приобрела после Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1957 году в Москве, когда приоткрылся железный занавес. Гости фестиваля разъехались, оставив немало вещей «по обмену». Сообразительные люди — уже не только стиляги — решили, что из подобного обмена можно делать бизнес. Поскольку полки советских магазинов были до однообразия скучны, то только у фарцовщиков в 1960-е годы доставали плащи **«болонья»,** нейлоновые рубашки, безразмерные носки с «резинкой».

Плакат «Фарцовщик»

Фарцовка (или «фарца»*) была рискованным предприятием, поскольку, во-первых, существовала статья за спекуляцию, под которую она подходила, а во-вторых, в ту пору не приветствовались любые контакты с иностранцами. Но контакты легко устанавливались обеими заинтересованными сторонами. Слова **«джинсы»** и «ченч» (от англ «change» — «обмен») понимались и покупателями, и продавцами (в действительности продавцы к торговле у себя дома никакого отношения не имели, да и покупатели числились на какой-то работе).

Иностранцы почему-то «клевали» на советские значки, фуражки с кокардами, армейские ремни, почтовые марки, открытки, изображения Ленина и пр. На ура шли расписные матрешки, зимние шапки-ушанки, реже — альбомы по искусству, желательно с «иконами» или «русской зимой». Фарцовщики покрупнее промышляли настоящими иконами, черной икрой, старинными книгами, гравюрами, фарфором, картинами и прочим антиквариатом. Все это отдавалось за джинсы, плащи, обувь, иногда за валюту (валютные фарцовщики играли с огнем, им грозило большое наказание, тогда как простых «бомбил», суетившихся перед входом в гостиницу или музей, забрав в милицию и пожурив, обыкновенно отпускали).

---

* Как полагают некоторые исследователи, слово «фарца» восходит к старому одесскому слову «форец» — так называли «человека, который много говорит и своим красноречием сбивает цену, скупает товар по дешевке и тут же рядом продает его втридорога» (http://www.lapril.odessa.Ua/voc/f.html).

В Ленинграде фарцовщики интересовались прежде всего финнами, которые, по словам Е. Рейна, «...проклиная сухой закон в Финляндии, автобусами приезжали в Ленинград на гулянки. У них тайно покупали вещи, и вскоре образовалась целая система устойчивых торговых связей. Началась героическая эпоха „фарцовки", которая создала свою элиту... Существовали люди, готовые скупать старые носки и сношенное белье, лишь бы носить иностранную вещь, существовали и „аристократы", делавшие особые заказы». Объектом «бомбления» фарцовщиков в Ленинграде становился, как правило, «турмалайский бас», то есть финский автобус — фарцовщики говорили на своем языке. Но они и внешне отличались от других ленинградцев. Писатель В. Воробьев вспоминал об одном из знакомых фарцовщиков: «Он элегантно одевался, у него был совсем не советский вид, скорее американца или европейца — красивый галстук, пальто, брюки, костюм, который он шил сам, но по американским чертежам».

Почти вся ленинградская фарца вышла из так называемых английских школ. Английский язык являлся необходимым для фарцовщика уже при первой «бомбардировке» иностранца, которая начиналась, по описанию современника, всегда одинаково: «Завидев иностранца, фарцовщик быстро приближался к нему и задавал совершенно невинный вопрос: „Скажите, пожалуйста, сколько сейчас времени?" Задавая этот вопрос, фарцовщик решал сразу два дела: первое — он убеждался, что не ошибся, человек на самом деле иностранец, второе — на каком языке дальше придется вести диалог. Остальное было уже делом техники, очень ювелирной, очень тонкой техники игры на человеческих слабостях и достоинствах, коими иностранцы обладают в той же полной мере, что и мы».

Некоторые фарцовщики не имели дело с иностранцами напрямую: для этого существовала целая цепочка гостиничных работников. Сотрудники гостиниц **«Интуриста»** обменивали у проживавших в отелях иностранцев вещи, духи, сигареты (блоками) на спиртное и передавали все это

старшим (официанты — барменам, горничные — старшим горничным и т. д.), а те — фарцовщикам для продажи. Чтобы устроиться на некоторые должности в гостиницы «Интуриста», существовала система взяток, так как помимо зарплаты сотрудники гостиницы имели свою долю и от фарцовщиков.

Писатель М. Веллер в своей «Легенде о родоначальнике фарцовки Фиме Бляйшице» подробно и живописно рассказал о том, как фарцовщиком стал студент Кораблестроительного института. В этой «легенде», очень похожей по сюжету и деталям на правду, приводятся строки, которыми в 1950-х годах клеймили в советских газетах фарцовщиков:

Иностранцы? Иностранки?
Нет! От пяток до бровей
Это местные поганки,
Доморощенный Бродвей!

В романе В. Аксенова «Остров Крым», написанном в конце 1970-х, но изданном только во время перестройки, один из героев называет фарцовщиков *«отважными стихийными бунтарями против тоталитарности»*. Фарцовщики, конечно, не бунтари, но действительно отважны. На работу каждый день выходили как на последний бой, рисковали свободой, а то и жизнью (в 1961 г. некие Я. Рокотов и Вл. Файбишенко получили высшую меру наказания за валютные операции, *«чтоб другим неповадно было»*. Торговля джинсами фигурировала как один из пунктов обвинения), и если фарцовщики возвращались вечером домой, то неизменно с чувством победителей, готовых на новые подвиги.

ФИФА. Не путать с международной футбольной организацией (FIFA)! Фифой (чаще фифочкой) называли раньше женщину, обращавшую на себя внимание поведением, нарядом и т. д. «Еще пройдет, надламываясь в талии, какая-нибудь фифочка в короткой юбке...» (В. М. Шукшин. «Ванька Тепляшин»).

ФОТОГРАФИЯ. Весьма распространенное увлечение в Ленинграде конца прошлого века. Многие посещали фотокружки, изучали фотодело самостоятельно, руководствуясь советами родственников и знакомых или сверяясь по знаменитой книге В. П. Микулина «25 уроков фотографии».

Волна любви к фотографии пришла в **1970** году, когда в Ленинграде на заводе ЛОМО стали выпускать первую «мыльницу» — фотокамеру «Смена-8М». Стоила она 20 рублей, а управиться с ней мог и ребенок.

Обзаведясь фотоаппаратом — «Сменой» или значительно превосходящими ее по всем параметрам «Киевом», «Соколом», ФЭДом или «Зенитом» и фотоэкспонометром («Ленинград» или «Свердловск»), — многие принимались заниматься фотографией, т. е. устраивали в своей квартире (в ванной, если квартира отдельная, или в незанятой жильцами комнате, если квартира коммунальная) фотолабораторию и с этой целью обзаводились красным фонарем, увеличителем, ванночками, пинцетом, запасом проявителя и закрепителя, бельевыми защепками для развешивания фотоснимков. В каждом доме лежали фотоальбомы с любительскими фотографиями, напечатанными кем-то из мужчин (фотография считалась мужским делом). Гостям непременно показывали фотографии, сделанные в отпуске: в деревне, на даче или на Черноморском побережье Кавказа (особым интересом пользовались заграничные виды, ибо за рубеж ездили очень немногие). Гостей это не обременяло, пока в моду не вошли слайды. К приходу гостей на стену вешали экран или белую простыню и демонстрировали гостям все то, что, как правило, интересовало только самих хозяев. Иногда демонстрации затягивались настолько, что гости всерьез подумывали о приостановлении визитов в этот дом. У многих поныне остались коробки с сотнями слайдов, просмотреть которые и сами хозяева все никак не могут найти времени.

ХИППИ. Рок-музыканту Ю. Шевчуку удалось в одной песне перечислить представителей едва ли не всех неформальных объединений в СССР 1970—1980-х годов:

Он не панк, он не хиппи,
Он не хеви-металлист,
Он не мажор, не тусовщик,
Мама, он не буддист...

и т. д.

Чтобы рассказать о представителях всех неформальных объединений того времени, не хватит и сотни страниц, поэтому вспомним лишь о хиппи, и вспомним еще и потому, что настоящих хиппи, в отличие от остальных неформалов, ныне уже не встретишь.

Хиппи (они же хиппари) появились в СССР в 1960-х годах. Это были молодые люди с длинными волосами, ходившие в расклешенных джинсах, они любили цветы, украшения, слушали рок и призывали всех заниматься любовью, а не войной. Пришли они, говорят, из Великобритании, вместе с рок-музыкой.

Советские хиппаны не придумали ничего нового, заимствовав идеологию и внешний вид заокеанских коллег по мировоззрению, внеся, правда, некоторые поправки. Прежде

всего, хиппи попытались внести разнообразие в родную речь, заменив наиболее употребляемые ими русские слова на английские, и вместо «девушка» говорили «герла», вместо «квартира» — «флэт», вместо «волосы» — «хайр», вместо «люди» — «пипл», вместо «просить» — «аскать». В поисках лучшей жизни хиппи неустанно передвигались по стране автостопом или «на собаках» (в электричках). Главными городами хиппи в СССР были Ленинград, Москва и Рига. Местом встреч хиппи в Ленинграде была «ротонда» — **парадняк** на ул. Дзержинского (ныне — Гороховая), 57.

«Правильные» хиппи встречались в «системе» — объединении хиппов, связанных между собой многолетним знакомством и совместными тусовками, иногда по принципу коммуны. «Пацифик» (амулет в виде отпечатка голубиной лапки, обведенной в кружочек), «хайратник» (повязка, перехватывающая волосы), «ксивник» (сумочка на шее для денег и документов) — непременные атрибуты или, если угодно, аксессуары хиппи. Место сбора хиппи называлось хипподромом.

Хиппи получали **кайф** и «оттяг» от общения, непременно под музыку, употребления различных бодряще-веселящих средств, в чем хиппарям то и дело пытались помешать «цивилы» (люди, не являющиеся членами хип-системы) и «кайфоломы» (те, кто не входил в круг общения хиппи и представлял «Вавилон» — лиц, враждебных по отношению к пиплам с хайрами). Самыми неприятными представителями Вавилона была милиция, постоянно «винтившая» хиппанов в отделы, «гопники» — агрессивно настроенная шпана, а также «пионерия» или «клюха» («клуб любителей хиппи»), то есть люди, перенявшие только внешние черты движения и позорящие хиппарей своим неадекватным поведением.

От того замечательного времени остался следующий анекдот.

«В России победила хипповая революция. Все любят друг друга, армия распущена, деньги отменены, магазины

открыты для свободного доступа населения, всенародное ликование.

На Невском проспекте тусуются три последних гопника* (на молодежном сленге — „примитивный, необразованный человек"). Вдруг из подворотни выезжает разноцветный милицейский „уазик", оглашающий все вокруг мелодией *„All You Need is Love"* вместо сирены и с надписью *„Flower Power"* на борту. Из него выходят трое волосатых ментов с добрыми улыбками, в балахонах и драных джинсах, подходят к гопникам, дарят им по цветочку и ласково говорят:

— Ну что, братушки, поехали с нами! Посидите в обезьянничке, пока хаера не отрастут!»

ХРУЩЕВКА (См. Хрущоба).

ХРУЩОБА. Слово отнюдь не только ленинградское, но в Ленинграде бытовало вовсю. Так называли одно-, двухкомнатную квартиру, находившуюся в хрущевке, т. е. в трех-пятиэтажном** жилом доме (в кирпичном, покрепче и вроде долговечнее, но в основном в панельном), построенном при Н. С. Хрущеве. В этом слове — типичное для русского языка явление, которое специалисты называют «каламбурным скрещением». Тут соединились и слово «хрущевка», и конец слова «трущоба», но упор получился на последнее, хотя и первое узнается сразу. Хрущевки берут свою историю с исторического постановления ЦК КПСС 1955 года «Об устранении излишеств в проектировании

---

* Слово, между прочим, ленинградского происхождения. В послереволюционном Петрограде так называли обитателей Городского общежития пролетариата (ГОП) в «Октябрьской» (тогда — «Большая Северная») гостинице, куда свозили отловленных беспризорников.

** Высота в 5 этажей была выбрана потому, что по тогдашним нормам это была наибольшая этажность, при которой разрешалось строить дома без лифта. Правда, иногда строились дома без лифта и в 6 этажей — с магазином на первом этаже, получается, что пятиэтажный.

и строительстве». Прототипом для первых хрущевок стали блочные здания *(Plattenbau)*, строившиеся в Берлине и Дрездене еще с 1920-х годов. Первая хрущевка построена в Москве, а с 1959 года и в Ленинграде начали возводить невысокие эрзац-дома без лифтов, со сквозными дворами (прощайте, дворы-колодцы!). Идея, разработка и внедрение в практику методики панельного домостроения принадлежат московскому инженеру В. П. Лагутенко (1904— 1967). Объединяла хрущобы теснота — по нормативам на одного человека отводилось 6 квадратных метров. Кухня была меньше 5 квадратных метров. В хрущобах совмещалось все, что можно (**«гавана»**), вот только потолок с полом не удалось совместить, и их разделили два с половиной метра — если встать на табуретку, можно упереться головой в потолок. Если с табуретки упасть, соседи вздрогнут — звукоизоляция слабая. Помимо попыток все совместить больше никаких излишеств, разве балкон, но далеко не у каждого, так что, получается, балкон — это роскошь, ибо там можно, на зависть соседу без балкона, хранить велосипед, лыжи, тазы, ящики, **стеклотару,** а еще курить или разводить цветы, поливая которые, нередко поливали и прохожих, и нижних жильцов на балконе.

С переездом из коммуналки в центре города в хрущобу многие лишались возможности прихватить с собой пухлые горки, громоздкие старинные буфеты, высокие книжные шкафы, люстры — все это не вмещалось в малые габариты нового жизненного пространства. Мебель, доставшуюся от родителей, свозили в **комиссионки,** но там с предметами старины к концу 1960-х годов был перебор, и ленинградские помойки долгое время представляли собой истинный Клондайк для ценителей антиквариата: мебель, посуда, семейные архивы, картины...

Качество строительства этих самых хрущоб оставляло желать лучшего еще и потому, что эти дома строили по-стахановски быстро. Стройплощадка была местом трудовых подвигов и соцсоревнования. Бригады строителей

состязались друг с другом в скорости строительства. Всесоюзный рекорд установила на Ленинградском домостроительном комбинате № 2 летом 1972 года бригада В. Афанасьева, собрав пятиэтажный дом, хотите верьте, хотите — нет, за пять суток. Там же пятиэтажный дом на 105 квартир собрали за 124 часа 12 минут.

Распределяли хрущобы по такому принципу: для семьи из четырех человек давали трехкомнатную квартиру, из трех — двухкомнатную. И это казалось справедливым людям, долго ютившимся впятером в одной комнатке. Но как же радовались они переезду! Теперь все свое, отдельное. В хрущобе жили с родителями, с родственниками, с собаками и кошками, с попугаями даже, туда же приводили жену (мужа). В хрущобах делали уроки, гнали **самогон,** писали кандидатскую (докторскую) диссертацию, слушали без наушников тяжелый рок (наушники тогда были в большом дефиците), учились играть на фортепьяно или на скрипке, решали шахматные задачи, спали, ели, посещали по очереди «гавану», отмечали дни рождения, пели хором, устраивали поминки, праздновали «золотую свадьбу» со всеми внуками, которые жили в той же квартире со стариками... Ленинградский поэт В. Кривулин писал:

...хрущоба, Господи! сама она как сад запущенный,
вся в трещинах и щелях...

Этот «сад» кое-где жив до сих пор. И в нем живут люди, хотя некоторые хрущевки рассчитывались на 25 лет, а другие, «несносимых серий», — и на все 50, при этом специалисты дают им и все 150 при своевременном капитальном ремонте.

Строительство хрущевок в СССР прекратили в 1985 году, в Ленинграде намного раньше — в конце 1970-х. На смену им пришли **дома-«корабли».**

Ц, Ч

ЦЕХОВИКИ. Так в СССР называли подпольных предпринимателей. Официально создать предприятие, чтобы продавать произведенную на нем продукцию, никто не мог. Но предприимчивые люди нашли выход — подпольная продукция производилась на государственном предприятии, а продавалась теневой структурой. Составлялись поддельные акты о списании, уничтожении фактически пригодных материалов, сырья — способов воспользоваться «неучтенкой» находилось много. При государственных фабриках и заводах создавались подпольные цехи, работавшие на неучтенном сырье и заготовках. «Цеховики» организовывали подпольные мастерские, где из импортных материалов фабриковали «фирму» с фальшивыми ярлыками — одежду, головные уборы, музыкальные записи. Работники фабрик, как правило, ничего не подозревали.

Если цепочка была полностью нелегальной, то эта схема быстро вычислялась органами ОБХСС.

Цеховиков (непокорных, или сильно проштрафившихся, или зарвавшихся, или неугодных, или забывчивых) время от времени отлавливали, некоторых даже сажали в тюрьму, но тяга человека к зарабатыванию сверх меры неистребима. Ленинградские цеховики, как настоящие подпольщики, избегали публичности, стараясь не привлекать к

Кооперативный ларек. 1980-е гг.

себе внимания ни внешним видом, ни образом жизни (эти старания, впрочем, иногда буквально бросались в глаза). Сотрудники правоохранительных органов не раз отмечали выдающиеся способности цеховиков делать деньги там, где, казалось, их сделать невозможно. В одном из документов **ОБХСС** отмечалось, что экономические преступления «совершаются технически грамотными и по-своему талантливыми лицами, хорошо знающими производство не только в целом, но и тонкости его функционирования в конкретных областях народного хозяйства и действующими не только в одиночку, но и в составе организованных, хорошо замаскированных групп». Процессы над цеховиками были закрытыми, и просачивалась лишь информация о существовании этих предпринимателей, обрастая легендами и слухами.

К 1990 году цеховики почувствовали, что в стране начались новые веяния, и стали выползать на свет Божий вместе с заработанными опасным для жизни способом

капиталами и с накопленным опытом, который позволил быстро приумножить имевшиеся средства и легализовать их.

Пачка индийского чая

ЧАЙ. Чай в Ленинграде пили почти исключительно дома или в гостях. В некоторых заведениях **общепита** на просьбу подать чай следовал ответ: «Чай надо дома пить!» — так отвечали официантки или буфетчицы.

О пакетиках в 1970—1980-е годы не подозревали, и чай («Индийский» «со слонами» или «Цейлонский» — два вида, несколько сортов) заваривали в чайнике для заварки. Многие пожилые люди по старинной привычке пили чай из блюдца, вприкуску, т. е. положив в рот кусочек сахара. Мужчины, особенно бывшие военные, пили чай из стакана в подстаканнике, притом в стакане обязательно должна оставаться чайная ложка. Так пил чай мой отец и все его друзья. Если кто-то не представляет, как так можно пить чай, в фильме «Девушка без адреса» (1957 г.) это демонстрирует актер С. Н. Филиппов, почти наверняка так же пивший чай и в реальной жизни.

ЧЕРНЫЙ РЫНОК. На черном рынке во всех странах, во все времена продавали и продают товары, которые либо запрещены к продаже, либо торговля ими существенно ограничена. Как правило, черный рынок тесно связан с контрабандой и часто контролируется организованной преступностью. Всегда, во все времена находились и находятся люди, которые пытаются получить желаемое, несмотря на запреты. Соответственно всегда найдутся люди, которые с целью наживы готовы предложить дефицитные товары и услуги (или если не дефицитные, то значительно

Торговля «с рук»

дешевле, чем в магазинах). Торговля на черном рынке приносит бóльшую прибыль, чем легальная торговля, хотя и риска больше. В Ленинграде был черный рынок наркоманов на Некрасовском рынке, черный рынок валюты, книжный черный рынок... Специфика черного рынка Ленинграда конца прошлого века состояла в его многообразии, охватывающем по причине тотального **дефицита** практически все сферы товаров и услуг. И если сегодня можно запросто прожить без черного рынка, то в Ленинграде это не представлялось возможным — где еще можно было купить нужную вам книгу или джинсы?

Ш, Щ

ШАРИКОВАЯ РУЧКА. Ручка на основе пасты (трубочки с чернилами на конце с маленьким шариком). Шарик при трении о поверхность вращается, с тыльной стороны обволакиваясь в чернила, и, если провести по листу бумаги, получается линия.

Изобретение современной шариковой ручки приписывается венграм Йозефу (Ласло) и Джорджу Биро, жившим в Аргентине. Летом 1943 года изготовили первые промышленные экземпляры. Права на патент купили англичане. Шариковая ручка использовалась во время Второй мировой войны, так как была удобнее и прочнее перьевой. Первоначально предназначалась для Королевских военно-воздушных сил Великобритании, поскольку обычные перьевые авторучки не писали в самолетах на большой высоте.

Ленинградцы в послевоенное время писали карандашом или перьевой ручкой. Потом появились чернильные авторучки, которые ремонтировались в специальных мастерских (например, на Невском пр., 45 или 88, на Среднем пр. Васильевского острова, 7, или на Большом пр. Петроградской стороны, 30).

В 1960-х годах в Токсово каждую зиму в январе проводились лыжные Кавголовские игры с участием иностранцев. В местных магазинах тогда впервые стали появляться

иностранные товары, в том числе и шариковые ручки (в городе они еще не появились).

Начиная с 1960-х годов моряки, ходившие в загранплавание, стали привозить в Ленинград шариковые ручки. Некоторые из них пользовались большим и, надо сказать, заслуженным интересом у мужской части населения: если держать ручку вертикально, пером вниз, то на корпусе ручке можно было увидеть изображение женщины, если ручку перевернуть пером вверх, то женщина «раздевалась». Прошло лет двадцать, и из-за границы стали привозить новый вариант шариковой ручки — со встроенными часами. Но эта игрушка не прижилась, и остались лишь два вида шариковых ручек — одноразовые и заправляемые, правда, ассортимент и разнообразие их неуклонно росли, пока не достигли нынешнего уровня, когда при выборе ручки глаза разбегаются.

ШОКОЛАД. В послевоенном Ленинграде о производстве шоколада, казалось бы, и помышлять было невозможно. Между тем возобновлению кондитерской промышленности в СССР вообще и в Ленинграде в частности в немалой степени способствовало то, что в советскую зону оккупации Германии попали ведущие немецкие шоколадные фабрики, а также фирмы — производители оборудования. Промышленное оборудование для кондитерских фабрик советские предприятия в продолжение нескольких лет получали по репарациям из Германии, а технологические линии потом помогали выстраивать итальянцы. В качестве трофеев из Германии привозили и шоколад. Питерский журналист А. М. Спичка рассказывал в одной из своих книг, как кто-то из его друзей жил после войны с матерью и отцом-военным в оккупированной Германии. Оттуда они привезли на родину ящик плиточного шоколада — и ели его чуть не до середины шестидесятых годов, причем качество оставалось неизменным. В 1950-е годы в Ленинграде работали четыре кондитерские фабрики, благодаря техническому переоснащению выпуск кондитерских изделий увеличивался. Фабрика им. Крупской,

которая к 1940 году только начинала свою работу, все последующие годы, в том числе и военные, имея какао-бобы, наращивала выпуск шоколада. В 1956 году на фабрике производилось до 150 наименований шоколада и конфет. После войны увеличивался выпуск шоколадной продукции в «художественных» коробках. Как не вспомнить конфеты «Руслан и Людмила» фабрики им. Н. К. Крупской? Был шоколад попроще — «Золотой якорь». Многим по вкусу и по карману приходились шоколадные конфеты с различными начинками в так называемом «Шоколадном наборе» — красная с золотом коробка с нарисованным на ней скачущим оленем. Из шоколадных конфет советского времени можно упомянуть «Радий», «Невский факел», «Гвоздику», «Кара-кум», «Белочку», «Элегию», «Музу», «Желейные», «Жар-Птицу», «Мишку на севере», твердокаменный «Грильяж», конфеты с настоящим ликером в виде бутылочек (большой дефицит!). Редкостью являлся шоколад под названиями «Вдохновение» и «Восторг» (кажется, его делали в Москве), а когда впервые довелось попробовать швейцарский шоколад, то это — неизведанное дотоле ощущение. Шоколадными конфетами закусывали в советское время **коньяк,** покупая его в розлив, или вино, даже когда покупали бутылками. *«Я взял бутылку портвейна и две шоколадные конфеты»,* — вполне распространенный набор в 1970-е годы, по меткому наблюдению С. Довлатова («Заповедник»). В 1980-е годы традиция продолжилась. В. Шефнер писал в романе «Лачуга должника» (1981 г., детали явно «списаны» с натуры): «...мы вошли в „Мороженое", заняли столик в уютном уголке. Я взял по стакану каберне и по паре конфет».

Где-то около 1978 года шоколад и шоколадные конфеты исчезли из продажи, но спустя несколько лет появились снова. Сегодня многие кондитерские фабрики вместе с новинками выпускают знакомые не одному поколению советских людей конфеты с такими знакомыми названиями — «Радий», «Жар-Птица»... Вот если бы предоставилась возможность попробовать те шоколадные конфеты, еще советского производства,

и сделать сравнение... Но... те конфеты уже давно съедены, да и вкус их забылся. Одно знаю точно — те конфеты отличались по вкусу, нынешние — не очень.

«ЩЕЛЬ». Одно из тех исторических ленинградских мест, память о которых умрет вместе с последним его посетителем.

Так, не очень благозвучно, но заманчиво, в 1970-е годы в среде определенной части горожан (в подавляющем большинстве мужской) назывался буфет (не кафе даже), находившийся в помещении гостиницы «Астория». Заходили в него прямо с улицы, минуя главный вход, что было удобно для всех — и для клиентов буфета, и для администрации отеля, которая в советское время не любила посторонних в интуристовской гостинице из числа горожан. Официального названия буфет не имел, зато имел постоянную клиентуру — некоторых работников Ленгорисполкома, помещавшегося напротив, через площадь, военных в высоких чинах, лиц в штатском, о роде занятий которых только догадывались, не боясь ошибиться, и, как ни странно, студентов филологического факультета (возможно, и других факультетов) Ленинградского университета. Частыми гостями здесь были студенты и педагоги Консерватории и Музыкального училища им. Н. А. Римского-Корсакова. Эти два учреждения находились неподалеку, в районе Театральной площади. О том, заходили ли сюда работники Театра оперы и балета им. С. М. Кирова (нынешний Мариинский), также находившегося на Театральной площади, у автора этих строк сведений не имеется.

Как можно догадаться по названию, буфет был узким, но не тесным — редкое сочетание, которого, сколько известно, так и не удалось достичь в других питейных заведениях Ленинграда—Петербурга. По обеим сторонам от входа — две короткие стойки (сидячих мест в «Щели» не было), довольно узкие, на которые могли поставить стакан и положить бутерброд на блюдечке два человека; напротив

входа — стойка бара. Меню — традиционное и неизменное в продолжение, наверное, лет десяти: великолепный армянский коньяк (такого уже давно нет), кубинский сок манго (и его давно нет!), бутерброды с красной и белой рыбой ценных и очень редких для СССР пород. Что удивительно — очередь в «Щель» никогда не стояла. Сюда заходили, выпивали, после чего курящие выходили покурить в Исаакиевский сквер. Кто-то, сделав круг по площади, наведывался еще — нередко после того, как провожал товарища до метро или до автобуса; у каждого свои нормы, проблемы, потребности.

Поистине интеллигентное, ленинградское место, куда заглядывали, точно по зову души, немногословные, тихие, уравновешенные люди, чтобы насладиться рюмкой отличного напитка с изысканной закуской. Посетители нередко коротко, понимающе кланялись друг другу, точно члены привилегированного клуба, посещать который считалось знаком хорошего тона. Сюда приходили не выпивать, а *приобщиться* к *таинствам:* полумрак, безмолвные люди в погонах, в импортных плащах, а то и в джинсах, бывших тогда большой редкостью, а за дверью, буквально в двух шагах, — дождливый Ленинград, спешащие горожане, даже не подозревающие о том, что здесь не прочь угостить всякого, кто отважится сюда зайти. Так в дореволюционном Петербурге многие любили встречаться у «Вольфа и Беранже», в «Малом Ярославце», «Доминике»...

Разумеется, существовали тогда в Ленинграде и другие места, где желающие могли выпить коньяку: например, в небольшом магазинчике «Вина-Коньяки» на углу Невского и Большой Морской (в 1980-х он превратился в коньячную рюмочную), в заведении под названием «Коньяк-Шампанское» на Невском, рядом с Малой Садовой. Там подавали грузинский коньяк, полусухое шампанское, а в начале 1960-х еще и коктейль с ленинградским названием «Белая ночь». Но то были заведения совсем другого толка, куда заходили выпить, а не проникнуться атмосферой, а это разные вещи.

Ю, Я

ЮНЫЙ ТЕХНИК. Сеть магазинов, где в 1970—1980-е годы покупали бракованные рейки, бруски, арматуру, некондиционные радиодетали, обрезки меди, орголита, картона, оргстекла, электропровода и пр. для поделок дома; а также бракованные черно-белые телевизоры, радиоприемники, детские конструкторы и др. В состав Ленинградского торгового объединения «Юный техник» входило 5 магазинов, главный из них находился на Краснопутиловской ул., 55. В нем была секция «Умелые руки», где продавались заготовки моделей, электромоторчики, конструкторы, а также слесарный и столярный инструмент, лаки, краски, клеи, наборы для выпиливания (всего более 300 наименований товара). Разумеется, на телевизоры, приемники, всевозможные узлы, блоки и пр. гарантии не давалось. В отделе «Материалы для самоделок» имелось более 500 видов отходов (медная проволока, фанера, уголки, поролон и пр.). Большой популярностью у радиолюбителей пользовалась «толкучка» возле этого магазина, где покупали любые радиодетали.

Такие же магазины находились на Гражданском пр., 104, на пр. Ю. Гагарина, на Торжковской ул., 11. Поставляли продукцию в эти магазины (не считая ленинградских) предприятия из Брянска, Воронежа, Челябинска, Горького, Вильнюса

и других городов СССР. К прилавкам пробивались с трудом. Открытый доступ к мелким деталям давал возможность некоторым «умыкнуть» детали и обрезки (несмотря на то что в этих магазинах продавалась «некондиция», существующие цены отнюдь не казались бросовыми — это, наверное, единственный недостаток всей затеи с «юными техниками»). Магазин на Торжковской существовал до конца 1990-х, уже под названием, кажется, «Умелые руки». На Краснопутиловской магазин тоже держался до того же времени. Магазины, в которых продаются отходы промышленного производства, поныне существуют в некоторых странах. Неплохо бы и у нас возродить их — желающих мастерить во все времена находится немало.

«ЯЩИК». Закрытое учреждение советского времени. В романе Арк. и Б. Стругацких «За миллион лет до конца света» герой «работает в ящике над каким-то гигантским, очень секретным проектом, связанным с обороной». «Ящиком» мог быть и научно-исследовательский институт (НИИ), и конструкторское бюро (КБ), не имевшие названия, а только номер. Говорить кому-либо о том, чем занимаются в «ящике», его сотрудникам строжайше запрещалось, а о царивших там нравах можно заключить по следующему эпизоду. Один человек, работавший в «ящике», потерял ключи от дома. Об этом стало известно кое-кому у него на работе. Его вызвали в спецотдел и стали задавать вопросы: «Зачем вы потеряли ключи?», «С какой целью?» «Ящики» существуют в Ленинграде и в наши дни, но не в таком огромном количестве, как в советское время.

ЛИТЕРАТУРА

Аргументы и факты. 2007. № 10.

Богданов И. А. Unitas, или Краткая история туалета. М., 2007.

Богданов И. А. Большой Гостиный двор в Петербурге. СПб., 2000.

Богданов И. А. Вокзалы Петербурга. СПб., 2004.

Богданов И. А. Гранд-Отель «Европа» в Санкт-Петербурге. СПб., 1999.

Богданов И. А. Дом с четырьмя колоннадами. СПб., 2002.

Богданов И. А. Дым Отечества, или Краткая история табакокурения. М. 2007.

Богданов И. А. Лахта-Ольгино-Лисий Нос. СПб., 2005.

Богданов И. А. Лекарство от скуки, или История мороженого. М., 2007.

Богданов И. А. На углу всех улиц. СПб., 2005.

Богданов И. А. Ресторан «Палкинъ». СПб., 2007.

Богданов И. А. Старейшие гостиницы Петербурга. СПб., 2001.

Богданов И. А. Три века петербургской бани. СПб., 2000.

Богданов И. А. Футбол. Краткий путеводитель. СПб., 2002.

Богданов И. Фабрики-кухни / Санкт-Петербург. Энциклопедия. СПб.; М. 2004.

Бульвар Гордона. 2006. 31 октября. № 44.

Васильев Д. Фарцовщики. Как делались состояния. СПб., 2007.

Веллер М. Легенды Невского проспекта. СПб., 1994.

Вишневская Г. Галина. М., 1994.

Влади М. Владимир, или Прерванный полет. М., 1990.

Геворкян Н., Тимакова Н., Колесников А. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М., 2000.

Герман М. Ю. Сложное прошедшее. СПб., 2000.

Додин Л. Цена личности // Культура. 2007. 10 октября.

Драгунский В. и др. Смешные рассказы. М., 2007.

Квартальный надзиратель. 2003. № 12. 2005. № 8.
Конецкий В. Начало конца комедии. М., 1978.
Кружное Ю. Н. Легенды БДТ. СПб., 2007.
Лебина Н. Энциклопедия банальностей. СПб., 2006.
Ленинград. Цифры и факты. Л. 1973.
Максимова Е. Мадам нет. М., 2003.
Мархасёв Л. С. Белки в колесе. СПб. 2004.
Мархасёв Л. С. След в эфире. СПб. 2004.
Метро. 2006. 24 ноября.
Митин журнал. 1997. № 55.
Найман А. Г. Славный конец бесславных поколений. М., 1999.
Новая газета. 2001. 23 августа.
Попов В. Литературный Невский // Звезда. 2001. № 1.
Пчела. 1996. № 6.
Рейн Е. Б. Мне скучно без Довлатова. СПб., 1997.
Рейн Е. Слухи о глобальном пьянстве писателей сильно преувеличены // Огонёк. 2007. №51.
Романов П., Ярская-Смирнова Е. Фарца: Подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас. 2005. № 5.
Синдаловский Н. А. Словарь петербуржца. СПб., 2002.
Смена. 2007. 28 ноября. 2008. 21 января.
Соловьев С, Филановский И. Проблемы ответственности за самогоноварение // Советское государство и право. 1962. № 3. Утро Петербурга 2006. 11 декабря. Cigar Clan. 2005. № 4.
Топоров В. Л. Двойное дно. Признания скандалиста. М., 1999.
Шефнер В. С. Лачуга должника // *В. С. Шефнер.* Сказки для умных. Л., 1990.
Юрский С. Ю. Игра в жизнь. М., 2002.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

Дашкевич Т. Я. Песни Победы: Алексей Фатьянов (slovo.ru).

http:/kymiry-xx-veka.narod.ru
http://www.peoples.ru/art/painter/vorobyev/interview2.html
http://euro.svoboda.org/programs/hd/2003/hd.052303.asp
http://www.lebed.com/2002/art2865.htm

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Без комплиментов прошлому 5

Аббревиатура 8
Автомобили 12
Академичка 25
«Альбатрос» 27
«Англетер» 28
«Андроповка» 31
«Астория» 32

Банлон 37
Бани 38
Бассейны 43
«Беломор» 44
«Белые ночи» 48
«Березка» 48
Блат 49
Блатные песни 51
Болонья 52
Бормотуха 53
Бюстгальтер 57

Вертушка 60
Водяра 62
Вражьи голоса 67

Гавана 71
Галоши 71
Гостиный двор 74
Гостиного двора галереи 76

Дача 78
Дворцы бракосочетаний 83
Демонстрации 85
Денежная реформа 1947 г. 89
Денежная реформа 1961 г. 92

Денежная реформа 1991 г. 96
Дефицит 97
Джинсы 99
Дома-корабли 101

«Европейская» гостиница 102

Живопырка 124
Заккусон 124
Злпвка 127
«Зенит» 128

Интурист 131

Кайф 135
Карты 136
Квас 137
Кино 138
Книга и жалоб и предложений 140
Колготки 142
Комиссионные магазины 144
Коммуналки 145
Коньяк 148
Косметика 150
Котельные 156
Кримплен 157

Леваки 159
Ленин В. И. 159
Лимитчики 162
Лотерея 163
Луноходы 164

Маг 165
Макулатура 167
«Малек» 168
Маневренный фонд 170
Медвытрезвитель 171
Медпомощь 174
Множительная техника 174
Мода 175
Моржи 181
Мороженое 182
Мохер 186

Наборы продовольственные 187
Нагрузка 188

Невский проспект 188
Несуны 193
Новый год 193

Общепит 196
«Океан» 205
Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) 205
Очередь 207
«Пакет болельщика» 210
Парадняк 210
Парикмахерские 212
Пивбар (см. Пиво) 217
Пиво 217
Пижоны (см. Стиляги) 220
«Плавучки» 220
Пласты 221
Призывы ЦК КПСС 223
Пухто 223
Пыжик 225
Пятидневка 226

«Распашонка» 227
Реклама 227
Рыбный день 230
Рынки 232
Рюмочные 233

«Сайгон» 235
Самиздат 246
Самогон 248
Самопал 250
Сачки 250
Связь и СМИ 250
Секс 262
Сельхозработы 262
Сертификатные магазины 264
«Сорокопятка» 265
Софья Власьевна 265
«Спартак» 266
Старая книга 267
Стеклотара 270
Стекляшка 272
Стиляги 273
Стиральная машина 276
Стол заказов 277
«Стрелки» 277

Стройотряды ... 278
Субботники ... 279

Табак ... 280
Такси ... 290
Талоны ... 292
«Телега» ... 295
Товарищеский суд ... 295
Трамвай ... 297
Трезвость ... 299
Трусы ... 300
Туалеты ... 302
Тунеядец ... 316
Туризм ... 317
Тянучки ... 320

Университет ... 321

Фабрики-кухни ... 322
Фантики ... 324
Фарцовщики ... 325
Фифа ... 328
Фотография ... 329

Хиппи ... 330
Хрущовка (см. Хрущоба) ... 332
Хрущоба ... 332

Цеховики ... 335

Чай ... 337
Черный рынок ... 337

Шариковая ручка ... 339
Шоколад ... 340

Щель ... 342

Юный техник ... 344

«Ящик» ... 345

Литература ... 346

Богданов Игорь Алексеевич

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЛЕКСИКОН

Публикуется в авторской редакции

Ответственный за выпуск *Л. Яцева*
Художественный редактор *Е. Шурланова*
Корректор *Л. Галаганова*
Верстка *Е. Новгородских, Т. Шамаевой*

Подписано в печать 21.11.2012.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 16,15.
Тираж 2 500 экз. Заказ № 9072.

ЗАО «Издательство Центриполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Прошлое — это наши собственные воспоминания. Остальное уносит время, оставляя следы на страницах газет, книг или в кадрах кинокартин... Как часто, вернувшись в те места, где родились и выросли, мы не узнаем свой отчий дом или видим на его месте один из модных магазинов или же совсем незнакомую нам многоэтажку.

Так и Ленинград, который для многих был городом детства, молодости или же зрелой семейной жизни, не миновала эта участь. Теперь перед нами иной город, с новыми домами и укладом жизни.

Автор делится своими наблюдениями и воспоминаниями, представляя реальную картину жизни Ленинграда конца 1940-х — начала 1990-х годов. Необычна форма изложения воспоминаний — они представлены по словарному принципу. Книга являет собой связующее звено, мостик, соединяющий поколения. Современному читателю, не знакомому с реалиями социалистической действительности, откроются вещи совершенно поразительные.

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®
ISBN 978-5-227-04050-3

Вы узнаете, что «распашонка» — это не детская кофточка, а планировка квартиры, «андроповка» — это водка, а «живопырка» — это заведение общепита.

Эта книга для тех, кто интересуется жизнью и историей Северной столицы, так стремительно меняющей свой облик.